

**АЛИНА ВОРОНИНА
МИЛА ҚИРИЧЕК**

**ПОЦЕЛУЙ ЧЕРЕЗ
СТЕКЛО**

Annotation

В тюрьме умирает преступница — маньяк. Однако преступления продолжают. К тому же, город накрывает эпидемия. Выживет ли любовь при этой глобальной человеческой зачистке?

Алина Воронина

Поцелуй через стекло

ЧАСТЬ 1
ДО КАРАНТИНА

Глава 1

Ответка прилетела

КАПЛЯ, КОТОРАЯ ТОЧИТ КАМЕНЬ

На самом деле я — Капитолина. В честь какого-то холма в Риме назвали. Но об этом не догадывались.

Сейчас зовут Каплей. Это из-за работы, которая называется теперь «клининг», а по-нашему- уборщица. Профессия- востребованная, потому как найти хорошего работника в нашей сфере не всегда получается. Сплошь ведь белоручки вокруг. Моим работодателям со мной повезло, а мне с ними. Призвание у меня такое — делать мир чище. А у него — мирато-большие проблемы, скажу я вам. Так что клининг — это не только звучит красиво. Это реально... До той поры, пока руки здоровые. Но сейчас у меня с ними проблемы. Моя болезнь красиво называется- эритея. Это такие красные круги по коже.

Так что придётся оставить клининг. А жаль.

(Запись на этом обрывается.)

МИРРА ИЗ ГОРОДА МИРНОГО

Да, я так и представляюсь. А что- звучит.

По правде, имя пишется с одной «Р». Но Бабуленция окликает меня именно так — с раскатистым «Р». Мир-р-ра. Похоже на английское «зеркало». Бабуленция талдычит, что нужно мне выбирать из этого муниципального образования, что в Москве такие, как я, то есть рукастые и небрезгливые, всегда пригождаются. «Хоть сиделкой, хоть уборщицей, хоть кухаркой!»

Только мне это-то есть Москва- как-то в лом, потому как там сплошная кутерьма, а я люблю наше озеро, наш лес. К тому же от этого самого клининга всякие кожные заболевания случаются. Вот и у Бабуленции очередное обострение. Так что, Москва, бывай- гудбай!

КАПЛЯ, КОТОРАЯ ТОЧИТ КАМЕНЬ

Мечты сбываются. Кажется, это ещё называется визуализация. А ещё — доска мечтаний. Когда вывешивают на стенку всякие там глянцевые картинки. Ну и они потом материализуются. А я вот только подумаю- и опля!

Та злыдня-старуха, которая выбросила новорождённых котят в мусорный контейнер, ныне покойница. Давно на неё зуб точила. Так сказать, тайные побуждения. Вселенная их услышала.

А та деваха, которая метала пивные банки в озеро, а тот чел, которому влом было отделить пластик от остальных отходов. И ведь молодой совсем, и наверняка в курсе дела, что эти самые пивные полторашки будут столетиями валяться и ничего с ними не делается. Оба получили по пустой башке. Чтоб неповадно было загрязнять матушку- природу. Да и наш двор впридачу.

Чистота- залог здоровья! Это я ещё со школы помню. Между прочим, мне тогда на руку повязку с красным крестом повязали и поручили чистоту рук и ушей у одноклассников перед уроками проверять. Ответственное задание. И я с ним справлялась.

Не оплошала и сейчас.

Глава 2

Божья коровка, лети на небо!

«Дом божьей коровки» — так именуют учреждение местные жители. А журналисты уточняют: психоневрологический диспансер получил это название из-за мозаики на фасаде, действительно напоминающей это милое насекомое.

Так вот к воротам этого учреждения в одно утро, накануне всеобщего бедствия подкатил джип с такими большими колёсами, что издали мог сойти за перекрашенный танк. Соответствовал транспортному средству и водитель: вздыбленные мышцы рук, гигантские плечи, на которых голова казалась несоразмерно скромной. К дверце «танка» вышла из пропускной будки очень приметная компашка. Один в головном уборе, напоминающем шлем танкиста. Другой — с бритым по бокам черепом и хвостиком, перетянутым резинкой на макушке. До дверцы пару провожал сотрудник «Божьей коровки» в белом мятом халате, а ещё человек, едва достававший до кромки его полы. Они обнялись с «танкистом» и «черепом», и те погрузились в джакар. Машина рванула с места, а пассажирки (это были барышни), оглянувшись на фасад здания, запели:

— *Божья коровка, лети на небо!*

Там твои детки кушают котлетки!

Джакар, переваливаясь, сначала двигался по раздолбанной дороге, к которой лепились облезлые хрущовки, затем свернул на мост имени ФУКБХУХО, что означает «Федеральное управление безопасности хранения и утилизации химического оружия». (Такой и правда имеется в России. Погуглите в Интернете.)

Спустя четверть часа выехали за город и долго мчали среди полей и лугов, с которых недавно сошёл снег, отчего они выглядели сиротливо неприбранными. Затем снова показались хлипкие домишки, среди которых то и дело возникали вполне себе солидные коттеджи. А потом неожиданно нарисовалась серая пятиэтажная коробка с вывеской, на которой уцелела лишь концовка: «...житие». Пассажирки выпорхнули из салона и долго звонили в домофон «жития». Но никто им не отвечал. Дверь открыл высокий подтянутый мужчина со скандинавскими палками и в сопровождении пса.

Девушки отсутствовали недолго. А появились с двумя сумками в руках. Водитель — громила любезно подхватил их. И компания скрылась с глаз.

Так Мирра (та, что с кичкой на макушке) и попала в Москву. Совсем того не желая. Но что поделаешь, если местным властям уже послана директива — освободить все возможные койки.

ЧАСТЬ 2

КАРАНТИН, ИЛИ ДОМАШНЕЕ СИДЕНИЕ

Глава 1

Смерть в тюрьме

Главное правило — соблюдать прежний распорядок, то есть вовремя вставать, завтракать в привычный час и, разумеется, менять на костюм домашние вельветовые штаны, которым нет износу лет десять, и такого же возраста футболку.

Правило правилом, но Адаев минут пять сидел, тупо уставившись в окно, за которым виднелись полицейские. Да, для соблюдения строгой изоляции первого ковидного дома в городе отрядили даже этих служивых.

Чтобы сменить обстановку, двинул в кухню — попить водички. Из кухонного окна была видна площадка с двумя мусорными контейнерами, у которых три старушки ожидали подсобных рабочих из ближайшего торгового центра. В прежние времена, когда в этот час он находился уже в своём кабинете, Вилен Владимирович не задавался вопросом, чего эти три вполне себе приличные горожанки ждут в столь антисанитарном и неэстетичном месте. Оказалось, просроченных продуктов. Теперь он убедился в этом лично.

Не дожидаясь раздела «добычи» старушками, он двинулся в бывшую детскую, откуда перетащил письменный стол сына в гостиную, призванную на целые две недели выполнять функцию его рабочего кабинета.

Те, кто родился в городе Мирном, уже с молодости мечтал свою малую родину покинуть. Не избежал этой участи и Адаев. Но потерпев неудачу, вынужден был свой город полюбить. А ещё придавать своему существованию дополнительный вкус — хоть горький, хоть терпкий, хоть кислый. И всё благодаря журналистским расследованиям.

Однако дело это довольно нервное. Естественно, что узнав, что в их доме из-за большого коронавирусом будет карантин, Вилен Владимирович поначалу даже обрадовался. И весь первый день отсыпался. А потом наступила ночь. Когда сна — ни в одном глазу. От нечего делать он стал пялиться в окно, за которым маячили фигурки полицейских. Среди них он заметил и женскую фигурку. Зина Сыропятова. Завидя его в окне, женщина позволила себе улыбнуться. Не исключено, что кому-нибудь другому она адресовала бы более искреннюю улыбку. Но для Адаева сгодится и эта.

А Вилен Владимирович снова и снова вглядывался в текст эсэмэс:

«Твой любимый персонаж умер в колонии. Будем давать информацию?»

Он ответил:

«Надо подумать».

На самом деле он уже знал: никакой информации его газета давать не будет.

Сидя у окна, он не видя смотрел на своё отражение. Его и без того приземистую фигуру тянула вниз сутулость человека, значительную часть времени проводившего за столом. Он был лыс. И уже давно. Так что никаких попыток замаскировать эту голую, как колено, часть головы не предпринималось. Про его лицо можно было бы сказать: непримечательно, как сырая очищенная картофелина. Всё меняли карие с зеленцой глаза. Они смотрели на вас и видели, казалось, больше, чем вам хотелось.

Он думал о том, как миллионы нервных клеток с бесчисленными соединениями, которые составляли «Я» умершей, перешли в то, что называют прах. И нам, всё ещё живым, остаётся только гадать, как эта грубая материя, этот кусок мяса в черепушке способен был породить целый мир. Кто приблизился к этой разгадке? Хотя бы чуть-чуть?

Эх, на несвоевременные мысли наводит изоляция. И как ему не достаёт рабочего кабинета с его лепниной на потолке, венецианскими окнами со старинными шпингалетами и настоящим паркетом. Один сторож охраняет сейчас покой того бывшего купеческого особняка. Наверное, обойдя этажи, заглянув во все закутки, он возвращается в свою каморку под массивной лестницей и включает телевизор. Единственную отраду. А за окном вестибюля тем временем покачивается пышная дубовая крона.

Когда онлайн-новостные сайты похоронили большинство городских газет, «Вести Мирного» уцелели. Правда, пришлось привести в жертву часть штатных сотрудников. Да и выходила газета нынче раз в неделю и меньшим тиражом. К моменту пандемии в распоряжении редактора была сотрудница отдела рекламы и бухгалтер. Всё остальное Вилен Владимирович взял на себя. Таким образом карантин мало повлиял на функционирование редакции. Сменилась лишь её дислокация. Редактор работал дома. Единственное, что угнетало его, так это невозможность покинуть квартиру.

И вот в этой новой ситуации обнаружилось, что в его распоряжении масса времени-и не просто минут, часов, а дней. А к ним Вилен Владимирович привык относиться с почтением. Ещё с тех пор, как посмотрел фильм «Сказка о потерянном времени». Уже в юности его интриговала способность Времени идти с разной скоростью. Зрелого Вилена огорчали разрушения, которые годы наносили телам близких. А совсем недавно, он задумался о том, что есть прошлое. И что такое будущее? Не иллюзия ли? Тем не менее сильнее всего оказалось убеждение, что с каждым выдохом время превращается в неизменное прошлое. И он принял решение заглянуть в него снова.

Глава 2

Профайлинг по-московски

Семьдесят гектаров, утопающих в зелени. На них — сорок коттеджей буржуазии, получившей доступ к государственному пирогу в окаянные 90-ые и нарастившей капиталы в тучные нулевые. Понятное дело, что глазки видеокамер виднеются по всему периметру и напоминают хищных птиц.

Данный охраняемый периметр, за которым проживали Дамировы, унаследовал название от рабочего посёлка «Красные кирпичики», к которому присоседился в 90-ые.

— Ну и хорошо, что кирпичики, а не бульжники! — шутили первые поселенцы.

Размежевание с аборигенами началось с названия улиц: «Радужная», «Солнечная», «Счастливая». А чтобы не проезжать по «Колхозной», «Коллективной», а уж тем более через «Рабочий порядок», проложили объездное шоссе.

И прямиком- на Москву!

Изначально коттеджный посёлок «Красные кирпичики» задумывался как этакая витрина роскоши. Но позднее заказчики аппетиты свои поумерили: не то наступило время, чтобы кичиться деньгами, пускаясь во все тяжкие.

Обиталищем наследника Дамировых была мансарда с наклонными слуховыми окошками и с так называемым французским окном, выходящим на закрытый балкон, вмещавшим два плетёных из ротанга кресла, столик и ряд цветочных горшков.

Пока Лука проводил время в творческих муках, его папа и мама уединились в их общем рабочем кабинете.

— Ты засыпал нашу помощницу вопросами, — заметила София.

— Хотел узнать, когда она врёт, а когда говорит правду.

— Каким образом?

— Следил за её глазами, — ответил он, не отрывая глаз от монитора своего компьютера.

— И что тебе сообщило это зеркало души? — поинтересовалась Софья, не отрывая взгляда от монитора своего компьютера.

— Дело в том, что наш мозг состоит из двух полушарий, — сообщил Гумер, проигнорировав иронию в голосе жены.

— А Волга впадает в Каспийское море! — усмехнулась супруга.

— Правое отвечает за долгосрочную память, — продолжил муж как ни в чём ни бывало, — левое- за творчество. Когда человеку задают вопрос, глаза смещаются в сторону полушария, которое он задействует в данный момент.

Взгляд самого Гумера в этот момент был по-прежнему сфокусирован на мониторе: оглядываться на жену не было нужды. Он ощущал её настрой спинным мозгом, а потому продолжил, только в убыстрённом темпе:

— Если человек говорит правду, его глаза движутся вправо, если лжёт-влево.

— И каков результат тестирования? — Женская ручка опустила мышку. А муж, отзеркалив, повторил жест.

— При ответе она смотрела на меня в упор. Пустой, безличный взгляд статуи.

— И каков окончательный вывод?

— Наивная, невинная и оттого опасная.

София ударила ручками о подлокотники своего кресла, так что звякнуло обручальное колечко, и резко поднялась.

— Давай-ка по кофейку! — предложил муж, и уловив согласие жены по движению мастерски оформленных бровей, прибавил: — Я распоряджусь!

Спустя считанные минуты в дверной проём выдвинулся поднос с кофейником, сливочником и двумя чашками.

Лицо у подавальщицы — самое заурядное: глазки — маленькие, без яркой окантовки — ни тебе ресниц, ни бровей. Но смотрят на мир с любопытством.

Дамировы поблагодарили девушку, и та молча удалась.

— Ну а эта аляповатая татуировка! — произнесла София, пренебрежительно поджав губы. — Как тебе?

— Все мы носим на теле стигматы, хотя и разные, — пробормотал супруг.

— Что? Стигматы?

— Не бери в голову. Это всего лишь цитата.

— Откуда? — не отставала София.

— Из какой — то рукописи.

Слово подействовало как звук побудки в солдатской казарме. София обратилась к рабочему компьютеру. После сокращения штатов «Библиофила» она выполняла редакторскую работу.

После кофе-брейка пара трудилась, не разгибая спин. Затем отправилась на обязательную прогулку, которая состояла в нарезании кругов по приусадебному участку. При этом женщина время от времени закатывала глаза. Словно советовалась с небом. А потом заявила:

— К тому же она не москвичка!

— А разве большинство москвичей, включая и нас с тобой, не из понаехавших? И кто, помимо Юрия Долгорукого, не лимита?

София лишь театрально закатила глазки, а когда глазные яблоки вернулись на место, объявила:

— Полагаю, тебе всё стоит выяснить на месте.

МИРРА ИЗ ГОРОДА МИРНОГО

Его родители смотрят на меня, как сканер кассира на цифровой код товара. А вот у их сыночка другой взгляд. На его радаре меня просто не было. Сначала. Теперь что-то меняется.

Моя говорильня, похоже, раскрывает мальчику глаза на жизнь за окнами. Правда, сам он втирает мне другое. «Я писатель. А они коллекционируют истории». Зачем? — «Чтобы кроить из них собственные».

Ну да, нехай сочиняет. «Нехай» — это от тёти Лэси — беженки с Украины. Она жила в нашей общаге. А потом уехала в Москву. Это благодаря ей я устроилась в клининговую компанию. Хорошая тётка. На память о ней остались некоторые высказывания, типа: «Холера те в бок!» Это из её детства. Кажется, в 1970 года её семья пережила холеру. Но точно дату не помню. Цифры запоминаю хуже, чем выражения. Это ещё доктор Борис Львович Шехтман заметил. А вот на память о докторе я храню слово «нейропластичность». Кажется, это и про меня говорилось. Впрочем, какая теперь разница?

Сегодня мне удалось разговорить молодого хозяина. «Ты везунчик. И даже не догадываешься об этом!» На что он ответил банальным: «У каждого свои проблемы!» —

«Интересно, какие?» — «Как бы ты себя ощущала, если бы... перестала расти в детстве?» — «Не знаю. Расскажи. Теперь твой черёд».

Из моего рукава выбилась нитка. Я принялась накручивать её на указательный палец. Лука поднялся и достал ножницы, чтобы обрезать её. А потом стал рассказывать:

«Мои ровесники выросли, а я оставался пухлощёким киндером. За целый год не подрос даже на сантиметр. Меня отправили к эндокринологу. Потом взяли кучу анализов. Короче, обнаружили недостаток гормонов. Из-за этого мой пубертатный период откладывался, а в университете принимали за вундеркинда, досрочно окончившего школу. Девушки видели во мне только плюшевого мишку. Да, я был напрочь лишён тестостерона. Иногда меня принимали за девочку».

«Но сейчас всё по-другому!» — Я положила руки ему на плечи — «Главное, ты жив. И у тебя нет серьёзной болезни! Ты тот, кто ты есть!»

Глава 3

Дело Греты Тунберг

Вилен Владимирович Адаев достаёт из выдвижного ящика стола коробку из-под обуви, где аккуратно сложены почти вышедшие из употребления кассеты для диктофона. К каждой прилагается тематический список записей. Он ищет «Дело Греты Тунберг». Кассета должна лежать ближе к дну коробки. Ошибки быть не должно. Её и не было, ибо Адаева отличает не только профессионализм в сборе материалов, но и их чёткая систематизация и бережное хранение.

Итак, он намерен освежить память по поводу нашумевшего пару лет назад дела. Женщина в маске с портретом юной защитницы планеты нападала на граждан, нарушавших, по её убеждению, природный баланс.

На суде Капитолина Кузюткина вела себя спокойно, даже отстранённо. СМИ тогда сошлись во мнении: женщина равнодушна как к собственной судьбе, так и к участи жертв. Нечто подобное в журналистской практике Адаева уже встречалось.

Самый последний случай. Это когда в дачном кооперативе сорокапятилетний мужчина расстрелял из охотничьего ружья соседей. Ударом по капсулю стала брошенная мимоходом фраза соседки о пивном животике убийцы. Когда совершаются такие преступления, задаёшься вопросом: что же происходило внутри человека? Ответ напрашивается один: нарастающее напряжение и дезорганизация, которые не поддавались контролю.

Но применим ли данный случай к Капле, которая точит камень?

После вынесения приговора ему удалось заполучить для беседы адвоката обвиняемой Кузюткиной.

Память услужливо рисует, как господин Педай плюхается в предложенное ему кожаное кресло. После увольнения из полиции он несколько утратил былую форму. Они обмениваются любезностями, после чего газетчик извлекает из стола диктофон. Тарас Иванович неодобрительно косится на красный мигающий огонёк индикатора: записывающее устройство его нервирует. Но надо иметь снисхождение к возрасту журналиста и его слабеющей памяти. Да и сотрудничество со СМИ в данном случае чрезвычайно выгодно, ибо «Вести Мирного» впридачу к объявлениям об оказании юридических услуг напечатают интервью с Педаем. А это покруче любой рекламы.

— Если мне не изменяет память, с делом Греты Тунберг вы познакомились ещё в бытность майора полиции.

— Ошибаетесь. К тому времени я уже уволился. Но не скрою: полицейский мундир сыграл свою роль.

— Связи?

— Не только. Следователь ищет доказательства виновности, адвокат-факты в пользу обвиняемого. У каждого- свой угол зрения. Что касается моей скромной особы... В моей голове адвокат и сыщик не успели разойтись слишком далеко.

— И всё-таки вы проиграли.

— Не удивительно. Обвиняемая не сделала ни одной попытки оправдаться. Она и от защиты отказывалась. Скажу вам более- Кузюткина сделала всё, чтобы оказаться на нарах.

— Вас это не насторожило?

— У меня в работе имелось ещё пара дел. К тому же... Там было всё... не

подкопаешься.

— И всё-таки вы сомневались.

Здесь Педай, как явственно помнил газетчик, постучал по столешнице сцепленными пальцами.

— В показаниях Кузюткиной не было ни единого противоречия.

— А вас не смутила последняя жертва? — Снова услышал Адаев свой голос.

— Что с ней не так?

— Это атлетически сложенный мужчина, способный скрутить в одно мгновение не только немолодую уже женщину, но и дюжего мужика. То есть у Капли, то есть у Капитолины не было ни одного шанса.

— Вот именно!

Адвокатские пальцы расцепляются и синхронно ударяют по подлокотнику кресла. По прежнему опыту газетчику известно: чем более весомые факты представит интервьюируемый, тем больше пальцев будет задействовано в этом стакато.

— Может, она таким образом хотела... — Окончание фразы повисло в воздухе. Но лишь на мгновение.

— Намёк понят: если б она хотела положить таким образом конец своим преступным действиям, она бы поставила этого гражданина, к слову, генерального директора обслуживающей кампании «Чистый дом», в конец списка намеченных жертв. — Последовала пауза.

— Тарас Иванович, а может быть такое, что на директора Кузюткина в действительности покушалась, а на остальных...

— Меня эта мысль посещала. — Теперь пальцы Педея легли на колени, препятствуя отбиванию ритма. — Но в процессе бесед с жильцами я вышел на свидетеля, чуть не ставшего очередной жертвой.

— Его имя фигурирует в материалах дела?

— В том-то и дело, что он не стал писать заявления. По каким-то своим, не до конца ясным, причинам.

— И что он поведал?

Кузюткина в маске Греты Тунберг замахнулась на него молотком для отбивания мяса, но ему удалось увернуться и даже сорвать маску.

— Вы назовёте его имя?

— Простите, Вилен Владимирович, дал обещание не разглашать.

— А чем провинился этот аноним перед воинствующим «гринписом»?

— Свалка на заднем дворе. Мужик собирает всякий хлам.

— С какой целью?

— Видимо, надеется извлечь из него какую-то пользу.

— По-моему, это болезнь.

— Она называется «нищета».

Вилен Владимирович выключает запись. Аргументы звучали весомо. И всё-таки...

Имелся один эпизод. С псиной, которая не лаяла. Его он откопал, когда беседовал с жильцами общежития в ходе журналистского расследования. Один из них, ежедневно выходивший на скандинавскую ходьбу, поведал следующее.

— Я совершал свой обычный маршрут вокруг озера, когда заметил двоих. Один был-тот парень, который не сортировал мусор. А другой, вернее, другая- в маске этой девчонки. Так

вот моя псина, удивительное дело, рванула к Маске. А ведь она нашу уборщицу побаивалась и всегда встречала её лаем. А тут вдруг взяла и растянула пасть в улыбке.

«Распутать преступление — это не только собрать факты, но и препарировать, если хотите, людей, которые противоречат друг другу, которые опровергают самих себя и при этом даже не задумываются о порочной)своей природе», — вспомнил Адаев цитату из какого-то детектива.

А ещё не менее важно разобраться с местом преступления! — добавил он от себя.

Кстати, оно произвело на него гнетущее впечатление.

Туннель, где произошли нападения «Греты Тунберг» в народе прозвали «кишкой». У него низкий потолок: макушка упирается в него, когда стоишь прямо. Даже если в тебе каких-то там 1 м 70 см.

Вдоль стен валяются пустые банки, пакеты, окурки и даже что-то из ткани, кажется, трусы. Стены расписаны человечками с гигантскими фаллосами. Видимо, авторы рисунков таким образом отражали свои потаённые мечты.

Короче, место, где и заточку в почку можно получить.

Глава 4

Муза для мальчика

— Похоже, нашего мальчика посетила муза! — сообщает София.

— Дай-то Бог! — Гумер постарался вложить в голос как можно больше проникновенности.

— Устроим читки?

— Океюшки! — Кивает супруг.

А куда деваться? Сын, на обучение которого литературному мастерству ушла куча денег, наконец-то разродился чем-то стоящим. Ну по крайней мере жена сочла текст таковым, если приняла решение потратить на чтение их рабочее время.

Они устроились в ротанговых креслах — друг против друга. София извлекла из накладного кармана тёплого кардигана распечатку сыновнего произведения.

«И всего-то несколько страничек. Жидковато даже для повести!» — подумал Гумер, приготовившись слушать.

Софья театрально откашлялась и принялась читать.

СТАНЦИЯ «СОРТИРОВОЧНАЯ»

Наверху — купол. По его внутренней поверхности располагается ряд осветительных приборов. А что выше? Полагали, что пустота. Главное событие- отправление состава на станцию «Конечная». Поезд этот не придерживается расписания: просто в иные дни возникает на перроне. Люди в зелёных респираторах обыскивают входящих. Чаще всего это старики, но встречаются и дети, и люди цветущего возраста. Станным было то, что пассажиров никто на станции не знал в лицо. К тому же после их отъезда должны были, по логике, остаться пустые койко-места. Но они отсутствовали.

С утра до вечера Харт проводил время в школе. Педагоги были из местных, а значит, по мнению парня, знали о жизни не более его. Вот если бы лекции читал пришелец из внешнего мира- будьте уверены, Харт не пропустил бы ни слова. Но какой смысл слушать в очередной раз, каково будет на станции «Конечная», когда они туда переселятся. Может, там будут водиться животные. Не исключено, что осталось и море. А вдруг, с неба идёт дождь? О подобном Харт способен размышлять и без всяких лекторов. Но так уж положено: все должны учиться. И когда освободят от этой обязанности- неизвестно. Многие ученики старше восемнадцатилетнего Харта, встречаются и те, кому стукнуло все пятьдесят. Но в то же время встречаются сорокалетние, которые учебное заведение не посещают. Но когда Харт интересуется, когда они закончили обучение и есть ли аттестат, те смущённо сообщали, что не помнят. С памятью что-то?

В этом месте в кресле слушателя началось ёрзанье. Софья чутким своим слухом его уловила и бросила в том направлении суровый взгляд. Гумер замер. Эх, зря он согласился на читку!

В казарму путь Харта пролегал по железнодорожному пути. — Продолжила чтица с металлом в голосе. — Приходилось ему перебираться и под колёсами поезда. И однажды это навело его на размышления о том, почему никому не удавалось проехать на поезде «зайцем». Бдительные проводники отталкивали всех, кто пытался незаконно попасть в вагон. Законный же способ оставался неизвестен, ибо счастливцы увозили его с собой. Правда, ходили слухи, будто за какое-то время до прибытия поезда человек ощущал: «Пора!» А ещё у

подобных прямо из воздуха материализовался некий проездной документ.

Мальчик у нас, без сомнения, не бесталанный. Но как это монетизировать? — размышлял Гумер. — Ведь без этого нынче никуда... Писать в стол ради собственного удовольствия? Этот способ существования в литературе ушёл в прошлое.

«В вагон не попасть, но можно прокатиться под вагоном». — Чтица стремилась к большей выразительности, то повышая, то понижая голос, отчего слушателю стало совсем грустно. — И в следующую встречу с составом Харт изучил подвагонное пространство и остался доволен: «Достаточное количество металлических ушек, к которым реально прицепить ремни с крюком или карабином». Воображение нарисовало поддон с двумя ремнями. Пристегнуть с правой стороны, затем ухватиться руками и ногами за выступающие части днища, прижаться к нему, освободить левую руку и ею пристегнуться оставшимися ремнями. Таким поддоном, учитывая малый рост Харта, мог послужить и школьный ранец. И всё же он решил укрепить конструкцию. Помимо того, стоило позаботиться о берушах или чём-то подобном: шум колёс мог повредить ушные перепонки.

Может, издать сборник подобных коротких текстов? — размышлял Гумер. — Затея, конечно, аховая. Такой формат не окупится. Как не пыжься. Но что не сделаешь ради ребёнка!

И вот стали меркнуть светильники под куполом. Харт повис под вагоном и пристегнул карабином концы двух самых толстых ремней, которые удалось найти, после чего улёгся на укрепленный ржавым металлическим листом ранец. На голову он напялил вязаную шапку, под которую натолкал тряпок. Для большей надёжности этих «беруш» уши заткнул провощенной ватой.

А мне никакие беруши не помогут! — с грустью констатировал слушатель. — Понятное дело, что для мальчика это своеобразный самопсихоанализ. И, следует заметить, эффективный. Но каково приёмнику негативных эмоций — читателю?

Когда поезд тронулся, ничего не было видно из-за угла обзора и темноты. Но когда состав приблизился к границе купола и земли, Харту показалось, что образовалась брешь. А как только состав миновал её, кромки её воссоединились. А дальше — пустота. Никакого пейзажа — ни сельского, ни индустриального, ни апокалипсического. Белёсый туман. Он навевал сон. Потом пришло ощущение бестелесности. А когда он увидел надпись «Ст. „Конечная“», то сразу пришёл в чувство и выбрался из-под вагона.

Перед ним — полоска обычной земли. А вдруг? Он потопал ногами, потом лёг. Немая мёртвая почва. Он поднялся и огляделся. Неба нет. Купола тоже. А среди белёсого тумана — поезд.

Он вошёл в вагон. Пусто! Он двинул по составу к голове поезда. Кабина машиниста. Никого. Рычаги, кнопки, ручки — изношенные. С метками ржавчины.

Он коснулся рычага на приборной доске. Металл прямо на глазах скукожился. А следом стали плавиться стены, пол, окна. Однако его кожные рецепторы продолжали воспринимать объём и вещественность предмета. Он сжал пальцы. Нет, это не рычаг из кабины машиниста. Это штуковина из-под вагонного днища. А за спиной снова ранец. Вокруг — белёсая пустота. Или это то освещение, которое включают на его родной станции по утрам?

Из белёсого морока выплыло лицо:

— Вылезай оттуда! — Обходчик сказал это без всякого зла и добавил: — В своё время тоже поедешь. Только там ничего...

— Знаю! — угрюмо буркнул Харт и отстегнул первый ремень.

Он поплёлся в казарму, на ходу размышляя над случившимся. Сон? Или «Конечная» существует? И там- родные, друзья, небо и лес. Словом, то, что не бывает на свете.

Чтица отложила последнюю страничку в сторону:

— Ну как тебе? — София подняла лицо к супругу.

— Мрачновато, — выдавил из себя слушатель и тут же добавил: — Видимо, болезнь сказалась.

— А мне видится влияние Людмилы Петрушевской. Или даже Этвуд.

«А может статья, Мирры из города Мирного», — подумалось супругу.

— Но в любом случае это может войти в сборник рассказов.

«Совершенно убыточное предприятие!»

— Гумер, ты надеюсь заметил, что после отъезда этой девушки твой сын...несколько потерялся?

— Да-да, ты права.

— Но знаешь, что меня потрясло? Она была первой, кому он прочёл этот рассказ. Представляешь?

«Ревность!» — констатировал Гумер, который не уставал дивиться силе материнской любви, которая, как известно, слепа. Или только делает вид? Тогда стоит поаплодировать Софочкиному самообладанию. Столько лет миновало- и ни одного намёка.

Гумер сжал и разжал пальцы ног. С той поры, как жена потеряла собственные, у него появилась эта привычка. Интересно, о чём она говорит? Может, он старается поставить себя на её место. Каково это- передвигаться на таких беспалых ногах-копытцах? Видимо, не так просто, если женщина предпочитает любимой некогда ходьбе езду на авто. А это не способствует стройности.

И тут затренькал мобильник. При иных обстоятельствах Гумер бы звонок проигнорировал, но в тот момент... В общем, он ответил. И тут же пожалел об этом.

— Нет, она не северянка! — продолжила София, когда супруг сухо, по-деловому завершил разговор. — Не из Архангельской области. Говор иной. Не напоминает и говор жителей Мирного, расположенного в Якутии. Её речь отличает напевность, особо заметная в словах, где более двух слогов. Плюс повышение тона в конце фразы. Гумер, наша прислуга родом с Приволжской возвышенности.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что Мирра — наша землячка?

Софья ничего не ответила, но широко разведённые руки договорили за неё.

— А что ты, собственно, имеешь против этой девчухи? — не отставал Гумер.

— Её культурный код не совпадает с нашим, Гумик! — отчеканила супруга.

Гумик поморщился. Не из-за высказывания, а из-за сокращения своего имени. Оно претило ему.

— Софи, — обратился он к жене, — у тебя окраинный синдром!

Глава 5

Почему не лаяла собачка?

Даже сейчас, спустя годы, он не может произносить её имя иначе, как с расстановкой: Ка-пи-то-лина. Она притаилась в каком-то клубке нейронов на подкорке. А теперь после смерти отразилась на экране его зрительной коры. Да он стал мыслить научными терминами. Вот что значит быть мужем медсестры и отцом студента-медика!

Очередной день карантина Адаев начал без всякого плана. А это вселяло панические настроения. Что в конце концов вынудило обратиться вновь к делу Греты Тунберг.

Знаний по поводу так называемого профиля преступника журналисту не хватало. Единственное, что он знал твёрдо: Капитолина Кузюткина не относилась к личностям психопатическим. Ибо обычно это человек без работы, без образования, а то и без семьи. Короче, с большими проблемами. Следовательно подругу юности можно записать в социопаты. Умная, образованная, да и удачей в сворё время не была обойдена. На этом рассуждения иссякли. Чтобы как-то занять себя, он позвонил местному частному сыщику.

Белозерцев — бывший кэгэбэшник. Выйдя на пенсию, занимался розыском пропавших супругов, детей и других родственников. Некоторое время назад Павел Петрович дал Адаеву интервью по этой проблематике. Опубликованный текст стал рекламой его частного сыскного агентства.

Вкратце напомнив о деле Греты Тунберг, газетчик поведал о своих сомнениях. В том числе о псине, которая не лаяла. На сыщика факт впечатления не произвёл:

— Делать ставку на реакцию животного не стоит. Кстати, это девочка или мальчик?

— А лях его знает!

На этом собачья тема и закрылась. Но неожиданно Белозерцев выдвинул собственное предложение:

— Я бы обратил внимание на время преступления.

— А что это даёт?

— Будни, выходные, отпуска, — невозмутимо рокотала трубка. — Всё брать в расчёт.

Вилен слушал вполуха. Пока Белозерцев не перешёл к мотиву.

— Отсутствие мотива — сущий кошмар для следака.

— А такое часто случается?

— Иногда приходится сталкиваться с мотивом, который просто не укладывается в голове.

Здесь внимание Вилена отвлек шум за окном. Это тархтела тележка, гружёная просроченными продуктами. «Вот и пожива для бабушек. Значит, режим повышенной готовности постепенно слабеет». Порадовавшись этому факту, газетчик снова сосредоточился на трубке.

— В его личности две особо патологические черты, — вещала та уже по другой теме. — Это враждебность ко всему миру и неуправляемый гнев, который накрывает при малейшем признаке обмана, пренебрежения и так далее.

— Благодарю вас, Павел Петрович!

— Рад, если оказался полезен.

— Даже не сомневайтесь! — покривил душой Вилен.

Глава 6

Моя бабушка — маньячка!

МИРРА ИЗ ГОРОДА МИРНОГО

«Розетка не работает. Починить!» — начертано на обоях бабушкиной рукой.

Я ищу неисправный предмет глазами. Ага, у самого пола. Да ещё и за диваном. Не буду ничего чинить. Хватит мне и других розеток.

Выхожу и комнаты и стучусь к соседям.

При моём появлении те разом снимаются с места. Нет, они не похожи. А ведь, кажется, близнецы.

«Разные, как таблички „М“ и „Ж“ на известных местах», — соглашается Бабуленция. Голос у неё сухой и ломкий. Как яичная скорлупа.

— Жаль, что ты не смогла проститься с покойной!

Лицо тёти Оли наполовину скрыто под маской.

— Оленька боится инфекции! — поясняет дядя Коля. — А ты из самого эпицентра заразы. А потому чай с имбирём нам не помешает. Я- счас! — И он скрывается в кухоньке.

— Чур три раза- не моя зараза! — всплёскивает руками тётя Оля в латексных перчатках.

Театральность жеста вполне простительна: наша соседка- режиссёр народного театра, и мы с Бабуленцией — его преданные поклонники, не пропустившие ни одной премьеры.

Тётя Оля не красива, но, как выражалась Бабуленция, приметна. Правда, сейчас вне сцены она какая-то потухшая, словно от неё осталась одна оболочка. Неужели из-за пандемии?

Детище тёти Оли под названием «Дебют»- гордость местного Дома культуры, куда выпускница училища культуры (в народе просто «кулёк») попала по распределению и с той поры так и трудится здесь. Интересно, как эта творческая личность справляется сейчас с новой реальностью, заточившей её в четырёх стенах? Как режиссирует свою жизнь?

Тётя Оля усаживает меня за круглый свой столик- пить чай. Неужели с целью узнать моё мнение о последней премьере, которую мы посмотрели всей семьёй до всех этих несчастий? Это была «Гроза» на новый лад. Этакое «тёмное царство» наших дней. Кстати, я с «Божьей коровкой», вернее с её ходячей частью в лице Альки, Маринки и Фёдора, на премьеру были приглашены. Не на первые три ряда, конечно. А с учётом всех особенностей чуть подалее от сцены. Но тоже в хорошее место- в нижнюю ложу, откуда в любое время можно смыться по нужде. Нам понравилось.

Как и ожидалось, тётя Оля- нет, сейчас Ольга Афанасьевна — начинает разговор с премьеры. Я рассыпаюсь в похвалах. Но чтоб уж совсем не засахарить, добавляю чуток критики. Дескать, Катерина вышпаклеевая, вот только какая нынче девушка станет болтать об измене мужу? Разве только на ток-шоу. Ольга Афанасьевна поглядывает на меня с удивлением: «И откуда вы, такие умненькие, выискались?» Но вслух говорит совсем другое: «С этим не поспоришь. Ведь сейчас всю иначе: полюбила- разлюбила- развелась». И чтоб соскочить с темы, вдруг обернувшись прежней тётей Олей, спрашивает: «А у тебя как с личной жизнью?»

Самый дурацкий вопрос. Но я не высказываю своё «фи», а говорю как есть: «Парня у меня нет». Тётя Оля не берётся ничего комментировать по этому поводу, а вернувшись в образ Ольги Афанасьевны, объявляет: «А мы новую постановку затеяли». На что я вежливо

киваю, хотя в мои планы не входит оставаться здесь аж до премьеры. А Ольга Афанасьевна тем временем продолжает: «Это будет детектив. Так сказать на местном материале. Как тебе такая идея?»

Мои плечи неопределённо дёргаются.

— Дело в том, что мы хотим взять за основу трагедию твоей бабушки. — Здесь она медлит, подыскивая нужные слова. — Мне эта пауза нестерпима, и я выпаливаю:

— Хотите узнать про моё отношение? — Ольга Афанасьевна бросает тревожный взгляд, а меня уже несёт: — Значит, на костях хотите потоптаться?

Она растерянно оглядывается, словно ища поддержки. В дверь просовывается голова с вздыбленными завитками за ушами и на затылке. Ну вылитый сбрендивший профессор из фильма. Забыла название...

— А чаёк уже готов! — нараспев сообщает он и улыбается, отчего морщинки на лице густеют. Нет, это уже не профессор, а старичок — лесовичок.

— Очень кстати, Николенька! — Фамильярность обращения напоминает, кем соседи приходятся друг другу.

Дядя Коля-ни высокий, ни маленький, ни красавец, ни урод. А по всем параметрам средний мужчина. У него имеется одна-единственная метка-стремление забалтывать человека. Когда дяде Коле делают замечание насчёт коллекции старья на заднем дворе, он и не думает возражать. Он пускается в рассуждения «За жизнь», посверкивая из-за очочков бело-голубыми шариками в красной сеточке прожилок. Этот словесный поток так изнуряет оппонента, что тот предпочитает ретироваться. Ибо далеко не всякий обладает терпением, да и временем, чтобы дожидаться, когда говорун иссякнет или, на худой конец, застопорится. Это удаётся не каждому. А если по правде, то никому.

А ещё Бабуленция рассказывала, что в юности наш сосед отличался хулиганистостью. В переводе с её языка это означает: был падок на всякие граничившие с эксгибиционизмом проделки. Так однажды во время экскурсии в галерею искусств он встал между двумя обнажёнными скульптурами в чём мать родила. По-моему, это враки. Бабуленция дядю Колю откровенно игнорила. Но за что — так и не объяснила.

Решительно отказавшись от чая, я спрашиваю:

— Как мне электрика вызвать?

В ответном взгляде соседки — немая укоризна.

— А мужик в доме на что? — кивает тётя Оля в сторону брата.

Уже через считанные минуты раздаётся дверная дробь, явно претендующая на музыкальность. Потом просовывается голова в бейсболке.

Головной убор сдёргивается жестом фокусника. Отчего наэлектризованные вихры встают дыбом. Весь облик соседа так и лучится оптимизмом и готовностью немедленно приступить к делу.

Дядя Коля тянет за пластиковый корпус розетки. Она свободно отходит от стены.

— А это что за хрень? — задаётся он вопросом и растягивается на полу.

Мне видно, как он поддевает освободившийся конец плинтуса. Хрясть! Тот отваливается. Под деревяшкой в пространстве между полом и стеной что-то виднеется.

— Да тут схрон! — объявляет дядя Коля.

Неужели заначка Бабуленции?

Заскорузлые пальцы достают целлофановый пакет и протягивают мне. Забывая дышать, развёртываю...

Какие-то открытки, письма, счета.

И зачем это всё?

Короче, сплошной облом.

— Пойдём-ка чайку выпьем! — Рука дяди Коли ложится мне на плечо. Как тут откажешь?

За чаепитием у нас с дядей Колей начинается обычный приятельский трёп. Он разряжает напряжённость обстановки. А за второй чашкой я и вовсе забываю о творческих планах театра «Дебют».

А после третьей чашки, уже окончательно расслабившись, рассказываю о содержимом тайника тёте Оле.

— Как это похоже на Капу! — замечает та. И хочет ещё что-то добавить, но вклинивается дядя Коля:

— Лучше бы внучке что-нибудь оставила.

«А что бедная женщина, в одиночку поднимавшаяся ребёнка, могла мне оставить?» — задаюсь я вопросом. Но из уважения к памяти Бабуленции, меняю тему:

— А где бабушка Капу похоронили?

— На родине- в Лопуховке! — ответ следует в унисон.

— Только вот кладбища сейчас закрыты, — сокрушённо замечает тётя Оля.

— Мы что-нибудь придумаем! — заверяет дядя Коля.

— Её отпевали?

Брат и сестра переглядываются. Слово берёт тётя Оля:

— Видишь ли, после гибели родных Капа в Бога не верила. А потому раз и навсегда решила... — Следует заминка. — Что её существование подчинено лишь Времени и Случаю.

— Понятно, — бормочу я.

А вечером мы поехали в Лопуховку — на кладбище.

Как и предполагалось, ворота были заперты. Но дядя Коля знал потайную тропку. Уже через несколько минут мы приблизились к цели.

Бабуленция лежала последней в ряду. А дальше раскинулось чистое поле. Отсутствие оградки на могиле, помеченной лишь деревянным крестом, усиливало ощущение сиротской оставленности. Видимо, почувствовав это, дядя Коля ободряюще коснулся моего плеча:

— Оградку я у знакомого кузнеца закажу.

Эта участливость окатила горячей волной. Но я молча сглотнула застрявший в горле ком. Да, не научилась я ещё выражать благодарность.

Мы молча постояли у бабушкиного последнего приюта, после чего Оля вручила мне букет искусственных цветов. Я положила их к подножию креста. Но тётя Оля молча сгребла их обратно и принялась втыкать в комковатую земляную насыпь. Дядя Коля, опять легонько коснувшись моего плеча, прошептал:

— Не обращай внимания. Она переживает. И за тебя, и за Каплю.

— Похороны — это ведь затратно, — заметила я, чтобы преодолеть неловкость из-за «Капли».

— Ты не беспокойся насчёт этого, — вступил дядя Коля. — У твоей бабушки имелся счёт в колонии. Она ведь там работала.

— Шила спецодежду, — заметила тётя Оля. — Сумма набежала скромная, но...

— На перевоз тела хватило, — опередил её дядя Коля.

— А в остальном одна добрая душа помогла... — И она со значением посмотрела на

брата. Тот потушился. Тётя Оля развивать тему не стала. Не ко времени. И я была благодарна за это. Денег, чтобы рассчитаться с соседями у меня не было. Если только когда удастся продать общежитскую комнатушку...

Деликатный люди! Они, отойдя в сторону покурить, оставили меня у могилы одну.

Я взяла надмогильный портрет Бабуленции. Мрачное, с заострёнными чертами. Ну прям каменный идол с острова Пасхи.

— Бабуленция! Какого чёрта ты померла?

Глава 7

Назад в СССР?

— А что всё-таки за той станцией стоит? — спросила София за ужином и не дожидаясь ответа, сообщила: — Мне видится аллюзия на закрытое советское общество.

«Как в тебя, однако, СССР въелся!» — подумал Гумер, но озвучил другое:

— Не думаю, что молодого человека, рождённого при капитализме...-окончание фразы утонуло в чашке с кофе.

— А если это образ смерти?

— А вот это ближе к истине, — кивнул супруг с выражением подчёркнутой серьёзности.

Обоих одновременно посетила мысль: с чего бы их Лука вдруг задумался о смерти... — Здесь они тоже синхронно отмахнулись от догадки.

— Но сейчас меня беспокоит другое, продолжила она, подавшись к мужу и лбом коснувшись его лба- жест, означавший доверительность и одновременно противостояние. — Наша мама-Нора.

— Что-то со здоровьем?

В ответ София протянула мужу большой почтовый конверт, а тот сразу обратил внимание на обратный адрес: город Мирный- и далее крайне неразборчиво. После чего извлёк содержимое конверта- несколько листов печатного текста.

«На газету не тянет, хотя название вполне газетное: „Голос народа“. „Информационное издание Совета народных депутатов города Мирного“».

— Нора в политику подалась?

— Ты дальше читай! — повелела супруга.

А дальше следовал обычный набор штампов- о развале Советского Союза, где упоминалось и предательство партийной верхушки, игеноцид народа, и империалистический заговор, и неправомерность роспуска СССР. Засим следовал вывод- восстановление СССР.

Гумер перелистнул страницу.

«А вот тут что-то новенькое! Получение советских паспортов. И даже электронный адрес паспортно-визовой службы СССР указан».

Гумер вчитывался в текст, не веря собственным глазам. Некие силы намеревались восстановить государство методом раздачи советских паспортов. Дальше-больше. На последней странице было напечатано обращение Министерства социального обеспечения РСФСР. («Ага, значит страну они намерены реанимировать в границах нынешней России. Уже легче»). Обращение содержало призыв оформлять советские пенсии в советских рублях. Это добило Гумера окончательно. Он отбросил издание и вышел из-за стола, чтобы налить свежесваренного кофе жене и себе. И уже прихлёбывая напиток, спросил:

— Нора в этом участвует?

— Как уверяет неизвестный доброжелатель в сопроводительной записке, она там в этой их организации занимает пост министра промышленного развития.

— Но она никогда не работала ни на одном заводе.

— Зато была подругой директора бумажной фабрики.

Гумер, не найдясь с ответом, лишь потуже завязал кушаки халата.

— Гумик, тебе следует поехать в Мирный!

От «Гумика» Гумера передёрнуло. Сияясь скрыть досаду, он принялся обзрывать пространство за окном. Но София поданный сигнал проигнорировала.

Спустя несколько минут он вздохнул и произнёс:

— Пожалуй, ты права. Надо ехать.

— Заодно и про служанку разузнаешь.

— София, в «Красных кирпичиках» нет слуг. У нас только помощники по хозяйству.

— Кто она? Эта Мирра из города Мирного, — продолжала супруга как ни в чём ни бывало. — И почему она отбыла на свою малую родину?

Глава 8

Его боевая подруга

Вера делала уборку планомерно и неспешно, так чтобы дел хватило на все дни вынужденного заточения. Антресоли оказались в перечне тех объектов, на которые у неё давно чесались руки, но всё было недосуг. И вот грянул карантин, и перед хозяйкой открылись широкие возможности очистить дом от всего лишнего. Однако открыв дверцы и заглянув внутрь, хозяйка осознала: без участия супруга здесь не обойтись, ибо значительную часть содержимого занимала его «писанина».

Нет, вслух женщина никогда бы не решилась произнести это слово, оно предназначалось исключительно для внутренних монологов. А их Вера привыкла вести, когда вышла замуж за журналиста, который даже присутствуя отсутствовал.

Резко поменявшаяся ситуация — супруг дома и почти всегда на взводе — заставил её ностальгически вздыхать по тем временам, когда проводив мужа в редакцию, а сына в школу, она могла распорядиться собой и своим временем по личному усмотрению. А нынче даже антресоли не разберёшь без согласования с Виленом.

— Вер, мне сейчас особенно требуется тишина. Не дёргай, пожалуйста, меня по пустякам.

— Но содержимое антресолей — это тебе не пустяки. Это архив! — возразила жена. Однако муж, погружённый в размышления, уже не слышал её.

Итак, причину смерти осуждённой Кузюткиной выяснить не удалось. Всюду встречалась глухая стена под названием «Врачебная тайна».

Тогда и пришла мысль воспользоваться связями Веры. Здесь следует заметить, что прибегал к помощи жены он крайне редко. Можно сказать, никогда. Повода не было. Да и этот — не самый подходящий. При других обстоятельствах Вилен Владимирович поостерёгся бы впутывать в расследование жену, учитывая, кем была для него Капитолина в прошлом, и кем стала для него Вера. А она — жена, каких больше не производят. Ибо рассматривает круглосуточную заботу о муже не только как долг, но и привилегию. (Представляю, как содрогнутся при этом слове феминистки!) При всём при этом она работала в медицине и, понятное дело, обладала обширными связями. А находясь на карантине, ещё и временем. И тем не менее Вилен обратился к ней за помощью в последнюю очередь, когда исчерпал собственные возможности.

На его просьбу Вера ответила с энтузиазмом, ибо уже успела прикинуть: даже самая тщательная уборка не может длиться 14 дней кряду.

Итак верная спутница газетчика устроилась на кухне, предварительно поставив на газ кастрюлю с будущим бульоном, и начала методично обзванивать медицинское сообщество города Мирного.

Первым делом были задействованы соученицы по медицинскому училищу. Таковых набралось — считанные единицы, ибо большинство успело перебраться в города побольше. Затем настала очередь бывших коллег. Узнав о цели обращения, абоненты сразу настораживались, затем ловко увёртывались от ответа. Им было известно, чья Верочка жена и как следствие — куда пойдёт информация. В итоге разговор сводился к вопросу: намерен ли человек, дававший клятву Гиппократу, вернуться в профессию в столь критическое для здравоохранения время. Вере ничего не оставалось, как вежливо дать понять: она в общем и

целом не против. И попроситься.

Бульон на плите уже подходил к нужной степени наваристости, а поручение оставалось невыполненным. Догадавшись о неудаче по воцарившейся за стенкой тишине, Вилен Владимирович оторвался от созерцания дыры в колонке. Конечно, её можно было разбавить общими рассуждениями. В крайнем случае — разбить графически. Тем не менее было принято другое решение. Связи в федеральной службе исполнения наказания имелись. Только вот известные журналисту телефоны в конторе молчали.

Послушав очередной безответный звонок, он вернулся к вёрстке последней страницы. А там, в частности, сообщалось об отмене всех массовых мероприятий, запланированных на ближайшие две недели. И тут где-то в глубинах журналистского мозга вспыхнули и замерцали нейроны. А может, и синапсы иже с ними.

Вера! Загляни на минуту!

Супруг уже покончила со щами и готовилась к последнему шагу — звонить докторам на пенсии. Зов супруга избавил её от этой нудятины. Надо ли объяснять, что в кабинете Вилен она появилась в мгновение ока.

— Верочка, будь другом! Звякни в Дом культуры. Помнится, тамошний режиссёр вела на зоне что-то типа театрального кружка.

— Вижу, не оставляешь надежды.

— Вера, времени у нас с тобой в обрез! — заявил супруг, не глядя в разочарованное лицо жены.

И снова переговоры. На этот раз с вахтой ДК.

Да, театр «Дебют» шефствует над исправительной колонией. Да, даёт там спектакли. И не только. Ах, вам требуется ответственное лицо! Её зовут Ольга Афанасьевна. А фамилия — Шульпякова. Нет, на месте её нет. ДДом культуры закрыт на карантин. Домашний телефон? Нет, это невозможно. Это требует согласования с администрацией. Ах, из редакции! Всё равно нельзя. Я поняла вас. Подождите минутку.

Минутка растянулась. Одно утешало: щи успеют настояться.

Наконец, её терпение было вознаграждено. В трубке прозвучали вожделенные цифры.

Следующий звонок верная соратница репортёра сделала по инерции. Без упования на результат. Это придало голосу некоторую отстранённость с нотками раздражения. Естественно, что чуткое ухо режиссёрки на том конце провода это уловило. Так что первая часть диалога ушла на пикирование. Правда, не словесное, а интонационное. Опуститься до словесного обеим сторонам не позволило воспитание.

В конце концов верх взял здравый смысл и трезвый расчёт. Руководитель народного театра «Дебют», рассчитывая на будущее интервью в «Вестях Мирного», для начала тон смягчила. А потом и вовсе раскрыла все карты. (Вот пойми этих творческих людей!)

— Послушайте, Вера, я очень ценю вклад вашего супруга в культурную жизнь города и надеюсь на продолжение сотрудничества. Вы меня понимаете...

— Да-да, конечно. Материал о «Дебюте» вам гарантирован, Ольга Аркадьевна!

— Афанасьевна! — поправила трубка почти ласково и продолжила: — У нас действительно наличествуют контакты в интересующем вас месте.

Здесь выдержали многозначительную паузу, почти мхатовскую. Вера, посещавшая премьеры «Дебюта» с мужем, затаила дыхание. Следующий текст был преподнесён на октаву ниже:

— Но они вам не потребуются, ибо...

«Эх, умеет дама держать интригу!»

— ...Интересующая вас персона — моя соседка. У вас есть на чём записать. Боюсь, иначе вы не запомните.

«Эх-ма, всё-таки не удержалась и подпустила шпильку!»

В этот момент Адаев за стеной оторвался от монитора и прислушался. Воцарившаяся тишина свидетельствовала либо о провале, либо...

Знакомые шаги. Лёгкая поступь внушает оптимизм.

Дверь запахнулась и вплыла верная подруга газетчика. А в пальчиках её, ещё пахнувших луком, победно трепетал листочек. Она протянула его со словами:

— Если что непонятно, я поясню. Адаев схватил листок.

«Одна-единственная строчка?»

— Двойная фронтальная краниотомия.

— Что это?

— Ей спилили переднюю часть черепа.

— Для чего? — оторопел Виден.

— Чтобы распухший мозг мог выйти за его пределы, — Вера вещала с той невозмутимостью, которая отличает людей, имеющих отношение к медицине. — После этого с помощью шва скальп возвращается на место.

— А сам череп? спросил муж, чьё живое журналистское воображение нарисовало человека с отростком на голове. Этакое единорога.

— Если пациент выживет, а опухоль спадёт, срезанную с черепа кость заменяют. — С этими словами Вера вышла из комнаты, победно отсалютовав супругу. А тот продолжил просеивать полученные факты.

«Получается, она страдала от повреждения лобных долей. А что происходит, если они повреждены? — Изменение личности. Человек становится расторможенным. За примером не надо далеко идти. Житель Мирного, вполне себе воспитанный, прежде не замеченный в отсутствие воспитания, пишет в кадку с декоративным растением. Дальше — больше. Добавляются вспышки агрессии. Но интеллект при этом сохраняется».

Рот журналиста заходил ходуном от возбуждения, как будто он ставил на место плохо пригнанную вставную челюсть. Этот тик говорил о том, что Адаев находится в крайней степени возбуждения. По всему выходило, что ошибки не было. Ни в ходе следствия, ни в процессе судебного разбирательства. И он стал набирать окончательный текст.

«Умерла одна из самых известных преступных личностей города начала 21 века, более известная как Грета Тунберг. Именно под маской этой юной защитницы природы женщина выходила на свои злодеяния. Её жертвой стали по крайней мере три человека, так или иначе загрязнявшие окружающую среду. Экологическая маньячка умерла от опухоли в голове. И как тут не вспомнить про карму! Ведь так называемая Грета Тунберг наносила свои удары именно в область виска. С другой стороны возникает вопрос: а не было ли агрессивное поведение следствием её недуга?»

Заголовок был подобран из концовки. «Карма или диагноз?»

Завершив работу, Адаев ощутил смесь облегчения и возбуждения. Как будто уняв зуд, увидел, что расчесал кожу до крови.

Глава 9

Про сексуальные предпочтения некоторых...

Сон был расцвечен красками тёплого спектра. Таких Лука прежде не видел.

Как правило, прежние картинки отличались серо-коричневой акварельной размытостью. А потому своих спутников по лабиринтам сна Лука скорее угадывал. На этот раз всё поменялось.

Самое существенно- эмоции. Молодой человек проснулся с ощущением радости. Как в детстве. Как в первый день лета.

Нет, ему не потребовалось вспоминать имя того главного действующего лица. Оно сразу сорвалось с кончика языка. И образ её не требовалось компоновать воображению. Она вся целиком уместилась у него под веками.

Это была Мирра из города Мирного.

А может, она вправду умеет сниться? Ну и что ж, не против её присутствия в сего сновидениях. Даже эротических.

Однако она до сих пор не позвонила и не послала эсэмэс.

А с чего бы ей это делать? — Да хотя бы из вежливости! — Убеждал себя Лука. Ему был в новинку подобный игнор со стороны барышень.

Не было ещё случая, чтобы девушка взяла и вот так оборвала все связи.

Молодой писатель относится к той категории людей, которые смутно представляют, как выглядел мир до изобретения мобильной связи. Невозможность связаться с Миррой выводит его из душевного равновесия. Прежняя формула существования «желание — насыщение — скука — новое желание» даёт сбой. Он не находит опорных точек в мире, который с некоторых пор перестаёт казаться ему своим.

А если самому проявить инициативу. Нет, с его стороны это будет «ту мач». Потому как ни с его, ни с её стороны... Короче, не пойдёт он на это. И точка!

Что делать, когда накрывает волна скуки? — Эсэмэсить френдихам.

Первая на очереди — Николь. Над этой обитательницей «Красных кирпичиков»- потрудились самые мастеровитые пластические хирурги столицы. Но главное Николь — душка. Настолько в своё время расположилась к Луке, что была готова преподать пару уроков эффективного постельного поведения. Но тут конфуз вышел. Напоминавшая героиню диснеевских мультиков барышня не взбудоражила либидо Луки. Хотя прилагала заметные усилия. И вместо «стэнд аппа» вышел «даун».

«Короткое замыкание при перегрузке сети!» — объяснила Николь в терминах её папы-главного электрика страны. Будучи великодушной, она заверила незадачливого любовника, что всё непременно получится. В следующий раз. Но... следующего раза не случилось. Николь отправилась с родителями в Италию. А потом на голову человечества свалился этот... ковид. И появилась благопристойная причина для воздержания.

Но теперь-то самое время расслабиться.

В нетерпении своём он даже решился на звонок. Однако мисс «Совершенство» не поспешила с ответом. С расстройства он залез в тайный десертный схрон. От съеденной плитки шоколада пошли эндорфины. А потом и вовсе захорошело: Николь-душка отзвонилась! Они дружески потрепались. Обо всём понемножку. Да вот парадокс: никто и словом не обмолвился о запланированном некогда свидании-реванше.

— Бамбина, чао! — прозвучало в трубке отзвуком последних римских каникул.

Лука остался наедине с мыслями о нестандартности собственных сексуальных предпочтений. Впрочем, оставалось лишь констатировать: в список его типажей мисс «Совершенство» не входят. Его тянет к натуралкам, никогда не подвергавшимся тюнингу. Как его няня и мама. А эти особы и рядом с Николь не стояли. Ибо подвергали свою кожу исключительно воздействию чистой воды и чистого воздуха. Ну и умеренно использовали (будем честны!) зарекомендовавшую себя на российских просторах косметику. Няня Луша в соответствии со статусом отдавала предпочтение кремам фабрики «Свобода». София — дарам Мёртвого моря, на котором Дамировы любили отдыхать. В прежнюю доковидную эпоху.

Прийдя к таким неутешительным выводам, Лука предпринял ещё одну попытку обрести душевный баланс. (Шоколадные эндорфины исчерпали себя).

Он позвонил ближайшей соседке и по совместительству «бывшей». Тому самому «танкисту», в компании которой Мирра из города Мирного и объявилась в столице. А позже уже по рекомендации Алькиной мачехи оказалась у Дамировых.

Ввиду аллергической непереносимости Алькой гаджетов и прочего «четырёх джи», идея была — так себе. Но у имелся и контраргумент: пандемия. Короче, он Альку набрал и первым делом поинтересовался здоровьем её домочадцев. Наивная душа наживку проглотила. А Лука плавно перешёл к Алькиной протее. Увы, никакими сведениями о своём собрате по несчастью (имеется в виду пребывание в «Божьей коровке») девушка не располагала. И Лука поспешил закруглиться. Ибо на правах «бывшей» Алька могла пойти и дальше. Например, задать прямой вопрос.

Дав отбой, он вернулся на свой Дзен. Но сквозьстрочки на мониторе то и дело поблёскивали рысьи Алькины глаза. В их лучший период, он сравнивал их с глазами Мелании Трамп. Старая рана вновь заныла. «Кол колом выбивают, сынок!» — услышал он нянькин голос и расценил как намёк заглянуть в следующие пункты списка френдих.

Глава 10

Лыжная палка — орудие преступления?

В последние годы бабушкины полушария мозг думали в разные стороны. Иначе как объяснить содержимое тайника за плинтусом? Вместо ожидаемой пачки банкнот, перетянутых резинкой и завёрнутых в полиэтилен, — стопочка оплаченных счетов, два письма в конвертах советской поры (разбирать — кому и от кого — внучке неохота), открытки — поздравительные и с видами Мирного. Жалкие остатки эпохи бумажных носителей!

Чему тут удивляться, если Капитолина Капитоновна так и не узнала, что «мышка» — это не только грызун, «лайки»- не всегда собачки, а «ссылка» — это теперь не там, где Ленин жил. Короче, обхохочешься. Но внучке не до юмора. Мирра устраивает ревизию остального своего наследства.

То ли из-за близости озера, то по причине вечно затопляемого подвала петли у дверей и шкафов заржавели и скрипят. На разные голоса. Самый мелодичный — у навесного кухонного шкафчика. Туда и отправляется содержимое тайника.

«Хвалю!» — раздаётся в слуховых проходах бабушкин голос.

Подношение покойнице в виде цветочков конфеток действия не возымело. Она продолжает жить в голове Мирры.

Ну и пусть! Главное, чтоб другим незаметно. А Мирра привыкла к своей спутнице.

По давней привычке она идёт навестить озеро, когда природа погружается в переходное состояние. Мёртвенно-тусклое, тихое и печальное. Его сменит темень.

На водной поверхности — ни одной морщинки. И это соответствует названию озера — Зачарованное.

Ей навстречу двигается ЗОЖ. Так зовут жильца с пятого этажа. Своему прозвищу он обязан приверженности здоровому образу жизни. Ежедневная ходьба со скандинавскими палками- один из пунктов его распорядка дня. На нём маска и очки. А где собачонка?

Девушка машинально подаётся в сторону. Социальная дистанция! Но ЗОЖ и не думает её соблюдать. Упорно прёт на встречу! И только после резкого её зигзага спохватывается и уклоняется в сторону. Положенный зазор между ними восстановлен.

Звуки мужских и женских шагов смешиваются. И когда вот-вот должна зазвучать их разноголосица, Миррино боковое зрение, доставшееся, наверное, ещё от рептилий, подаёт сигнал. На глазной сетчатке — некий предмет. И он направлен прямо в висок. Снова срабатывает древний мозг рептилии, мгновенно решив дилемму «Бежать или нападать» в пользу первого.

Бросок в сторону озера стремителен. Но подводит скользкая глина. Добыча падает. Здесь её и настигает первый ступор. Не взлететь. Не ускользнуть. Не уползти. Остриё лыжной палки занесено над головой. Залп адреналина в крови. Тело перекачивается, подставляя спину. Острие впивается в кожу. Слышится треск раздираемой ткани. В этот миг- душа или что там внутри- взмывает в воздух. А внизу остаётся нанизанная на булавку... Нет, не рептилия. Божья коровка! Крылышки её ещё трепыхают, силясь взлететь.

Спасительная боль! Она командует скомпоноваться и кубарем скатиться по береговой крутизне. В темень! У самой воды ступни пружинисто отталкиваются от почвы. Девушка несётся прочь.

Им обоим хорошо известен каждый выступ, каждый камень, каждый куст. Но молодость выигрывает в скорости. Плюс на её стороне удача. На пути — заброшенный автомобильный сход. Раньше жители улицы Озёрной чинили здесь свой незатейливый транспорт. Сейчас он густо обвит плющом и представляет собой узкую пещеру. Внутри — запах отхожего места.

Сердце бабахает где-то в горле. Слышно ли его преследователю?

Треск валежника. Он близко. А вот топчется у входа. Что-то обжигает сетчатку жертвы. Фонарик! Её спина непроизвольно вжимается в земляную стену с торчащими корнями.

В руках и ногах — покалывание. Это начинается приступ. Если он дойдёт до пика. Мирра из города Мирного станет самой лёгкой добычей этого охотника. А тот всё ещё медлит. Чего ждёт?

Ни преследователь, ни его жертва не ведают, что в это время на верхнем этаже «Голубятни» распахивается балконная дверь и под тёмный купол неба выходит дама с сигаретой, которая призвана восстановить душевный баланс.

Местный храм, прихожанкой которого является дама, официально закрыт для посещений. Но службы продолжаются. А как только что стало известно даме, на них присутствуют некие лица, так сказать, особо приближённые к настоятелю.

Грустные размышления прерываются пронзительным свистом. Это куражится пьяный сосед снизу. От неожиданности нервная прихожанка от роняет сигарету. Та летит, пронзая мрак снопом искр.

А тем временем под рельсами заброшенного схода идёт уже вторая стадия — одеревенение конечностей. В финале будет статуя.

Охотник прикидывает, как лучше выкурить добычу из этого логова, не подозревая, что она практически в его руках. Потому что готова выбежать навстречу острому наконечнику и...

Слышатся трубный звук сирен. На Озёрную выезжают пожарные.

А всему виной — дамская сигарета, упавшая на обшивку старого дивана на заднем дворе «Голубятни».

МИРРА ИЗ ГОРОДА МИРНОГО

Недовольный бубнёж. Тяжёлые подошвы подминают дёрн. Он уходит?

Пытаюсь разжать скрюченные пальцы. Сначала дышу на них, потом облизываю. Чувствительность остаётся. Значит, приступ не достиг пика. Как сказал бы доктор, купирован. Скорее всего ещё действуют прописанные им лекарства. Но у них имеется побочка. Из деревянных ноги становятся резиновыми. Гнутся во все стороны. Идти нормально не получается. Так что к моему появлению пожар успевают потушить. Вижу дядю Колю, объясняющегося со старшей по дому. Всё происходит как в кино при замедленной съёмке.

В окнах нашей секции горит свет. Поднимаюсь на свой этаж. Тётя Оля сидит на кухне и что-то читает вслух.

Неправильный прикус делает её подбородок заметно выпирающим. Но милостивая природа компенсировала изъян роскошными льняными волосами. Тётя Оля, сознавая, что волосы — единственная нить, связывающая её с молодостью, не доверяет их фену и сушит, распустив по плечам. Процесс этот не скорый, а потому обладательница роскошной гривы что-то репетирует. До меня доносятся строчки:

— *Ветер всё прохладнее. Всё ближе*

Дальних гор скалистое кольцо.

Я ещё до сумерек увижу

Ваше загорелое лицо.

Но когда б в моей то было власти,

Вечно путь я длила оттого,

Что ступени приближенья к счастью

Много лучше счастья самого.

Капель из плохо закрученного крана сопровождает декламацию.

Под моей рукой звякает стеклярусная занавеска при входе — чтица оглядывается.

— Чьи это стихи?

— Вероника Тушнова. Готовим новую программу. Когда-нибудь ведь всё кончится?

— Всё когда-нибудь заканчивается! — выдаю я стандартную для такого случая фразу, потом закручиваю кран и проскальзываю к себе.

Я не рассказала ей о том, что случилось на берегу. Потому что... Это выглядит нелепо, но если озвучить картинку, облечь событие в слова, в определения, то всё станет ещё реальнее. Точно даёшь отмашку на то, чтобы снова пустить зло в мир. Глупость несусветная, но мой лечащий врач относится к этой моей личной стратегии серьёзно, призывает выговариваться. И даже взял с меня обещание.

Но в тот вечер данное слово было нарушено. И тому имелась причина. Тётя Оля не задала ни одного вопроса про мой вид. А есть все основания подозревать, что он был жалкий. Короче, ещё один мой пункт: не спрашивают — держим рот на запоре.

Ночью в мои сны прорывались звуки какого-то разговора. Мне всё время хотелось заорать: «Да умолкните вы наконец!» Но силы меня оставили окончательно.

Разбудила подхваченная сквозняком занавеска. Накануне я забыла закрыть окно.

Вчерашнее происшествие представлялось чем-то из области кошмаров. Однако отражение в зеркале опровергло эту спасительную для психики иллюзию. На верхней части правого уха запеклась кровь. Скула рассечена. Благодаря приступу вчера боли я не ощущала. Доктор Шехтман говорил, что мою болезнь нужно принимать как дар, что в ней скрыты некие возможности. Чуть собачья! Побывал бы он хоть раз в теле статуи, тогда бы и рассуждал!

На этот раз вход в общую кухню закрывает не только стеклярусная занавеска, но и дверь. Из-за неё слышно, как из крана капает вода. Я прилагаю некоторые усилия, после чего понимаю, что изнутри что-то мешает движению дверного полотна. Толчок! Ещё один! В образовавшийся зазор между дверной коробкой и дверью заглядываю внутрь. Тапки! Мне мешают лежащие на полу розовые тапки. А в них — ступни. И они по всем признакам принадлежат тёте Оле.

Толчок! Теперь моя голова проходит в проём полностью.

Нет, на полу не тётя Оля. Это Грета Тунберг мрачно глядит снизу.

Стоп, Мирра! Здесь, в городе Мирном, никакой Греты Тунберг не может быть. Она в Швеции.

Или в Норвегии?

К тому же у неё нет таких роскошных волос. У странной девчонки — две тощие косички.

Кап-кап! Кап-кап!

В руках и ногах — знакомое покалыванье.

«Любой стресс может спровоцировать приступ. Избегай лишних волнений!» Спасибо за

совет, Борис Львович, но похоже на то, что тихая и безмятежная жизнь реальна только в стенах «Божьей коровки». И когда очередной ковидник выздоровит и освободит мою койку, Мирра из города Мирного обязательно туда вернётся.

Честное слово, Борис Львович!

Ждите!

Глава 11

Семейный секрет с душком

Природную непокорность волос может усмирить только хорошая стрижка. Кожа — загорелая и отполированная, как морская галька. Добавляет харизмы и выбор гардероба: дорогой кардиган, а под ним — сорочка. Такой *мэн* в дорогом авто способен зацепить ни одну пару женских глаз. Но в ту пору нашлась одна-единственная. Да и то старинная знакомая Гумера, следившая за ним из укрытия. А мужчина, не замечая никого и ничего, целиком погрузился в размышления.

«Колыбель качается меж двумя безднами...»

Этот образ из «Других берегов» Владимира Набокова навеян Гумеру с того дня, когда он задумался о наследнике. А тот упорно сопротивлялся воплощению на материальном плане. Когда родители разочаровались в естественном способе, прибегли к ЭКО. Гумер помнит во всех деталях звонок от суррогатной матери. Луша звонила, чтобы сообщить.....Ну вообще-то о таких печальных событиях должны ставить в известность сотрудники клиники. Но те по какой-то причине замешкались. Гумер полагает, что тут не обошлось без Лушиного вероломства. Но именно оно и решило жребий Луки.

Упорно не желавшего родиться мальчика принудили снизить в более грубые слои энергии. (Кажется, так у эзотериков принято выражаться?) Может, поэтому его отличает заспанно-недовольный вид. Что нашло отражение и в школьном прозвище «Кисляй». И при этом весь такой гладенький и беленький. Да, его жизнь не была. Да и впредь, кажется, не намечалась.

Встретиться на нейтральной территории. Хотелось бы знать, где эта «нейтралка» находится в условиях самоизоляции? Ни одно заведение не функционирует. Вот и получается, что самое подходящее место — на парковке перед торговым центром. Гумер предложил ближайший от посёлка «Красные кирпичики». Луша поначалу взъерепенилась («Всегда вы, Гумер Каримович, о себе в первую очередь думаете!») Но потом пошла на попятную.

Светящие витрины только стущают уличную темень. На их фоне, как на экране возникают силуэты. Один из них превращается в трёхмерного человечка с руками, оттянутыми тяжестями. Луша! Её плоть при движении предательски вибрирует и стремится вниз под действием силы тяготения- извечного врага зрелых дам. А тут ещё девушка, уткнувшаяся в свой телефон, едва не врезалась в женщину. После чего молча шагнула в сторону.

Гумер выходит из салона и распахивает перед дамой дверцу. Отдуваясь и охая, она втаскивает своё тело и поклажу внутрь.

Для начала они касаются общих тем: домочадцы, здоровье, эпидемия и прочее. Затем переходят к главному. Женщина при этом понижает голос. Как будто их может подслушать вездесущая София. Помнится, бывшая суррогатная мама и по совместительству няня, живя в их доме, тоже принимала заговорщический вид и говорила шёпотом, когда случалось беседовать с главой семейства. Это бесило Гумера. Но он старался держать себя в руках. В конце концов Луша и её семейство в составе мужа и двоих детей съедут, как только Лука расстанется с подгузниками. Так и произошло. Гумеру тогда показалось, что обе стороны расстались, вполне довольные друг другом. И вот на тебе — звончек из прошлого.

Итак, если верить Луше, а верить ей никогда нельзя, но иногда можно, семья её оказалась в тисках финансового кризиса.

Он намёк понял. Как и тогда — двадцать лет назад. Когда она позвонила ему и попросила о встрече. Без жены. «Чтобы не травмировать Сонечку». Это считалось нарушением договора, но он согласился. Он уже тогда догадался об очередной неудачной *подсадке*.

А потом был номер в отеле. И обёрнутое вокруг Лушиной груди гостиничное полотенце. Она стала сдвигать шторы — карнизные кольца громко заклацали, затем присела на краешек кровати:

— Я готова.

Как будто он был доктор, собирающийся подсадить ей эмбрион.

Впрочем, и Гумер вёл себя не лучше. «Понимаю, что в ваших глазах, Луша, выгляжу нелепо, даже глупо...» Она успела закрыть его рот ладошкой до того, как он завершил мысль.

Две стороны взаимовыгодного договора, а для отца и вовсе спасительного. Механические, продуманные манипуляции. Для ускорения (номер был снят на короткий срок) они включили какую-то эротическую ленту. Так под вздохи и охи той пары и приступили к выполнению своих обязательств.

А когда всё закончилось, старательно не смотрели друг другу в глаза. И поспешно разошлись, не забыв сдать ключ от номера администратору.

Затем последовала вторая встреча. На этот раз будущий отец запасся вином. Но ни он, ни она к питью не прикоснулись. «Пьяное зачатие нам не нужно!» Гумер отнёс бутылку к себе на работу и выдул в одиночестве.

Отели они меняли каждую встречу. Кстати, с каждым разом свидания становились всё менее скованными, хотя у потенциального начали появляться новые опасения. Уже насчёт своих сперматозоидов. Но будущая мать не теряла оптимизма, предлагая всё новые и новые варианты соития.

Через три месяца, заметив её несколько отрешённый вид, он задал прямой вопрос. На женском лице отразилась целая гамма чувств. «Какое из них искреннее?» Победило в итоге выражение стоического терпения.

Она дала понять, что медлила с известием из-за страха ошибиться или, хуже того, сглазить. «Так уже было в прошлые разы... Поначалу вся шло хорошо, а потом...»

Всё это Гумер припомнил, глядя на женщину на пассажирском сиденье. А та крутила кольцо на безымянном пальце. «То ли трофеем демонстрирует, то ли старается избавиться?» Наконец, Луша тихо, но твёрдо произнесла:

— Извините, Гумер Каримович, но у меня нет другого выхода. Коронавирус!

— Я понял.

— Вы думайте, а я пойду! — С этими словами она покинула салон, резко хлопнув дверцей. Впрочем, несмотря на приложенные женской рукой усилия, дверца закрылась с мягким дорогим щелчком.

Уже в кармане куртки швы разошлись от звонков мобильного, а Гумер всё сидел в машине, вжавшись в кресло, и пытался договориться со своим сердцем:

«Я так хотел сына. Я стольким пожертвовал... Я надеялся продолжить себя в нём. Какое ребячество! Лука оказался не меньшим слабаком. Да что там! Наследник не помог мне преодолеть страх смети. Что будет со мной, когда умру? Когда соединюсь с тем творящим

Океаном, который Лем описал в „Солярис“.

А моё тело... Оно прорастёт травой, которую сжуют бурёнки. И персонаж по имени Гумер станет частью пищевой цепочки. А в конце концов окажется в грудном молоке женщин, которые вскормят будущих жителей города Мирного. Ведь скорее всего именно там его похоронят за семейной оградкой Дамировых.

Таким образом я не сгину без следа. Что ж, этим тоже можно утешаться.

Но что делать с Лушей? Издательство не приносит прежних доходов. Тем временем аппетиты домочадцев растут. Да и дом требует заботы.

Ясное дело, что запрашиваемая женщиной сумма в пределах разумного. Луша не дурында какая. Смекает, что Дамировы не на нефтяной скважине сидят. Но всё дело в том, что книжный рынок катастрофически просел. Свободных денег просто нет.

От всего этого тянет рвануть на край света. И город Мирный для этого стодится. Подходящий предлог имеется: Нора и её маразматический проект под названием „Назад в СССР“.

А что касается их землячки, то, видимо, надобность „пробивать“ девицу пропала. По крайней мере, София больше не заговаривает о Мирре из города Мирного. Хоть одной заботой меньше!»

Глава 12

Журналист и дурная... бесконечность

— Череп раскололся. Как скорлупа. — Адаев поспешил зафиксировать каждое слово.

— И..?

— Задняя мозговая артерия пробита. С таким повреждением не проживёшь и часа. —

От голоса сына так и несло запахом морга- формальдегидом.

— Спасибо за информацию.

— Надеюсь ты не станешь ссылаться на меня. — Голос сына стал и вовсе чужим.

— Ни в коем случае. — Адаев поднял глаза на жену, бросавшую на него тревожные взгляды и меланхолично позвякивавшую чем-то в кармане домашнего халата. — До встречи, сынок! — Но Гоша уже отключился.

— Что-то случилось? — озвучила свою тревогу Вера.

— Убийство в том же общежитии. — И поймав непонимающий женский взгляд:- Где Капля... то есть Капитолина жила.

— И кто это?

— Ольга Шульпякова.

Вера закусил губу. Верный признак, что ошеломлена.

— Убийцу поймали?

— Задержали её соседку.

— Будешь писать?

— А куда деваться с подводной лодки? — Фраза, которая приберегается в этой семье для особых случаев.

— Послушай, Вильчек, а не связано ли это с тем разговором? Ну, то, что женщина нам поведала о смерти этой... маньячки.

— Не знаю, Вера. Надо обмозговать.

Женщина намёк поняла и удалилась на кухню. А супруг принялся мерить пространство шагами. Потому что никаких мыслей у него в голове не было.

А потому следовало не бежать впереди паровоза, а предоставить профессионалам разбираться в деле.

После обеда он открыл книжный шкаф и вытащил первый попавшийся под руку том. «Эстетика мышления» — значилось на обложке. Да, давненько он не упражнял мозг философией Мераба Мамардашвили. Страница также была выбрана наугад.

«Когда ты остаёшься один на один с необходимостью думать, не умея ничего другого, когда обречён делать невозможное, то только тогда можно до конца продумать что-то... У мысли нет никаких промежуточных компенсаций и успехов...»

«В точку сказано!»

Вилен Владимирович взял книгу и присел на диван, а не на стул. «Какое-никакое разнообразие!»

«...Я могу бесконечно вглядываться в пирожное, которое держу в руке,

описывать его и путём описания того, что я вижу, никогда не приду к тому, к чему приведёт меня произвольное внимание, такое описание не проясняет его содержания в смысле восприятия. Я смотрю на пирожное (у Пруста оно называется „мадлен“) и пытаюсь максимально представить его составные части. Но это дурная бесконечность!»

«Вот именно! Испытано на себе».

«Из известного нельзя получить больше того, что оно содержит, из комбинация значений, составляющих известное, нельзя получить новое или неизвестное. Здесь нечто подобное тому, что происходит в русской поговорке, определяющей обыск: ищут то, что сами подложили».

Прочитанное не прибавило оптимизма, положив закладку на страницу 85, Адаев отложил книгу и двинулся по опостылевшему маршруту. К окну. Итак, он отказывается заниматься «дурной бесконечностью».

А что взамен?

Надо увидеть собственными глазами хоть часть картины. Не хватает воображения, чтобы представить детали. К тому же подававшаяся гомеопатическими дозами информация, в которой не за что уцепиться. Ну судите сами.

На улице Озёрной обнаружен труп руководителя известного в городе театра «Дебют» со следами насильственной смерти. Подозреваемый задержан. Возбуждено уголовное дело.

Для полицейского сайта, допустим, сгодится. Но не для городской газеты.

Редактор снова принялся мерить пространство шагами. А с каждым днём оно уменьшалось в размерах.

Глава 13

Страдания юного буржуа

Итак данная особа исчезла со всех его радаров. Как выразилась бы Нора, «уехала и адреса не оставила!»

Похоже, что *nan-mam* вздохнули с облегчением. Пожалуй, они всерьёз опасались этой девчонки. «Наивная. Невинная. И оттого опасная». Кто из них дал Мирре такое определение? Теперь уже не важно. Тем более, что девушка не только адреса не оставила, но и своей фотки. Впрочем, в их доме ей было не до сэлфи. А зря. Тату у неё — классное. Даже отец оценил. Что-то про стигматы толковал. А на взгляд Луки, просто девочка помешана на природе. Интересно, если шея у неё расписана — как ствол дерева, руки-это ветки, то по идее должны быть и корни. Скажем, на ногах. Но вот нижних конечностей он и не заметил из-за брюк. Девушке-дереву было отказано в униформе горничной. Интересно, почему? — Да *по-кочену!* — Последовал ответ самому себе. — Из-за боди-арта, конечно. Небось, мать настояла. Вообще-то можно уточнить у Альки. Всё-таки они с Миррой — постоянщицы одного заведения. Интересно, много ли чудиков бродят теперь по улицам из-за нехватки коек для ковидников?

Но это ещё не самая жесть. Судя по тому, что будущий отдых планируется провести в бюджетной Турции, дела у Дамировых обстоят не блестяще. «Финансы поют романсы!» — так сказала бы бабушка Нора. А для подобного вывода наличествуют многие признаки. Так готовая продукция, для которой прежде предназначалось специальное помещение, теперь складывается в их собственном подвале. «Выгоднее сдать площади в аренду!» — обосновал решение отец. Но Лука-то сообразил: не от хорошей жизни принимаются такие решения. Книги расходятся плохо. И как ещё один пример кризиса: начинающий автор, который печатал в «Библиофиле» свои произведения за деньги, в отчаянии, что нет продаж, взял и бросил весь тираж в костёр. Старшие-Дамировы, чьи детство и юность, прошли в эпоху острого книжного дефицита, у которых рука не поднимается навести порядок в семейной библиотеке, то есть сдать в макулатуру устаревшие издания, были крайне возмущены. «Варварство!»

Одно может служить утешением: поступления на дебетовую карту идут исправно. В издательстве он числится редактором, и как выражается незабвенная Нора, «солдат идёт, а служба идёт!» Но не будем пристрастны к мальчику: время от времени он выполняет поручения главного редактора. Когда случается аврал. Обычно в конце квартала, когда на Софию сваливаются дополнительные заботы.

Ну а в остальные дни... «Твори, выдумывай, пробуй!» — Этот замшелый слоган из советского прошлого поваялась повторять не только Нора. А вся загвоздка в том, что родителям втемяшилось в голову сделать из него писателя. Им невдомёк, что из отпрыска и приличного блогера не вылупится. Что он выдаст в своих текстах? Жизнь «Красных кирпичиков»? Чтобы вызвать на себя огонь из всех пушек за периметром. Оно ему надо? (А всё-таки следует признать: лексикон у мальчика, благодаря его народным корням, сравнительно богат и разнообразен). К сожалению, этого недостаточно.

Вот и остаётся юному буржуа сиднем сидеть на своей мансарде, шастая по Интернету и койкам фрэндих.

На этом поток его сознания становится на паузу: стук в дверь. Деликатный. Отцовский.

Какой-то он подавленный в последнее время. Наверняка из-за бизнеса. Давно следовало перепрофилировать этот «Библиофил» в...

— Сынок! Есть разговор.

— По поводу чего?

— Как мужчина с женщиной.

«Неужели про тёлку? — Ну это сомнительно. Папа мужал в те годы, когда слово „секс“ писалось ещё с маленькой буквы, а между мальчиком и девочкой выдерживалась дистанция типа нынешней санитарной».

— Лука, есть обстоятельства в жизни...

— Непреодолимой силы?

— Ну типа того...

— Пап, если ты о грядущем банкротстве, то...

— Нет-нет, до этого не дошло. Пока. Тем не менее денег, признаться, у нас стало меньше. И отчасти это объясняет...ну в общем...

— Что, папа? Скажи прямо.

— Лука! Сынок! Будь у меня возможность, я бы никогда не дал повода. Короче, мы с твоей мамой очень хотели ребёнка. Но всё откладывали, потому что желали для него...

— Лучшей жизни?

— Мальчик мой, есть такой способ — суррогатное материнство. Мы им воспользовались. Но не очень удачно. Можно сказать, произошла катастрофа.

— Папа, не тяни!

— В общем, мне пришлось переспать с Лушей, — выпалил Гумер.

— С няней?

— Это потом она стала твоей няней. А поначалу...

— Теперь понятно, почему она называет меня сыночком.

— У неё имеются для этого основания.

— Уф-ф-ф! — выдохнул сын. Но родителем не был понят:

— Чему ты радуешься?

— Что ты не зашёл ещё дальше и не взял ребёнка из детдома. Но скажи, она тебя шантажирует?

— Как ты категоричен, однако... Я бы смягчил формулировку. Луша просит оказать финансовую поддержку. У неё муж потерял работу.

— Мама знает?

— Полагаю, догадывается. Но ты же знаешь Софию, сынок. Она женщина незаурядная. И до скандала не опустится.

— Но с денежками не захочет расставаться. Верно?

На отцовском лице отразилась улыбка.

— Правильно мыслишь, сынок. Но и я теперь, когда ты в курсе...В общем, буду краток. Что называется, отлегло! — С этими словами Гумер покинул обитель наследника. А Лука подумал, что давно не видел отца в таком приподнятом настроении.

И чем эта семейная история не повод для рассказа?

Глава 14

Если ночь темным-темна...

Часть скулы, куда пришёлся удар, пульсирует в так с сердцем. Но по крайней мере я в безопасности.

Сокамерница — молодая цыганка. Сидит в своём уголке и мне не докучает. От неё слышала только одну фразу: «Что у тебя на голове? Ты что бешеным ежом причёсывалась?». Ответа она не получила. И правильно. А то ещё привяжется с разговором. Уболтает в конце.

Я сажусь за стол и начинаю прокручивать в голове последние события.

Берег озера. Мужик с палками для скандинавской ходьбы. Он хотел меня прикончить. Потом была мёртвая тётя Оля. И вот тюрьма. Которая правильно называется так- камера предварительного заключения.

Цыганка сидит без движения, а её подбородок почти упирается в ключицы.

Я снова пытаюсь сосредоточиться на мужике с лыжными палками. То, что это не ЗОЖ, — факт. С ним не было разноглазой собачонки. Что дальше?

Воспоминания набегают каким-то пульсирующими картинками. А в ушных раковинах звучит: «Чур три раза — не моя зараза!» Так говорила тётя Оля. Или дядя Коля? Не помню.

А что было до того?

За стенкой разговаривали на повышенных тонах. Доминировал голос тёти Оли. В отличие от флегмы-брата, женщина заводилась с полуоборота и не останавливалась, пока не выпускала весь пар. К счастью, это занимало немного времени.

Что-то брякает в двери. Это принесли еду. Мутит от запаха еды. Отдаю свою порцию цыганке.

В висках стучат молоточки. На стене — пятно цвета высохшей шпаклёвки. А в нашей общаге было цвета мочи. Если верить Бабуленции, оно возникало сама собой — без видимых причин. А все попытки от него избавиться давали временный результат. Желтизна появлялась снова. И при этом пахла отнюдь не продуктами жизнедеятельности, а чем-то цветочным.

Сокамерница умяла мою порцию и удовлетворённо сложила руки на животе. На её указательном пальце запеклась капелька крови. Будто недавно отодрали заусеницу.

А руки у того мужика были в перчатках. Голубые, латексные перчатки.

Объявляют отбой. Можно ложиться. Опять будут кошмары!

Что доктор говорил про них? Сны- неудачники. Которые провалили своё задание — оберегать психику сновидца от «бессознательного».

На этот случай имеется заклинание:

— *Если ночь темным-темна, а постель теплым-тепла,*

Сплю и вижу: там, во сне, всё могу, всё можно мне.

Всё там есть под облаками,

Чай и столик с пирогами.

Только повода грустить нет во сне!

Тому и быть!

Глава 15

Букеты под портретом

В отличие от Ребекки, героини Дафны Дюморье, Вилену не хотелось сберечь это воспоминание, заперев его во флакон, как духи, а потом при желании вытащить пробку. Память не тускнела и не выдыхалась.

Путь к тому дому он нашёл с завязанными глазами.

Прекрасный образчик сталинского ампира. С классическим белым фронтоном, с резными венками под окнами и башенкой на крыше. А ещё мемориальная доска на фасаде, под ней-два вазона для цветов. И они не пустуют.

Даже тогда, когда Капитолину арестовали, сюда приносили свежие букеты. Поговаривают, что Капа заплатила за это подношение заранее и на годы вперёд. Сочиняют! Откуда у скромной разнорабочей такие средства?

Когда Вилен Владимирович был здесь в последний раз? — Прошлым летом. И как всегда притормозил у мемориальной доски. Оттуда на мир смотрели умные Генкины глаза. Форма усов, да и характерный прищур делали мужчину похожим на Андрея Тарковского. Его «Солярис» в своё время произвёл на юного Вилену сильное впечатление и даже поспособствовал формированию образа Творца.

Адаев притормозил и, откозыряв теперь вечно улыбающемуся сопернику, пророкотал: — Салют, Генка!

В какой-то момент правый Генкин ус дёрнулся, а в глазах заплясали... Чёртики не чёртики, но нечто плохо поддающееся определению. И Адаев поймал себя на желании протянуть портрету руку. Но вовремя пресёк его и потянулся к дверной ручке.

Похоже, что их связь не прервалась и после отбытия бывшего коллеги в мир иной. И не то, чтобы Вилен держал на него зло из-за Капы. Нет, причиной была не ревность. Генка и Капа сошлись уже после того, как была поставлена точка в романе молодого сотрудника редакции «Вести Мирного» и метранпажа типографии «Маяк».

Адаев, увидевший впервые Мякушева на пороге своего кабинета в солдатской шинели, и помыслить не мог, что этот прыщеватый паренёк сделает блестящую карьеру — от внештатного корреспондента до редактора главной городской газеты. А потом и вовсе головокружительный подъём — директор типографии, заместитель главы администрации. Завидовал ли он Генке? — Ещё как! Пока тот не попал в аварию. А какая зависть к мертвецу?

Дом с мемориальной доской известен в городе ещё и Шурочкиным огородом- самым гламурным в городе: грядки, засаженные садовой земляникой, овощами и зеленью, обрамлены бордюрами из стриженного самшита, а под ногами похрустывает гравий дорожек. Имеется резная скамейка, по обеим сторонам которой возвышаются декоративные вазы.

В юности Шурочка слыла поклонницей Марины Цветаевой. Кое-кто из горожан утверждает, что шагая по улице по каким-то своим делам девушка декламировала её стихи. Нет, не во весь голос. А так чтобы соблюсти приличия.

Другой источник информации утверждал, что в предпочтении у девушки были строчки о любви, типа:

— *Коли милым назову — не соскучишься.*

Превеликою слыву поцелуйщицей.

Коль по улице плыву — бабы морщатся.

Плясовицею слыву, да притворищицей.

Сама Шурочка ни в каких-то выдающихся танцах, а тем паче поцелуях замечена не была, большую часть жизни проведя в приёмной директора бумажной фабрики «Заря».

«Скромные, невидные девушки старятся как-то незаметно», — такая мысль посещала многих, кто бросал взгляд поверх плетёного забора, которым посадки под окнами Шурочкиной квартиры на первом этаже отделялись от остального двора.

Шурочка, положив под спину большую расшитую диковинным узором подушку, обычно устраивалась на уже упоминавшейся скамье.

Судя по птичьим трелям, доносившимся из трубки Вилена Владимировича, эта кованая скамья нынче служила местом изоляции для бывшей секретарши самого богатого капиталиста города Мирного.

Окажись журналист сейчас в этом садике, старая дева сначала приветственно помахала бы ручкой, а потом, блюдя социальную дистанцию, решительно указала бы на раскладной стульчик в отдалении.

— Как поживаешь, Шурочка? — Давнее знакомство позволяло журналисту подобное панибратство.

— *Хо-шо-шо...* Судя по голосу, на Шурочке была одета маска. — А вы? — Шурочка по давней секретарской привычке соблюдала субординацию и на «ты» не переходила.

— Да грех жаловаться!

— Что в мире делается, Вилен Владимирович? — Голос зазвучал яснее, из чего следовало: маска повисла скорее всего на одном ухе, открыв пожухлый ротик.

— Мор! — мрачно выдавил Адаев и тут же устыдился своего пессимизма. Негоже взваливать дополнительный груз на человека и без того несущего бремя лет.

А Шурочка тем временем тему подхватила:

— Один из сыновей Анастасии Цветаевой тоже умер от инфекции. Давно уже... В гражданскую войну.

«Сейчас оседлает своего любимого конька!»

— Потрясающая и во многом поучительная история сестёр Цветаевых! Две родные души- два полюса. Старшая — поэт- новатор, у младшей- пара забытых нынче книжек. У Марины, подпитывающейся энергией плотской любви, ранняя ужасная смерть. У Анастасии, добровольно вставшей в молодости на путь аскезы, долгая жизнь и мирная кончина.

— И кто прав?

— Не знаю! — доносится из трубки.

«Ответ, достойный мудреца, пусть и доморощенного!»

— Шурочка, я звоню по делу.

— По какому же, позвольте спросить?

— А вы хорошо знали вашего соседа Геннадия Мякушева?

— Раскланивались по-соседски. Да и только.

— А его гражданскую жену вы встречали? — Вилен Владимирович из уважения к покойнице вместо слова «сожительница» употребляет расхожий эвфемизм.

— Капитолина проживала здесь какое-то время. — Последовала пауза. Воображение журналиста нарисовало Шурочкин лоб, который напряжился в стремлении вспомнить конкретные годы. Увы, знаменитая секретарская память стала давать сбои, и женщина ограничилась коротким уточнением: — До его гибели. — До журналиста донесли какие-то

посторонние звуки. «Поправляет подушку за спиной». — А потом начались хлопоты. Капитолина отсудила жильё у родственников в пользу своей дочери.

— Как это ей удалось?

— Геннадий- благородный мужчина-признал отцовство.

— Но ведь дочь погибла в той же аварии, что и Геннадий. Или я не прав?

— После того несчастья у Капы внутри точно течь образовалась. Она стала худая и окаменевшая.

«И денежки за квартиру никуда не вложила. Предпочитала жить скромно и незаметно.

По какой такой причине?»

Итак, его мать ему не родная. А его няня — родная. Слишком это неожиданно, чтобы переварить с ходу. И слишком лично его касается, чтобы новость выплюнуть и растереть.

Нет, пока не укладывается в голове, что София ему никто. А каких-то два десятка лет он был ничем. Пустое место. А есть только готовая на всё яйцеклетка нанятой женщины и первый в колонне сперматозоид мужа его официальной матери.

Трындец! — Так выражался личный водитель отца Толя.

Стук в дверь. Манера матери — звонко и неотвратно.

— Не помешаю?

«Интересно — чему?» — хотел бы он задать следующий вопрос, но воздержится.

— Я бы хотела, сынок, потолковать кое о чём?

«Они что...сговорились?»

— Не буду ходить вокруг и около. Если карантин продлится ещё пару месяцев, «Библиофилу» придёт «кирдык». Мы с папой — вышли из 90-ых, а потому готовы к любому раскладу. Но за тебя нам тревожно.

— Но мама...я член семьи и должен буду. Короче, как решите, так я...

— Сынок, сидя внутри охраняемого периметра, ты не представляешь, какие...

— Стихии бушуют вне «Красных кирпичиков?»

— Прости за банальность, но напомню: предупреждён значит вооружён.

— Но я не собираюсь ни с кем бодаться.

— А придётся. Эта жизнь устроена именно так. Выживает сильнейший. Остальные удобряют почву.

— Мам, а ты случаем не сгущаешь краски?

— Хотелось бы так думать! — При этих словах она встала и, наклонившись к Луке, чмокнула его в макушку. Как делала всегда. — Я люблю тебя, сынок!

— И я люблю тебя, мама.

На мансарде ещё долго держался аромат её духов. Это мешало сосредоточиться на более радостных предметах.

Глава 17

Гипнотические качели

Переулочек «Проходной» во времена молодости Бабуленции ухоженностью не отличался. Да и сейчас был немногим лучше. Но всё искупала водная гладь.

Никогда ещё воздух не казался мне таким вкусным! Я нарезаю круги вокруг озера и дышу, дышу, дышу. Мало-помалу альвеолы моих бронхов выдавливают молекулы тюремного СО₂. А с ними и память о том, как лязгали двери, когда двигались в пазы мощные штыри.

В камере матрацы убирают после ночного сна — ни прилечь, ни подремать. Так что после отбоя бухаешься в койку и спишь, как убитый. (Выражение Бабуленции.) Удивительное дело, но в тюрьме мне снились только хорошие сны. Наверное, так мозг защищается от негатива.

Сокамерницу раздражало моё «мельтешенье». Я вынуждена была значительную часть времени сидеть за столом. Зато когда её уводили к следователю... Я двигалась по кругу, воображая, что гуляю вокруг озера. Чего-чего, а воображением не обделена. И оно одаривало шелестом камыша, хлопаньем утиных крыльев, соловьиными серенадами.

Переносилась и в дом Дамировых. Картинки представлялись такими яркими, будто смотрела фильм. Ночью шёл его повтор. Но эту тему надо закрыть. Где — я, и где Дамировы!

Пора подумать о ночлеге. Бросаю последний взгляд на воду. А на ней отчётливо прорисовывается острый угол. Это по своим делам плывёт ондатра. Если она до сих пор живёт здесь... Значит ли это, что вода достаточно чистая?

Я разворачиваюсь и тут же спотыкаюсь о пластиковую бутылку. Волна ярости поднимается внутри. Гашу её глубоким вдохом и протяжённым выдохом. А ругательное слово, готовое сорваться с языка, выплёвываю. Потом нагибаюсь и поднимаю пластик. В память о Бабуленции.

Бесцельное брожение по улицам. В кошельке — ни копейки. Да и кошелька нет.

Ничего не остаётся как идти в общагу. И я присоединяю свои шаги к стотысячному топоту Мирного. Приблизительно столько людей, согласно индексу самоизоляции, находятся в этот момент вне своих домов.

Иду по мосту ФУБХУХО быстрым шагом. От долгого простоя мышцы радуются каждому движению. Но к «Голубятне» прокрадываюсь с тыла- со стороны мусорных контейнеров. Удача! Возле них маячит знакомая фигура. При виде её оживает Бабуленция:

— А вот и мистер Контейнер!

Так она прозвала дядю Колю. Из-за его привычки таскать из него всякий хлам.

— Синдром Плюшкина излечению не подлежит!

Бабуленция явно на взводе.

Давно её было не слышать. Скорее всего, она или то, что от неё осталось, постепенно перемещается в какие-то отдалённые сферы. Отсюда и связь нерегулярная.

Дядя Коля блюдёт масочный режим. Но как всякому очкарику ему непросто: очки запотевают. И он протирает их костяшками пальцев.

Стоп-кран! У меня чувство, что меня сначала бережно взяли на руки, а потом уронили.

— Тикай! — вопит Бабуленция мне в ухо. Почему на украинском?

Так и не найдя ответа, даю дёру.

А вслед несётся голос дяди Коли:

— М-и-и-р-ра! Ты куда? погоди!

Но я уже несусь во весь дух. По мосту ФУБХУХО. Потом по улице и без сил падаю на скамейку. Отдышавшись, бреду куда глаза глядят. «И куда ноги несут!» — уточняет Бабуленция.

Ноги приносят меня в самый центр Мирного. Глаза скользят по современному зданию — сплошь стекло. Его возвели то время, когда я была в «Божьей коровке». Но у меня ощущение, что оно мне знакомо. «Это называется дежавю!» — объясняю я себе и плетусь дальше. Снова усаживаюсь на скамейку. «Стекляшка» и отсюда хорошо просматривается, особенно крыльцо. К перилам привязан пёс. Очень породистый. Он благосклонно принимает восхищённые взгляды редких прохожих.

Дежавю не отстаёт. Я поднимаюсь и подхожу к собаке. Потом преодолев желание коснуться её лобастой головы, отхожу в сторону.

Неподалёку есть уютный дворик. Бабуленция любила там сидеть в тени каштана. Обычно это случалось после посещения рынка накануне Первого сентября, когда усталые от бесконечных примерок и торговли за каждый рубль, мы направлялись домой.

А ещё здесь есть групповая скульптура. Называется «Памятник семье». Мужчина, молодой и прекрасно сложенный, держит на плечах малыша. По его правую руку — девочка-подросток. По левую — прелестная женщина с тонкой талией держит за руку непоседливого, можно сказать гиперактивного малыша. Судя по его позе он вот-вот вырвет ладошку из маминой руки и устремится вперёд к заинтересовавшему его предмету. Возможно, это детский автомобильчик, который сдают неподалёку на прокат. Или настоящий пони, на котором предлагают покататься весёлые тёти в жокейских шапочках. Этакая идиллия. В детстве я представляла, что девочка-подросток это я.

Рядом с этой увековеченной в бронзе ячейкой общества ощущение покоя и уюта. По крайней мере так было. В той- прошлой жизни.

Надо ли удивляться, что после бегства из «Голубятни» и дежавю перед «стекляшкой» я устремляюсь под сень знакомого каштана. Глаза перебегают от главы семейства к мамочке, затем к отпрыскам. После этого взгляд фокусируется на строении за их спинами. «Стекляшка». Много стекла- по серединке, а по бокам обычный шлакобетон. Но цвет исключительно приятный. И где-то я уже встречала это сочетание жёлто-зелёного. Вдобавок к переливающимся голубым витражи.

Стоп-кран! Тебе больше нечем занять свои мозги? Ты только что вышла из тюрьмы. У тебя новые проблемы с головой. Иначе как объяснить паническое бегство от дяди Коли?

Я резко поднимаюсь с лавочки, так что рюкзак со всем моим скарбом хлопает по лопаткам. Но тут тренькает мобильник. Я выуживаю его из рюкзака и читаю послание от Маринки.

«Приветик! Как ты? Мы сидим по палатам. Это правда, что от *коровьего* вируса можно помереть?»

Ну и дурила эта Маринка! Коронавирус ей слышится как коровий.

Но на смену пренебрежению Маринкиной недалёкости приходит теплота. Не исключено, так маскируется ностальгия по тем дням, которые мы вместе провели под крышей «Божьей коровки». А не уподобиться ли мне блудной дочери, вернувшейся домой? Пусть даже как объект научного интереса доктора Шехтмана.

Переваривая эту мысль, я шагаю по периметру городской площади, а спустя некоторое

время снова обнаруживаю себя у «стекляшки». Внутри сидят девушки с зелёно-жёлтыми косынками вокруг шеи.

Снова сигнал пришедшей эсэмэски. На этот раз от Фёдора.

«Рахат-лукум моего сердца! Когда мои гляделки узрят твоё новое тату? У нас тут все пишут кипятком из-за неё».

Значит, Алька выслала мои фотки в «Божью коровку».

Я приземляюсь на первую попавшуюся скамью и отбиваю ответ:

«Не пройдёт и полгода, как желание сбудется!»

Чей-то взгляд свербит мне затылок. Оглянувшись, никого не обнаруживаю. Очередная паническая атака?

Глаза устремляются внутрь «стекляшки». У девушек в жёлто-зелёных косынках клиентов не так уж много. В основном — пожилые.

Из дверей выходит дама с надменным взглядом и гордой посадкой головы. Судя по всему хозяйка привязанной к перилам крыльца псины. У неё надсадно вопит телефон. Она копается в сумочке, встав прямо по середине выхода. Гаджет и не думает затыкаться. Наконец, она выуживает его.

Дама старательно приглушает голос, но мои уши различают:

— Да, сняла. Почти всё. И тебе рекомендую. Времена нынче такие, что глупо не подстраховаться.

Далее следует набор воздуха в лёгкие и продолжение:

— Неизвестно, чем это всё кончится.

Концовка разговора оказывается вне зоны слышимости, ибо коккер-спаниель утрачивает самообладание и тянет поводок в сторону кудлатой дворняжки, семенящей в развалочку по каким-то своим делам.

А откуда-то сверху и прямо в серёдку макушки спускается голос Бабуленции:

— Не дрейфь, девка!

Здесь меня отвлекает очередное зрелище. Прежде, до ковида, качели у фонтана всегда были оккупированы детворой. И вот воспользовавшись малолюдством, на них взгромождается старушка. Неужто Бабуленция? При её настырном характере выпросить у надмирных властей командировку в прежнее место обитания...

Маятниковые движения качелей вводят в транс. Видимо, не только меня. На какой-то минуте маска повисает на одном ухе, являя миру отстранённо-блаженную улыбку.

Нет, это не Бабуленция.

А в следующую секунду меня настигает инсайт.

Это стеклянное сооружение я видела на... открытке из тайника.

Глава 18

Вездесущая Зулейха

— Срам какой! — всплеснула руками мачеха. — Почему эта Зулейха не прячет волосы? Где её хеджаб?

— Румия, это 30-ые годы прошлого века. Тогда у татарских женщин не было принято носить хеджабы. Они пришли к нам через 60 лет. От арабов.

Гумер и его мачеха сидели в гостиной перед телевизором и смотрели сериал «Зулейха открывает глаза». В глубине души Гумер был даже рад, что гнев отцовской вдовы обращён на ни в чём неповинную героиню Чулпан Хаматовой, потому что в противном случае их беседа могла принять неприятный для него оборот. Денежный.

Отец Гумера женился вторично в 64 года на женщине значительно моложе себя, которая родила ему дочку и двух сыновей.

«Бери пример с нас!» — говорил он бездетному сыну. А в сыновней голове вспыхивала фраза доктора: «Фертильность яйцеклеток вашей жены недостаточна...»

Когда отец готовился отойти в лучший мир, то поручил их детей своему первенцу. На плечи Гумера, тоже впервые ставшего родителем, легло дополнительное финансовое бремя. А поскольку эпидемия не могла не сказаться на их с Софией бизнесе, Гумер намекнул мачехе: субсидировать её в прежних размерах он больше не в состоянии. И хотя женщина виду не подавала, что расстроена, и продолжала оказывать гостю знаки внимания, напряжение в доме росло. И в любую минуту мог грянуть взрыв. Так что Зулейха оказалась весьма кстати. Этаким оригинальный способ выпустить пар.

— Мои тётки и бабушка тоже не носили хеджаб, — продолжил он тему. — Просто покрывали голову платком.

Здесь его накрыли воспоминания, как ходил к тёткам на кирпичный завод, как работницы клали кирпичи на свои беременные животы и таким способом перемещали их. Куда и зачем — из памяти выветрилось.

До трёх лет он говорил только по-татарски. Но потом семья переехала в город, и мальчик пошёл в детский сад. Там и случился культурный шок. Оказалось, что есть люди, издающие какие-то другие звуки. Казалось, что слова не проговариваются, а поются.

А потом была «Сказка о царе Салтане». Воспитательница сидела на скамеечке во дворе, взятая в кольцо детворой. На её коленках, туго обтянутых клетчатой тканью, лежала толстая книжка с картинками. В этот момент будущего издателя и поразила первая в жизни страсть к книгам.

Воспитательница читала глубоким грудным голосом, а мальчик молил про себя: «Только бы эта музыка длилась и длилась ещё! Ещё! Только бы!»

— Гумер! — окликнул его другой голос, делавший ударение на первом слоге, а на самом деле его звали Гумер. — Что ты топчешься на месте? Пи-пи хочешь?

Никакого пи-пи делать не хотелось. Но воспитательница взяла его за ручку и повела в помещение. Это была его первое серьёзное разочарование. Ему не дали дослушать Пушкина.

Когда у них с Софией родился Лука, он накопил целую детскую библиотеку. И лично читал ребёнку. С неизменным наслаждением. Сказался книжный голод детства. А вот сын был к книгам равнодушен. Но в конце концов отцовское воспитание взяло верх: мальчик стал читать. А теперь и писать. Дай Бог, станет писателем.

Перед этим Гумер силился играть роль старшего брата. Получалось слабо. Что и неудивительно: между ним и двумя пацанами разверзлась временная пропасть. Так что многострадальная Зулейха пришлась кстати и в этом отношении. Впрочем, визит не затянулся.

Вскоре гость попрощался, обещав передать привет милой жёнушке и прочее, прочее, о чём он вскоре забыл. Его мысли его вернулись к цели поездки: разузнать побольше о планах Норы реанимировать СССР. И чем это может им всем грозить. Однако проезжая по мосту ФУБХУХО, он увидел женщину, пересекающую на электро-самокате. «Хотел бы я иметь такую старость!» — подумал он.

На пути в дом с башней, где Вестерблоу проживали уже полвека, он вспомнил, что все московские гостинцы оставил у мачехи. Пришлось заскочить в магазин. Слава Богу, времена нынче настолько благословенные, что ассортимент столичных и провинциальных магазинов мало чем отличаются. А теще угодить несложно: она обожает сладости.

Явившись в Норину квартиру, он застал её сидящей в Интернете и слушающей интервью с писательницей Гюзель Яхновой. Зулейха настигла его и здесь!

— И что ты об этом всё думаешь? — осведомилась Нора, едва он переступил порог.

— Извини, не читал.

— Но ведь ты книгоиздатель! И ты... Ты татарин!

— Буду честен, я брался за эту книгу, но отложил.

— Почему?

— Вторично всё это.

Меньше всего ему хотелось вступать в полемику с человеком, который носил фамилию «Вестерблоу» и был прямым потомком английского инженера, приехавшего в советскую Россию из-за коммунистических убеждений и чудом спасшегося от репрессий. А потому он поспешил укрыться в ванной. И тут же в его голове включился калькулятор. Содержание дома в «Красных кирпичиках», помощь мачехе, выплата зарплаты сотрудникам издательства на удалёнке...

А ещё Луша! Вопрос с ней решён лишь отчасти. Он всё без утайки поведал сыну. А вот жене запала не хватило.

Как далеко эта бывшая наёмная работница намерена зайти в стремлении поправить финансовое положение?

Глава 19

Звонок другу

Эмоциональные разряды мало-помалу утихли, а потом и вовсе перешли в некие философские выкладки. Для домашнего употребления.

Технология. Опорное слово нашего времени. Этой самой технологии подчинилось даже зачатие. Дескать, постоит в сторонке, женщина! Справимся и без вас! Но не прокатило. Природа — сука! — стояла на своём И вот что на выходе получилось... далее мысль застопорилась. Ибо ожил мобильник.

Номер был незнакомый, и Лука его проигнорировал, решив положить конец философствованию и обратившись к руководству для молодого автора.

«Есть только три возможных ответа на вопрос, заключённый в сцене романа. „Да!“ — истории больше нет. „Нет!“ — появляются некоторые драматические возможности. „Может быть?“ — герою предстоит выбор. Истории в этом случае есть куда двигаться».

«Может быть?» — пришёлся Луке по душе. Возможно, оттого он и ответил на повторный звонок.

Голос был мужской:

— Это Фёдор.

— И что дальше? — спросил Лука более резко, чем обычно позволял себе.

— Из «Божьей коровки»! — пояснила трубка.

— И что дальше? — А дальше последовало какое-то сопенье, потом шиканье. Столичному абоненту пришлось набраться терпения.

— Я друг Мирры.

— Из города Мирного! — здесь в эфир вторгся другой голос. Лука понял, что он и был источником шиканья перед этим.

— Вы что-то имеете мне сообщить? — Лука услышал свой вопрос будто откуда-то со стороны. И устыдился его. А на том конце, видимо, несколько оторопели. Этим и воспользовался «второй», пропищавший в трубку:

— Я Марина.

— Очень приятно, Марина. А я Лука. И я вас внимательно слушаю. — Столичный абонент стал — сама выдержка и терпение.

— Нам нужна Мирра, объявил девичий голос. А мужской в некотором удалении добавил:

— Из города Мирного.

Если это был тот самый Фёдор, о котором поведала Мирра, то для своего маленького формата («Чуть больше метра с кепкой!») он обладал солидным баритоном.

— Ничем помочь вам не могу. Мирра здесь не живёт.

— А где?

— Откуда мне знать? — взорвался столичный абонент.

— Но вы ведь её друг! Или как? — вступил мужской голос.

— «Или как!» — заключил Лука и дал отбой.

Глава 20

С-ю-ю-юр и приз!

Женщина с жёлто-зелёной косынке на шее одаривает натренированно любезным взглядом:

— Чем могу помочь?

— Ы-ы-ы! Ньяу! — вымучивает из себя Мирра, воспроизведя речь одной из постоялиц «Божьей коровки».

Но «жёлто-зелёная» косынка, похоже, видывала и не такое.

— Сберегательная книжка нашего банка у вас имеется?

— Н-н-н — е-е-е!

— Паспорт?

«О, это всегда — пожалуйста! Тем более, когда вы только что как из тюремной камеры».

Женские пальцы ловко листают документ, после чего щёлкают по клавиатуре. Сердце в груди начинает ухать. — «Не обмочись ненароком! — подпускает шпильку Бабуленция! — Ты ведёшь себя так, будто это ограбление».

— Сколько будете снимать? — осведомляется сотрудница.

— Вы-ы-ы-с- е-е!

— Нужно заказывать заранее.

— Тогда сколько можете!

Обретение клиенткой человеческой речи вызывает лёгкое подёргиванье бровей. И ноль комментариев.

— В наличии — только мелкие купюры.

— Хо-хо-хор...

МИРРА ИЗ ГОРОДА МИРНОГО

У меня в руках — открытка из тайника Бабуленции. Вернее, её дубликат. Это называется банковская сберкнижка. В ожидании денег у окошечка кассира я пытаюсь разобраться с её содержанием. Оно сплошь из цифр. И они мельтешат перед глазами. Тогда я ставлю задачу полегче — просто сосчитать количество знаков. У меня получается — семь. И все разные. Выходит, что сумма некруглая. Значит ли это, что на вклад шли проценты? Мы хоть из «дурки», но про эти дела кое-что кумекаем.

Эх, Бабуленция, не откажешь тебе в умении держать рот на замке. Хоть бы одним словечком намекнула. Мол, не дрейфь, внученька! Есть у тебя финансовая подушка безопасности.

Но Бабуленция — кремень!

Говорят, древние евреи так благоговели перед именем своего Бога, что даже имя «Иегова» не называли вслух. Вот и я- Мирра из города Мирного поостерегусь. Пусть это будет сумма из семи цифр.

Глава 21

Алиби для внучки

Вилен оторвался от компьютера и подошёл к окну. За ним буйствовала весна. Эх, дотронуться бы сейчас до клейких листочков! Вдохнуть их запах! А это деревце — ну вылитая иллюстрация к томику стихов.

Он сделал несколько движений руками, чтобы разогнать застоявшуюся кровь, и вспомнил, что не сменил домашнюю одежду. Ну и хрен с ним! Сегодня он делает себе поблажку. Суббота! В его прежней жизни день хоть и не праздный, но с укороченными рабочими часами. Только вот чем заполнить эти шесть раз по шестьдесят минут?

Жена вот находит себя занятию. Судя по звукам доносящимся из ванной, сегодня настал черёд всем этим баночкам, флакончикам и коробочкам, что теснятся там на полках. Он же лишён подобного поля деятельности. Правда, можно занять руки каким-нибудь мелким ремонтом. Например, обновить обои в прихожей. Но в таком случае пришлось бы заказывать материал по интернету, а Вера — противница такого способа отоваривания. Ей требуется походить по торговому залу своими ножками, а ручками потрогать вещь.

Вилен глянул на часы. Они отмерили ещё 9 минут карантина. «Всего 9 минут».

Он ещё поглазел на пустой двор и вернулся за рабочий стол. Немного пошлялся по Интернету. Ничего интересного. Один Ковид-19. Тогда он принялся искать что-нибудь душевное на ютубе. Музыка! Её оказалось достаточно много. К примеру, итальянская эстрада.

Память-это шаровая молния! Она врывается в мозг при первых же тактах «Либерты» в исполнении этой давно распавшейся супружеской пары. От наплыва чувств он никак не может вспомнить их итальянские имена. Зато перед глазами во всех деталях встаёт наряд Капы: модный тогда серебристый комбез, бежевые туфельки с заострёнными мысками. У девушки-тёмные волосы. Свои, некрашеные. Они ниспадают на плечи крупными волнами. «Либерта!» — разносится по парку культуры и отдыха. Капа и он сидят в кабинке колеса обозрения и сверху любуются городом.

Он тогда едва не сделал ей предложения. Да, было дело. Но так и не решился. По какой-то причине. Впрочем, причины были хорошо сформулированы и высказаны матушкой Вилена. Девушка старше жениха. Без высшего образования. Да и статусом не вышла. Подумаешь, полиграфист! Нет, профессия на родительницу впечатления не производила, хотя сама-то из простых. Плюс пролетарская закваска. Один выбор имени для сына (Вилен — это Владимир Ильич Ленин) чего стоит. Тем не менее мечтала о невестке из образованных. Но самый главный довод не в пользу Капы: «Эта женщина тебя пережует и выплюнет!»

Однако Генку, в объятиях которого Капа и утешилась, сила женского характера не отпугнула. А может статья, даже притянула. По крайней мере, в паре с ней он тогда много дел наворотил. А вот замуж так и не позвал. Да, видно, девушке это было не важно, ибо она сразу и в открытую стала жить с ним. И факт этот окончательно исцелил сердце Вилена.

Ну да... исцелил. Только вот даже в этом исцелённом сердце Капа продолжала жить. Иначе к чему все эти мысли о женщине, чья жизнь на этой земле завершилась?

Вилен Владимирович рывком поднялся из компьютерного кресла, отчего одно колёсико протестующе закрипело. Он снова стал мерить шагами пространство, а мозг буравила

МЫСЛЬ:

«Почему не лаяла та псина?»

Единственный аргумент в пользу обвиняемой.

Но не полный же профан сидел в кресле судьи?

А до суда был ещё следователь...

А если посмотреть с другого ракурса. Если это не Капа, то кто?

Ясное дело, что он из «Голубятни». Или по крайней мере проживал здесь прежде. Таких — немеряное число, включая его самого. Только вот у него, в отличие от этого бармалея, отсутствует мотив. Серьёзный мотив. Прежние их отношения с Капой — это во внимание никак не может приниматься.

Да, мотив. Опять всё упирается в него.

Защита природы. Никогда в молодости Капа не проявляла к ней интереса. Даже свинец, который использовался в печатном деле и пагубно сказывался на здоровье типографских, её не заботил.

Что же такое могло перевернуть женское мировоззрение? Смерть близких? Но они распрощались с жизнью совсем по другой причине.

А если Капа взяла на себя чужую вину? Но зачем? Спасти от тюрьмы. И это мог быть только очень дорогой человек. Таковых у женщины оставалось немного. А если быть совсем точным... Один — единственный. Внучка. Хм, скорее всего она тоже входила в круг подозреваемых.

Он схватился за мобильный.

— Зиночка, будь великодушна. Не посылай меня куда подальше! Ну да, мне требуется твой совет, вернее, консультация. По делу этой... как её там! Греты! Да, да! Скажи, мой ангел, а рассматривалась ли версия о причастности внучки. Кажется, её зовут Миррой. И что? Алиби? По всем эпизодам? Спасибо! — Здесь он не удержался и закашлял в трубку. Это «кхе-кхе» вернулось глухими выстрелами эха. А затем трубка разразилась гневным:

— Не кашляй на меня!

Он дал отбой и по укоренившейся привычке зафиксировал услышанное в блокноте.

Получалось, когда старушке нанесли смертельный удар в висок, эта самая внучка находилась в психо-неврологическом диспансере. В момент нападения на молодого человека она была дома, что подтвердили соседи. С девушкой — то же самое. Ну а в четвёртом случае «Грета» попалась.

Итак, три алиби.

То, что из «Божьей коровки» можно улизнуть, свидетельствуют сводки происшествий, с которыми журналист знакомился лично. Имя Марины Кудреватой, склонной к бродяжничеству, фигурировало в них с поразительной регулярностью. Внучка Капы вполне могла последовать её примеру или позаимствовать у неё опыт, то есть перемахнуть через ограждение.

А вот с соседями сложнее. Хотя если поразмыслить, то юркая девица наверняка нашла способ выскользнуть из секции и, добежав до «кишки», сделать своё чёрное дело.

Что ж, если он сейчас и пристрастен, то в логике тоже не откажешь.

Адаев с трудом подавил желание позвонить напарнице с тем, чтобы поделиться последними доводами.

Нет, ещё не время.

На мансарду солнце заглядывает весь день. Через наклонные окна в крыше. А по степени освещённости стропил (их оставили на виду намеренно для полноты мансардного образа), можно определять время суток. Рассвет и закат — самые продуктивные для умственных занятий обитателя мансарды. Да, при свойственной ему созерцательности младший-Дамиров тяготеет к размышлениям о жизни. А в последнее время и серьёзный повод возник.

Не то чтобы Лука страшится перспективы остаться ни с чем. На самом деле он не ведаёт — каково это. Надо полагать, что и особого негатива по поводу банкротства не испытывает. Досаду вызывают лишь участвовавшие визиты на верх Софии с её опасениями по поводу душевного состояния ребёнка. Как следствие ему приходится имитировать творческий процесс, то есть писать. Поскольку никакого стоящего материала «Красные кирпичики» не предоставляют, он принимается за истории, рассказанные бывшей помощницей по хозяйству. «Само-знамо» (подслушанное у неё выражение) они касаются постояльцев «Божьей коровки».

Откопав в недрах письменного стола блокнот, Лука излагает факты. Первый заголовок — «Жизнеописание Марины Кудреватой».

Девочка появилась на свет в северной глухомани и с ранних лет была склонна к бродяжничеству. «Поиски другого места» — так объясняет девочка свою тягу. Большую часть детства Марина проводит в интернате для умственно-отсталых детей в Двинске Архангельской области, а своё совершеннолетие встречает в «Божьей коровке». Марина входит в транс посредством верчения на месте, которое напоминает танец дервишей. Утверждает, что «умеет сниться».

В этом месте ручка повествователя застывает на месте. «Шишки-едришки!» — выражение, заимствованное у бывшего личного водителя Дамировых. Мирра не озаботилась пояснить, что это значит — «уметь сниться».

А если спросить у Альки? Удобно ли? После некоторых колебаний он берётся за мобильный.

Судя по радостным интонациям, «бывшая» успела заскучать на карантине и не прочь потрепаться.

— Видишь ли, друг мой Лёнька! — (Будучи в духе, Алька склонна величать молодого человека именно так — в память об одноимённой книжке, которой зачитывалась в детстве). -Интересующая тебя персона — любимый объект доктора Шехтмана. А у него, помимо неврологии, имеется что-то типа хобби. Всякая там эзотерика.

— Но если всё так, то у девушки должна быть какая-то предрасположенность. Я прав?

— Видишь ли, психиатры — это особая каста в медицинском сообществе. Они все немножко того...

— А что конкретно про эти сны тебе известно?

Немного. А если по чесноку, то ничего.

— Жаль! — не смог скрыть разочарования молодой человек.

— Про это тебе может рассказать Мирра. Ну та самая. Из города Мирного.

— Она тоже умеет сниться?

— Про это не знаю. Но в каких-то экспериментах участвовала.

— А что представляют эти экс...

— Сознательное управление сном. Это всё, что мне известно.

Оживлённый диалог «бывших» на этом прервался. Пауза затянулась, так что на одном конце провода даже встревожились:

— Чего ты приуныл? Если требуется забойный сюжет, то Федька — в самый раз будет.

— Какой ещё Федька?

— Лилипут.

— Их называют маленькими людьми.

— Иди на фиг со своим гуманизмом! — взбеленилась Алька, несколько подуставшая от разговора.

— Окей, а что ещё интересного можно о Фёдоре сказать?

— Парень родился без рук. Но при этом рисует и выжигает по дереву.

— Как это?

— Ногами! — На том конце хохотнули. Звук получился такой, словно полоскали горло тёплой водой. — Твоя наивность меня умиляет!

— Спасибо, Аль! Ты мне очень помогла. — Поддал ответного сарказму Лука.

— Погодь, не убегай. Имеется ещё и душещипательная история. Слышь?

«Как девушка всё-таки опростилась в этом своё заведении!» — подумал Лука, но оставил своё мнение при себе.

— Да, Аля, я слушаю.

— Наведалась как-то в нашу богадельню одна журналисточка. И очень нашим Федей впечатлилась.

— Как человеком?

— Дурень! — В трубке снова сполоснули горло. — Как проектом. Сварганили целый сценарий. Люблю — не могу. Хочу спасти! Ну всякая лабутень.

— Ну почему же сразу лабутень?

Вопрос демонстративно пропустили мимо ушей:

— Ну и, само собой разумеется, всякие там ток-шоу начались. Барышня по ним целый год гастролировала. Много денег огребла. Знамо дело, хотела всё при себе оставить. Но мы не дали. Пригрозили ей разоблачением. Поначалу она отбрыкивалась. Тогда я папку своего подключила. Ну а он человек из 90-ых. Сам знаешь. (Лука, честно говоря, был не в курсе этих биографических подробностей Бондалетова). Короче, прижали к стенке и заставили делиться.

— Раскулачили успешно?

— Вполне. Федька себе комнату в общежитии купил. Стал там жить-поживать. Однако свобода и деньги счастья не принесли маленькому человеку. Заразился там «русской болезнью». К слову сказать, напрасно её русской именуют. Англо-саксы побухивают тоже не слабо. Кому как не тебе, обучавшемуся в туманном Альбионе, это знать!

— Не буду с тобой спорить. Дальше что было?

— Хэппи энд! А всё благодаря Мирре. Ну и твоя Алька в стороне не осталась. Короче, вернулся Федька в отчий дом, то бишь в «Божью коровку». А там у Шехтмана не забалуешь. Дис-цип-ли-на! Подъём в семь. Отбой в двадцать два.

— Спасибо, Аля! Правда, спасибо.

— Ну бывай, друг мой Лёнька!

И несостоявшиеся жених и невеста разъединились.

«А всё-таки хорошая девчонка эта Алька!» — подумал Лука. — Хотя и дочь бандита.

«А всё же есть что-то привлекательное в нашем соседе!» — пришло в голову Але. — Хоть и «Кисляй».

Глава 23

Ёлы-палы! Лес густой...

— Послушай, Зулейха!

— Меня зовут Румия! — отрезала мачеха.

— О да, прошу прощения. Я тут немножко запутался.

— Не причиной ли тому *алкоголь*?

Ударение на первом слоге грешного слова добавляло сарказма.

— Твоего отца (Да будет милостив к нему Аллах) это не обрадовало бы. — Женщина подбирала слова помягче.

— Послушай, Зулей... Румия! Ты хорошая женщина и вообще истинная татарочка, но... — По шее мачехи пошли красные пятна. — Но в жизни выпадают и другие комбинации.

— Гумер, что ты несёшь? Твой отец...

— Ты права, женщина! Я Дамиров.

— Ты позоришь свой род!

— Род? А тебе известна моя родословная? Нет у меня никакой родословной! Хотя, без сомнения, я конкретный поволжский татарин. Рыжий, как лиса. Разрез глаз- покрупнее, чем даже у иных славян. Короче, тот ещё болгар. Но не суть! В душе я русский. Похлеще некоторых русских вместе взятых. А вообще мы все на этой Среднерусской возвышенности так перемешались, что превратились в одну большую крепкую орду. И я горд этим. Потому как только моя русская душа может так петь!

И надтреснутым голосом он завёл:

— *Поле, русское поле!*

Светит луна или падает снег,

Счастьем и болью связан с тобою,

Нет, не забыть тебя сердцу вовек!

Допеть ему не дали, вытолкав взащей.

И где тут, скажите на милость, почтение к старшему в роду?

Ничего не оставалось, как отправиться восвояси. А под «восвоясями» подразумевалось не что иное, как старый родительский дом. А поскольку мужчина находился сильно «под мухой», пришлось взять такси. Оно и доставило его в Лопуховку.

...Сквозь причудливо разросшиеся стебли плюща виднелись брёвна, потемневшие от времени, а мутные окна подслеповато шурились.

Гумер резко выдохнул, будто в ноздри попал инородный предмет, и толкнул дощатую дверь. Пахнуло нежилым. Он миновал сени, в которых стояли пустые вёдра. Рядом притулилось коромысло. «Материнское!»

В родительской спальне всё оставалось на прежних местах. Он опустился на стул, сиденье которого было обито набивной тканью. Стул этот, как и его три сородича, сохранили первозданную свежесть, ибо предназначались для гостей. Припомнив это, Гумер отметил детскую цепкость своей памяти. Затем его взгляд упёрся в прикроватный столик, где лежал толстый, но компактный томик в зелёной обложке.

«Коран!» Вот над какими духовными вопросами бился отец- атеист на склоне жизни.

Гумер полистал зелёный томик, отметил карандашные подчёркивания и вернул на

место, после чего прилёг на старую металлическую кровать с блестящими шариками на спинках. Скорее всего на ней он и был зачат. От этой мысли в голове вдруг всплыли строчки английского поэта Джеймса Томсона «В комнате»:

— *И молвит ложе: среди людей ничто не ново для меня.*

Я с ними в счастье и беде за ночью ночь, день ото дня.

Я знаю, чёрен кто, кто бел,

Кто здоров, недужен кто в дому,

Кто стал отцом, кто овдовел,

Кто погрузился в сон, кто — в тьму.

Но эту оду кровати прервало какое-то движение снаружи. Не вставая с ложа, он отогнул занавеску. Ни души.

Мысли вновь вернулись в прежнее русло.

Когда он в последний раз писал стихи? Когда любовался закатом? Или просто лежал на траве? — Не вспомнить теперь. И ведь прав поэт, имя которого он напрочь забыл:

— *Всё меньше любитя,*

Всё меньше дерзается,

И время лоб мой с разбега круши,

Приходит страшнейшая из амортизаций —

Амортизация сердца и души

Невесёлые размышления были прерваны поскрёбываньем в дверь. Чертыхаясь, он поднялся с кровати и двинулся к выходу.

— Кто там?

— Это я! — пропищали снаружи.

— Ёлы палы! Лес густой! — вырвалось у него заимствование из лексикона незабвенного шофёра Толи.

Девушка Мирра из города Мирного. Собственной персоной.

— Можно мне войти?

На незваной гостье — футболка и шорты. Так что тату предстаёт во всей полноте картины: волнистые корни спускаются к щиколоткам и далее по подъёму ступни. В добавление к ветвям на руках.

Но, будем честны, округлая, задорная попка «девушки-дерева» тоже не была обойдена вниманием.

— А ещё говорят, что незваный гость хуже татарина! — шутит Гумер, пропуская Мирру вперёд. — Как ты нашла меня?

— Чисто случайно. Я встретила вас на площади.

— Ты следила за мной? — оторопел мужчина.

— Ну если вы так это называете... — Конец фразы она предпочла проглотить.

— Чай? Кофе?

— Просто воды. — Она сняла чёрный кожаный рюкзак и поставила на пол. Он сходил на кухню и принёс бутылку, припасённую на случай утренней суши.

— Из местного источника, — отрекомендовал он напиток, разливая по гранёным стаканам. Гостья пригубила.

— Чем обязан визиту? — осведомился он, усаживаясь напротив, и тут же выдавил усмешку, призванную сгладить велеречивость фразы. В стенах, оклеенных незатейливыми советскими обоями, она звучала неуместно.

— Да так... Решила провести.

— Миррочка, дорогуша, хочу напомнить, что сейчас эпидемия, а я — изолянт.

— Чур три раза-не моя зараза! — усмехнулась «дорогуша».

— В этом и заключается твоя благая весть?

Она поёрзала по табуретке, отчего та издала протяжный, на грани неприличия звук.

— Просто хотела сказать, что... В общем, неважно! — Здесь она скрестила ноги, отчего «корни» переплелись. — Я скоро уйду.

«Не уходи!» — взмолился он про себя и взмахнул рукой, словно отгоняя мысль.

— Привет вашей семье передавайте, — продолжила гостья. И в какой-то миг Гумеру почудилось: на её правой радужке запульсировала янтарная точка.

— Семье? А-а-а, непременно, — промямлил мужчина и моргнул, пытаясь скрыть ответный сполох в собственных радужках.

Начиная вожделеть к задорной попке, мужчина сосредоточился на тонких, как у фламинго, конечностях. Теперь рисунок на них ассоциировался с венами и вообще с кровеносной системой. Это снизило градус влечения.

— У меня не было отца. Вернее он имелся, но я его не помню.

«Она что, пытается списать своё поведение на детские травмы?»

— Извини, дорогуша, за прямоту, но какое отношение это имеет ко мне?

— Сама не знаю.

По всему её виду было заметно: девушка нечасто встречалась с великодушием, а ещё меньше рассчитывала на него.

— Тогда ты пока поразмысли на сей предмет, а я приготовлю нам чаю.

— Да, я, пожалуй, бы выпила.

— Чёрного или зелёного? — крикнул он из кухни.

— А какой вы любите?

Он предпочитал зелёный. И чтоб не в пакетиках.

Просто удивительно, как меняются вкусы в течение лет. Когда-то он заливал внутрь очень крепкий и сладкий чёрный чай.

Он пошарил по полкам в навесном шкафчике. Печенье в пачке. Сгодится. Сахар тоже есть. Взгляд наткнулся на старый расписанный какими-то аляповатыми цветами поднос. Сгрузил всё имеющееся в наличии для чаепития на него и вернулся в комнату.

Она оказалась пуста.

«Отлучилась в туалет».

Считается, так, по крайней мере посчитал Росстат, что по наличию канализации Россия в семёрку самых продвинутых в этом плане государств ещё только стремится. Вот и в Лопуховке, как при Иване Грозном, пользуются сооружениями, именуемыми «выгребными ямами». А потому визиты к ним требуют времени, особенно для слабого пола. Убедив в этом себя, хозяин принялся расставлять на столе пузатый заварочный чайник, две разномастные чашки, сахарницу и даже сливочник, куда он слил молоко.

Минуты шли за минутами, а гостья не возвращалась. Тогда он налил себе чаю и отхлебнул. Дивный запах мяты наполнил комнату. Он сделал ещё пару глотков, и подошёл к старому комоду. С трудом вытащив ящик, нашёл полотенце для рук, попутно отметив наличие постельного белья.

«А вдруг девушка так припозднится, что будет просто неприлично не предложить ей подождать до утра?»

От этой мысли тепло растеклось где-то там — внизу. Но уже через секунду подуло арктическим холодом:

«А если нагрет Софья?»

И он впервые пожалел, что, решаясь на самоизоляцию, не захватил с собой мобильник. Всё-таки полезная вещь для уточнения и сверки планов.

Однако куда запропастилась «задорная попка»?

Он вышел на крыльцо, пересёк двор и вошёл в конюшню. Там, в дальнем углу, и разместился нужник. Давным-давно его невеста Софочка, отправившись сюда по нужде, попала в заложницы к своенравному козлу Борису, подпиравшему рогами дверцу. Тем не менее всякий раз Гумер, наведываясь сюда, вспоминал о целебном молоке пяти Борискиных супружниц и надеялся, что козье семейство, в свой срок принесённое в жертву отцовскому мясоедству, пощипывает нынче травку на райских пастбищах. (Если верить матушке-покойнице, Эдем для парнокопытных предусматривается.)

Хватило одного взгляда на дощатую дверцу сортира, чтобы понять: пользователь отсутствует. Однако игнорируя щеколду, находящую в позиции «заперто», он слегка касается костяшками шершавой некрашеной поверхности. Никто голоса не подаёт. Он возвращается в избу и с порога кричит:

— Мирра, ты здесь?

Тишина.

«Обиделась на его холодный приём и ушла. Ну и хорошо. Одной заботой меньше...»

Он усаживается за стол и наливает себе свежего чаю.

В это время его ступня касается чего-то твёрдого.

Какой-то свёрток скрывается под волнистой бахромой скатерти, давно забывшей про свой изначальный цвет.

Глава 24

Глаза и уши Адаева

Зиночка привычна к вспышкам материнского гнева. Они не направлены лично против неё. Родительницу сердит весь мир. Дочка это осознаёт, но на лето всё же стремится сбегать к Лидии Марксовне (одно отчество чего стоит!) в загородный пансионат «Уютный уголок». На это деньги откладываются уже с зимы. Ясное дело, без подработки здесь не обойтись. В том числе в адаевском еженедельнике. Хотя перепадает ей здесь в виде гонорара негусто, лейтенант Сыропятова и этим не пренебрегает. «Куручка по малости клюёт, а сыта бывает!» — вторит она заимствованной у матери стратегии.

Однако на этот раз Зинаида готова отказаться от журналистского задания. А всё потому, что оно выпадает на четверг- день свиданий. Так повелось с её первой встречи с Радиком. И длится уже восемь лет.

Все карты спутала эта пандемия. Будь она неладна! Вслед за санаториями и пансионатами закрылись и отели. Матушка безвылазно сидит дома. И Горбатый переулок — этот беспроектный вариант- накрывается медным тазом.

На Зинино счастье, семья Сыропятовых — многодетная. И у всех её сестёр — по квартире. Будучи старшей, Зина не привыкла перекладывать свои проблемы на них. А потому вариант — на самый крайний случай. Но похоже на то, что пришёл его час.

Звонок Адаева застаёт женщину за подготовкой территории к свиданию, и первое побуждение- послать редактора куда подальше. Но она достаточно вымуштрована службой, чтобы сделать это на первых пяти секундах. А на шестой вступают доводы рассудка. Вилен на гонорары не скупится — даже в случае, когда под текстом отсутствует её фамилия. К тому же, благодаря замолвленному за неё словечку, Зина оказалась на федеральном канале, когда там вовсю гремело «дело Греты Тунберг».

Пусть приглашённому из глубинки эксперту позволили держать рот открытым лишь десять секунд, а всё остальное время камера лишь наезжала на неё, гонорар-то оказался впечатляющий. Плюс уважение коллег. Да и начальство не обошло вниманием: ещё один пункт в отчёте о проделанной работе в области информирования населения.

По ходу всех этих размышлений склонил чашу весов в пользу задания самый последний аргумент — время. По всему выходило, что к назначенному часу она должна успеть. Всего-то и делов — поприсутствовать на похоронах и сделать фотосъёмку.

— Все расходы будут оплачены! — заверил голос в трубке. — Ну и в остальном... свои люди — сочтёмся.

Возразить было нечего, и Зина принялась приводить себя в порядок. Первым делом была извлечена из шкафа форма — весомый аргумент в пользу её присутствия на траурной церемонии. «Да, бдит власть! Проверяет — не слишком ли многолюдно на прощании, соблюдена ли установленная норма скорбящих». Ну и последующие за этим вопросы тоже будут выглядеть естественно в устах человека в погонах.

Обеспечив таким образом вразумительное обоснование своей миссии, руководитель полицейского пресс-центра подкрепилась плотным завтраком, уступив тем самым настоянию матушки, затем позвонила на работу и доложила о командировке. Поскольку работа её была ненормированной и предусматривала выезды за городскую черту, никаких вопросов не последовало. К тому же начальство изначально, то есть первым пунктом

рассматривало Сыропятову как человека пишущего, а потом уже служивого.

Объявленные властями меры повышенной готовности, как и следовало ожидать, сказались на пассажирском потоке очень даже зримо. В салоне маршрутки набралось каких-то шесть человек.

Прощание было назначено на 11 часов. Без пяти одиннадцать в ритуальном зале морга уже стоял гроб, в котором навеки застыло восковое Ольгино лицо. По обоим сторонам протянулись лавочки, чья протяжённость подчёркивала скромное число скорбящих. Это мужчина в чёрном костюме, не знающий куда деть руки. Рядом старушка с испитым лицом. «Брат и мать», — предполагает Зина, успевшая узнать о семейном статусе покойной: разведена и бездетна.

В зал Зина не входит, предпочитая наблюдать за церемонией со стороны. Вот молодой видный мужчина заносит венок с надписью «От коллег по театральному цеху». Представительная дама ставит рядом с гробом корзину цветов.

Если Адаев рассчитывал, что убийца заявится на похороны, то пока его расчёты никак не оправдываются. Ни один из присутствующих не вызывает ни малейших подозрений. Тем не менее Зина незаметно фиксирует каждого на свой телефон.

После выноса гроба распорядительница похорон запирает входные двери морга, оставив внутри двоих — мужчину в чёрном костюме и старушку с помятым лицом. Значит, Зина не ошиблась: эти двое связаны с покойной кровными узами, ибо этот обряд проводится только с родственниками.

Все провожающие умещаются в одном микроавтобусе, рассевшись по бокам от гроба. Процессия трогается, и Зина остаётся наедине с женщиной в чёрном платочке. Той самой распорядительницей, позаботившейся о закрытии дверей, дабы родные души не последовали за отошедшей в лучший мир.

— Покойную не будут отпевать? — интересуется Зиночка, чтобы завязать разговор.

— Нет. В Господа Ольга не верила. И даже как-то высказалась...

— В адрес Бога?

— Нет, что вы! — всплеснула руками женщина. — В адрес батюшки. Мол, её театр умеет делать то, что редко удаётся ему.

— И что же это?

— Объединять людей чувством любви к общему делу! — не устояла перед напором любопытства женщина.

Чтобы не вызвать у неё чувства раскаяния за развязавшийся язык, Зина умело перевела беседу в другое русло, спросив, как лучше пройти к общежитию.

Женщина с готовностью сообщает оптимальный маршрут, а заодно интересуется целью визита полиции. «Следствие по делу продолжается,» — непроницаемым видом сообщает старший лейтенант Сыропятова. Вполне удовлетворившись ответом, женщина сообщает:

— Там сейчас старшая по дому верховодит. — И несколько помедлив, сообщает: — Мне с вами по дороге.

«Ого, похоронный запал ещё не истрачен, и тётеньке хочется поучаствовать».

И словно в подтверждение предположения, безымянная тётенька сыплет сведениями из биографии покойной. Мать досталась непутёвая, а вот братец — толковый.

— А муж?

— Даже цветочка не прислал на похороны! — отбрила провожающая.

У крыльца они распрощались.

— Я ведь не в «Голубятне» проживаю. Вон моя обитель! — Следует взмах руки в сторону опрятного домика с палисадником.

— Спасибо за содействие! — кивает Зина.

Женщина, отвесив лёгкий поклон, бодрым шагом двинулась к своей обители. А Зина, взглянув на циферблат наручных часиков и убедившись, что до свидания остаётся ещё много времени, стала подниматься по сколотым ступеням.

В секции дверь была нараспашку, и там хозяйничали несколько женщин. «Поминальный обед стряпают». По громким чётким распоряжениям она сразу распознала старшую по дому. Это была крупная женщина с резковатым рисунком рта и недоверчивым взглядом. Но даже на неё форма подействовала обезоруживающе. Правда, при всём желании женщина вряд ли могла помочь следствию. Ульяна Сергеевна располагала крайне скудными сведениями, которые наверняка уже были зафиксированы сначала приехавшей на вызов полицией, а потом и капитаном Затопец. Тем не менее старшая по дому с готовностью повторила их. Дальше того, как она лично провела тот вечер и какой добросовестной жиличкой была убитая, не пропускавшая ни одного собрания жильцов и исправно платившая за ЖКУ, дело не пошло. Тем не менее Зина всё тщательно записала. После чего проведя ещё четверть часа в обществе стряпух и сделав снимки общей кухни, «глаза и уши» Адаева покинули «Голубятню».

Удивительное дело, но близость Танатоса совсем не помешала Эросу заявить о своих правах, и весь обратный путь Зиночка грезил о крепких мужских объятиях. В своём нетерпении она даже не заскочила домой, чтобы переодеться и проведать мать, а заявила на квартиру как была- в форме. Там она с удовлетворением отметила восхищённые взгляды любовника. Его объятия оказались ещё крепче, чем мечталось. Прямо-таки медвежьи! Зина даже осадил Радика:

— Эй, полегче!

В то время, как его доверенная следовала позывам расхолодившегося либидо, Адаев трижды набирал её номер. «Абонент вне зоны доступа!» — следовал ответ. «Четверг!» За годы сотрудничества это давно перестало быть секретом: раз в неделю его «источник» встречается с мужчиной. Адаев не одобрял связи с «женатиком» и вообще считал, что Зиночка достойна лучшего. Но, как говорится, любовь зла...

Изначально предполагалось, что эта интрижка обречена на скорую развязку. Но год шёл за годом, а ни Зина Сыропятова, ни Радик Бибарсов разрыв не инициировали. А с уходом одного из партнёров из органов, связь и вовсе перестала считаться предосудительной. А какой с бабы спрос? Эту логику Зиночкиного начальства Адаев мог только предположить. А как оно было на самом деле — остаётся лишь гадать.

Час шёл за часом, а сигналов от «источника» не поступало. Неужели свидание так затянулось. Что ж, женщину можно понять. Радик — мужчина в самом соку. Мужик — вжик! Так отзывались о Бибарсове в Мирном. И очень даже справедливо. Ну и Зиночка ему под стать. Хотя, надо признать, приятная округлость уже грозила превратиться в грузность, а белокожесть начала отливать усталостью.

От нечего делать и утомившись проверять свою электронную почту, Адаев сделал несколько упражнений: наклоны вперёд, приседания и подскоки на месте. Кровь бойчее побежала по сосудам, и в памяти газетчика ожила предыстория романа греховной пары.

Ещё в школе Зина увлеклась не кем иным, как младшим братом Радика. Они даже хотели пожениться. Но семья с таким выбором юноши упорно не соглашалась и даже

подобрала ему другую невесту. Оказать на брешню воздействие, чтобы отпустила парня с миром и не чинила препятствий свадьбе, доверили Радика. Почему выбор пал именно на Радика? Во-первых, он тоже носил полицейские погоны. Во-вторых, обладал авторитетом не только в роду, но и в обществе. При бандитском нападении на дом тестя Радик положил почти всех. Правда, ходили слухи, что ему в этом активно помогали: якобы, охотничьими ружьями в семье умели обходиться не только мужчины. Как бы то ни было, следы пороха удалось установить только у одного члена семьи. И только он один пошёл под суд за превышение обороны. Никто в городе не удивился, когда было обнародовано его имя — Радик. Понятное дело, что в таком щепетильном деле как разрыв сына с девушкой родители положились на своего первенца и защитника.

С каким сердцем Радик шёл по Горбатову переулку, где жила возлюбленная брата, история умалчивает. Одно достоверно: время было выбрано, когда Зиночка находилась дома одна. За кадром осталось многое. Например, озвученные аргументы против их брака и женская реакция на них.

Как ни провоцировали Зиноккину матушку «добрые соседи» расспросами, Лидия Марксовна отвечала фразой: «Надоели друг другу, ведь считай с восьмого класса хороводятся». А лицо при этом — вежливо-снисходительное. Мол, любопытничайте себе на здоровье, только нас этим не проймёшь.

Едва отгремела свадьба младшего Бибарсова, как появился ещё более оглушительный повод для пересудов. Зина спуталась с Радиком!

Находились и защитники, уточнявшие: «Влюбились они! Так что глаза у обоих отсвечивают и переливаются».

Сначала слухи курсировали строго в пределах Горбатового переулка. Но с течением месяцев проникли в профессиональные круги.

Радик к тому времени службу оставил. Эстафету принял Руслан. А учитывая то обстоятельство, что в подразделении по делам несовершеннолетних, где он служил, женщин — большинство, тема обсуждалась долго и со вкусом. Высказывались даже предположения, что начало романа было положено Зиноккиной матушкой, которая, якобы, заявила Радика:

— Твой братец испортил девку — пусть семья и возместит нанесённый ущерб. А Радик, будучи известным приколистом, тут же нашёлся:

— В случае компенсации могу предложить себя.

Мужик сказал — мужик сделал. В тот же вечер, по слухам, остался в Горбатовом с ночёвкой. А Лидия Марксовна по такому случаю даже ушла навестить старшую дочь и не казала домой носа целый месяц. «Медовый!» — уточняли соседки. «Захомутили женатого человека!» — вторили им другие. «А жена у него такая миленькая! Девочка совсем!» — добавляли третьи.

Все эти воспоминания всплыли в памяти газетчика во всех своих бесполезных подробностях. Его профессиональное рвение жаждало совсем других фактов.

Выдохнул Адаев лишь ровно в 21 час. Зина соизволила выслать на электронную почту снимки и комментарии к ним.

Поначалу жадно ухватившись за материал, вскоре журналист констатировал: «Пустьшка!»

Лёг спать с чувством зря прожитого дня Адаев лёг спать.

Одно укрепляло дух: карантинная неделя заканчивалась.

Глава 25

Чужак в доме

Красным фломастером на обёрточной бумаге было выведено: «Чур, три раза! Не моя зараза!» И чуть ниже уже чёрным приписка: «А теперь ваша!»

Первая мысль — прикол. Наощупь содержимое свидетельствует в пользу целлюлозно-бумажное происхождения. Она что книжки вознамерилась преподнести? Может, собственного сочинения. Чудит девчонка. Или откровенно стебается? С неё станется. Чего стоит этот её боди-арт. Девушка-дерево!

А если там что-то запрещённое? Какие-нибудь химические вещества.

Пальцы сами потянулись к пакету. Однако сколько здесь всякой обёртки! Пришлось для начала искать ножницы. Их не обнаружилось, и он воспользовался ножом. В первом «кирпичике» лежали крепко прижавшиеся друг к другу тысячные купюры. Во втором-двухтысячные. В третьем- красненькие. От возбуждения голова стала совсем трезвая, и в ней включился калькулятор.

Пожалуй, денег хватило бы на содержание вдовы, на помощь Луше, на проценты по кредитам.

Он опустился на табуретку, давно остывшую от контакта с задорной попкой.

Желание броситься следом, настигнуть беглянку и вернуть пакет с «заразой» поубавилось. Да и в каком направлении начинать поиски?

Чтобы снова обрести душевный баланс, он решил, что самое время принести мачехе извинения.

Проезжая по селу в такси, вспоминал историю переселения сюда родителей, до того проживавших со стариками-родителями.

Дамировы купили дом почти задаром. В Лопуховке тогда стояли склады с химическим оружием.

После родительского ухода Гумер использовал помещение на краткое время: пугала репутация места, заведомо гиблого из-за наличия уже другого предприятия — завода по уничтожению химоружия.

Но новая напасть в виде ковида сдвинула прежние страхи куда-то на периферию сознания. «Да и куда деваться с подводной лодки?» — любимое изречение Карима Дамирова, унаследованное ныне не только его первенцем, но и вдовой.

Отец Гумера вступил во второй брак накануне пенсии, но по всем последующим показателям- рождению троих деток-ещё долго чувствовал себя в строю.

Это стало очевидным уже во время встречи жениха и невесты и обряда «разрыва материи». Подружки Румии встали по обе стороны двери, натянув поперёк проёма красную ткань. Невеста — внутри, а жених — снаружи. Девушки подзуживают жениха: «Не робейте Карим Равилевич!» Отца скорее всего заранее предупредили. На ткань наступил решительно. А под его сильными руками она затрещала, пропуская внутрь. И он шагнул туда, где ждала его суженая.

Умер он скоростижно. С утра ещё трудился, к вечеру почувствовал себя неважно, а утром отправился в лучший мир. Как ни настаивала молодая жена-мусульманка, бывший коммунист ислам так и не принял, хотя с Кораном знакомился. Так что рая с десятками черноглазых девственниц ему не светит. Впрочем, одну черноглазую красавицу он уже

заполнил на земле. И зовётся она Румия.

Примерно такие мысли посетили Гумера, когда он появился на пороге вдовы:

— Ханума! — обратился он к ней по старинному татарскому обычаю. — Прости меня, грешного человека!

Приняла суровая женщина извинения или нет — по непроницаемому её лицу не понять. Тем более что её явно занимает история другого свойства. Хотя 8 Марта уже прошло, по установленному в кухне телику идёт «Красотка».

— И это по телевизору показывают! — машет хозяйка в сторону Джулии Робертс.

«Тем не менее от ящика с картинками у тебя не находится сил отказаться!» — думает пасынок, но вслух выражает своё согласие с мнением родственницы.

Пару раз в 90-ые ему приходилось подбирать на трассе искалеченных и выброшенных из кабин «заплечных» — так именовали проституток, работавших на трассе. Особенно ему запомнилась юная работница секс-индустрии. Почти ребёнок, она была одета как героиня Джулии Робертс-лакированные ботфорты, юбчонка и топик. После того как он доставил её в больницу, салон автомобиля пришлось долго отмывать от крови и прочих выделений организма. Надо ли тут объяснять, что с той поры он возненавидел «Красотку»? И словно почувствовав его настрой, хозяйка потянулась к пульту.

Однако изгнание красотки не делает атмосферу менее напряжённой. Но на выручку гостю приходят сводные братья. У мужчин всегда найдётся общий предмет для разговора. На этот раз это компьютерные игры. К чести старшего родственника, он в этом *сечёт*.

Проведя в гостях предусмотренное приличиями время, Гумер спешит вернуться в старый родительский дом.

Хватит разводить бодягу. Пора что-то делать!

Обозрев двор, он приходит к выводу: лучше сортира тайника не найти. Тем более что за минувшие годы содержимое выгребной ямы в значительной степени усохло или ушло вглубь земли, став пищей её обитателям. Между дном ямы и стульчаком образовалось пространство. Отличный *схрон*, если приложить руки. Инструмент нашёлся. Ну а материал в виде доски валяется здесь же. Остаётся *примастрачить* куда надо.

Гумер уже приблизился к сортиру, когда какая-то неведомая мушка врезалась ему в щёку, а потом в панике юркнула между губ. Рефлекторно мужчина исторг летуна и рвотный позыв тоже обуздал. Это мелкое происшествие могло бы послужить неким красным флажком. Но в тот час Гумеру казалось: всё идёт как по накатанной. И остаётся лишь поставить жирную точку. Или восклицательный знак.

Да, ему нельзя отказать в умении сочетать методический подход к делу со скоростью принятия решения ему нельзя отказать. Тем более что на его лице читается такая решимость! Такая бывает у мужиков, когда они работают с дрелью.

Навыки не забылись. «Как умение ездить на велосипеде». Правда, времени на всё про всё ушло достаточно. Так что когда он вышел на воздух, багровый мазок на небе исчез, и купол его погас.

Физическая работа пробудила аппетит, и он подкрепил силы «бич — пакетом» и хлебом. И то, и другое показалось чрезвычайно вкусным. Покончив с хозяйственными делами, он по давней привычке к чтению, взялся за купленную накануне местную газету. К его изумлению, в ней обнаружилась такая немодная нынче рубрика, как «Литературные заметки».

«Живой человек ушёл из нашей литературы, — так начинался текст. И Гумер не мог не

согласиться с этим утверждением. — Точнее сказать, этот осколок прошлого отправлен в бессрочный отпуск. Современные тексты не ставят и не решают человеческие проблемы. Точно они уже решены. А когда у литераторов „болит и не стыдно“, остаётся только развлекать и забавлять читателя».

Гумер глянул на подпись — «Вилен Адаев». «Что ж, с тобой не поспоришь, Вилен Владимирович!» — покивал головой читатель и по совместительству издатель. — «Вот только вы упускаете из виду, что спрос рождает предложение. И как бы ни пыжился, как бы ни тужился издатель...» — Здесь газеты выпала из его рук — усталость сморила Гумера. Он задремал. А во сне привиделась ему девушка- дерево. Она тянула к нему свои руки — ветки. Он пытался отмахнуться, но они каким-то образом дотянулись до его кадыка.

— Где мои деньги? — взревел голос над ухом.

Он предпринял попытку освободиться, но пальцы ещё крепче вцепились в горло.

— Отвечай!

Он попытался ответить, но получилось лишь жалкое бульканье.

Гумер осознал: это не кошмар, а самая что ни на есть реальность. А потому самый лучший исход — это потерять сознания. Что он и сделал.

Глава 26

Натюрморт с козлиной ногой

Третий день второй карантинной недели.

Настаёт черёд и платяного шкафа. Супруга извлекает из него платье с рюшами нежного персикового цвета:

— Помнишь?

— Свадебное, — без запинки отвечает супруг.

Такое не забудешь. За этим нарядом жених и невестамотались в Москву, ибо в свадебном салоне, куда им выдали карточки покупателя, не нашлось ни подходящего размера, ни фасона.

«Да, капитализм не всегда с человеческим лицом, но народ по крайней мере сыт и обут».

Некоторое время Вилен наблюдает, как Вера бросает в мусорный мешок свои девичьи наряды, после чего замечает с деланной грустью в голосе:

— Не жалко? Вещицы-то памятные.

Но жена начеку:

— На такой случай фотки имеются.

Возразить тут нечего, и супруг направляет свои стопы к книжному шкафу.

До карантина дверца его открывалась нечасто. А нынче всё поменялось. Вилен наугад берёт книгу. Паустовский!

«Мгновение назад её ещё не было. Но вот она вошла, она есть, и уже ясно, что твой мир, конечно, не мог существовать без неё, что она давно жила в нём и владела твоей покорной душой».

Прямо про них с Верочкой.

В квартире слишком жарко для костюма, и он идёт на первый компромисс: снимает пиджак и вешает на спинку офисного кресла- сыновний дар на третий день карантина.

Он и не думает возвращаться к делу режиссёра народного театра. У него на уме другое. Однако рука- предательница жмёт не туда и — оп-ля! — Перед ним кухня в «Голубятне». Готовят поминальный обед. Вот и продукты припасены: овощи-для салатов, мясо- для горячих блюд. А это что? — Свиные ножки? Если задумали варить холодец, то поздновато спохватились. Рядом с ножками ещё какой-то продукт животноводства. Похоже, на чью-то конечность, скорее всего, какого-то жвачного.

Вилен отпускает «мышку» и откидывается на спинку. Видимо, чересчур резко: колёсики приходят в движение, и сиденье начинает дрейф прочь от компа. Журналист прикрывает веки. Однако вместо расслабления- зудящее беспокойство. Ему знаком частный детектив, у которого в момент инсайта начинали чесаться фолликулы давно утраченных волос. Вилен ничем подобным удивить не способен. Ну, не считать же этот ушной звук, напоминающий гудение электропроводов под напряжением, признаком озарения!

Он тупо смотрит на светящийся монитор, на котором во всём великолепии располагается натюрморт в стиле фламандских мастеров. А в голове всплывают, кружатся и пропадают всякие образы. Похоже на дымок от ароматических палочек. Помедитировав так некоторое время, он отталкивается ступнями, одетыми в домашние шлёпанцы — ну не в

туфлях же по квартире ходить! — и причаливает снова у монитора.

Следующий шаг — закатывание рукавов сорочки. Это уже чёткое подтверждение: инсайт свершился. Оголив предплечья- очень белые после зимы-он набирает Сыропятову.

— Зин, а кто готовил на поминках?

«Ни тебе здрасьте, ни тебе спасибо»! — надулись на том конце, но вида не подали.

— Старшая по дому.

— Имя известно?

Последовало молчание. Вилен выжидал, и только пальцы, елозившие по столешнице и оставлявшие на ней следы, выдавали его нетерпение.

— По правде сказать, не озаботилась записать, но помню, что старинное.

— Аграфена, Апполинария, Устинья?

— Похоже на Устинью, но...

— Ульяна?

— В точку! И как вы угадали, Вилен Владимирович?

— А тут и гадать нечего. Ульяна трудилась в «Голубятне» испокон веков.

Вилен не стал уточнять, что познакомился с женщиной ещё мальчишкой, когда они с матерью, сбежав от отчима-алкоголика, нашли приют в общежитии. Ульяна в ту пору числилась воспитателем. Да, имелась и такая должность в штатном расписании «Голубятни». В её обязанности входила организация досуга жильцов, а также общий пригляд за порядком. Позже, когда советскую власть отменили, Ульяна переквалифицировалась в коменданта. Ну а далее её карьера пошла по наклонной- вплоть до вахтёра. А когда с началом приватизации отменили и вахту, Ульяна Сергеевна оказалась на выборной должности старшей. В последний раз Адаев встречался с ней уже в качестве журналиста, когда занимался вопросами экологии, в частности раздельного сбора твёрдых бытовых отходов.

Ясное дело, что женщина должна его помнить. Правда, телефоном Зина его не обеспечила, но порывшись в своих блокнотах, он обнаружил номер упразднённой вахты. К его изумлению, ему ответили. Правда, не с вахты, а из комнаты самой старшей. Нынешняя владелица старого номера вспомнила журналиста и даже без ошибок назвала его имя. Однако несколько туманная цель его обращения вызвала у старшей по дому недоумение: для какой такой надобности потребовалась она редакции. Однако советское доверие к печати сработало и здесь. Ульяна Сергеевна добросовестно перечислила блюда поминального стола. Последующие вопросы-ответы пошли ещё легче. Скажем, те же свиные ножки.

Известно ли Вилену Владимировичу, что суп из них- известный на Кавказе как «хаш»-превосходное средство при переломах? А учитывая то, что Олечка (Царство ей Небесное!) в минувший гололёд сломала запястье, свиные ножки в их с Колей холодильнике не переводились. Она свято верила в целебную силу этого «хаша». И не обманулась. Что? Ещё одна нога? Ну да, всё верно. Имелась и такая. Нет, не телячья. Козлиная! Но выдавали за телячью. А вот так! Как такое может быть? В театре и не такое случается. Особенно, когда требуется сэкономить на реквизите. Изготовление настоящей телячьей ноги обошлось бы Дому культуры в круглую сумму. Вот и заменили ногой старого козла. За бесплатно. А морозильная камера у Оленьки- всем на зависть. Так что и сэкономили, и премьеру с блеском отыграли. — Здесь в трубке раздался всхлип. — Да, осиротели артисты. Такого режиссёра — ещё поискать.

Следующие три минуты ушли на обсуждение театральных дел в Мирном, из чего

журналист заключил: покойная смогла приохотить к искусству не только соседей по общежитию, но и многих других земляков. Ведь спектакль по мотивам произведений Агаты Кристи игрался целых 11 раз! Даже губернский драматический театр предоставлял им площадку. Так что эта самая козлиная нога успела попутешествовать. Перед тем как её зачем-то извлекли из морозилки.

— Кстати, а где эта часть реквизита находится сейчас? — поинтересовался Вилен, когда поток дифирамбов режиссёрскому таланту покойной исчерпал себя.

— Понятия не имею! — ответ прозвучал довольно резко, из чего следовало, что заикленность газетчика на козлиной конечности, вызывает, по крайней мере, недоумение.

На том конце провода даже позволяют себе сделать допущение:

— Если вас так беспокоит сохранность государственного имущества, значит ли это...

— Окажите любезность, Ульяна Сергеевна!

— Что такое? — всполошилась старшая.

— Убедитесь, что конечность животного на месте.

Судя по заминке, женщина на подобную просьбу никак не рассчитывала. Но здесь опять сыграл свою роль записанный в генах пиетет к СМИ. Ульяна Сергеевна, рассудив, что если это надо газете, то она готова помочь. Тем более что и ключи от секции хранятся у неё...

В итоге слуха газетчика достиг некий звук-бряканье эбонитовой трубки телефона о поверхность стола. Потом наступила пауза. Такая томительная, что журналист успел пожалеть о своей затее и даже послать эту злополучную конечность в даль дальнюю. Когда тишина в его ухе уже приобретала некую загадочную гулкость, её прервал знакомый, голос:

— Извиняюсь, но...

— Что?

— Исчез!

Мыслимое ли дело, продолжать после такого фиаско муссировать тему? — Только не в случае с Адаевым.

Ведь если «Вести Мирного» и держались до сей поры на плаву, то исключительно благодаря упёртости главного редактора. С тем же маниакальным упорством он продолжил копать под театр «Дебют». Для начала попытавшись связаться с артистами. — Ноль результата. Тогда он отыскал рецензию на спектакль, где фигурировала телячья нога. В силу занятости, Адаев театральные премьеры не посещал, передоверив это внештатным корреспондентам. А те- в большинстве своём пенсионеры- с готовностью пользовались возможностью посетить театр в качестве рецензента, то есть бесплатно. Не упускала этот шанс и Нора Вестерблоу. Правда, её тексты ограничивались пересказом сюжета с вкраплениями замечаний по поводу актёрской игры, чаще всего хвалебными. Не изменил себе автор и на этот раз. За что Вилен остался ей премного благодарен.

Теперь все пазлы головоломки сошлись, ибо пьеса была скроена и сшита из детективных историй. В одной из них некая дама прикончила супруга ударом по голове, при этом в качестве орудий убийства была использована замороженная телячья нога, впоследствии запечённая в духовке и преподнесённая в качестве ужина полицейским.

Не этот ли ход повторил и душегуб из «Голубятни»? С этим вопросом журналист поспешил обратиться к следователю Затопец.

— Вилен, что это на тебя накатило? Год какой-то особый? Или...

Такому отношению Вилен не удивился, поскольку проработал в газете немало лет, а ещё больше прожил в Мирном. Поэтому и сделал единственное возможное в его положении-

начал писать что-то типа заготовки к будущему материалу. Процесс так увлёк его, что он очнулся лишь три часа спустя. Но более всего автора порадовала чёткость сделанных выводов: Ольгу лишил жизни человек из ближайшего окружения, ибо только он мог использовать подсказанное пьесой орудие убийства, а позже избавиться от него. Доводы выглядели не только убедительными, но и вписывающимися в газетный текст. Пусть и в роли авторской версии.

«Это отдаёт слишком буйной фантазией! — Вывод, сделанный на свежую голову. — Как у авторов современных сериалов. А в реалиях Мирного преступный элемент таких изошрённым умом не отличаются, следовательно орудия убийства выбирают не столь замысловатые. Теперь у Тамары Аркадьевны будет ещё один повод позубоскалить с коллегами по поводу него. Где-нибудь в неформальной обстановке. Под коньячок в День полиции байки про писак пойдут на „ура“».

Перед ним тут же нарисовался кабинет Затопец, который так отвечает ожиданиям любого посетителя, что ему кажется: он здесь уже бывал. А вот дама за столом выбивается из представлений о следователе. С чем-то бесформенным на голове. В блузке мышинового цвет, которая с трудом удерживает объёмный бюст. На ногах — растоптанные мокасины, которые при посторонних скрываются под стол.

Вилен Владимирович поднялся из-за компьютерного столика и попытался избавиться от воспоминаний созерцанием вида из окна. Эта медитация дала лишь временный эффект. Тогда он принял более эффективные меры. Адаев вернулся к делу «Греты Тунберг». Вернее, к тому, о чём толковал частный сыщик. По мнению Белозерцева, время совершения преступления — один из важнейших аспектов расследования. Наверняка эту азбуку сыска Затопец не проشياпила. И снова копать здесь — бессмысленно. Но что ни сделаешь, когда тебе нечего делать! И Адаев, чтобы убить очередной день карантина, решил прошерстить старые записи. Благо, Вера, наведя порядок на антресолях, не тронула архив.

Он пролистал странички, помеченные кое-где значками стенографии, которой увлёкся в 9 классе из-за желания вести записи, до которых не доберётся любопытная матушка. Увы, дата 6 декабря 2017 года ничего ему не говорила.

— Вера! У нас остались старые календари?

— Отправила в макулатуру, — донеслось из кухни.

— Неужели всю свою коллекцию?

— Почти, — с виноватым видом произнесла жена, показавшись на пороге.

— Покажи.

Если супруга и удивилась этой внезапно вспыхнувшему интересу к её невинному хобби, то вида не подала. Протиснувшись через зазор между офисным креслом мужа и диваном к мебельной стенке, она отворила дверцы нижнего отсека, где справа теснились фотоальбомы, а слева — стопочка настенных календарей.

— Я сохранила только самые любимые- с видами садов. — Это пояснение Вилен пропустил мимо ушей, ибо сразу же запустил пальцы в остатки жениного увлечения. К его радости, календарь за 2017 год оставался в целостности-сохранности. 12 декабря в том году приходилось на среду. Вот и вся информация. Придав стопке прежний вид, он вернулся к окну. Ему было над чем подумать. Кому как не редактору печатного издания было знать, что среда — особый день у конкурирующей фирмы — бесплатной газеты «Наш город». Из-за этого в своё время на опережение был изменён график выхода в свет его детища: хоть на сутки, но раньше конкурентов.

Итак, среда. Самый горячий денёк для почтальонов. Следовало забрать тираж в типографии, разложить по адресам. А ещё вдобавок случалась так называемая ручная

фальсровка тиража, то есть сгибание и складывание страниц. Сущий геморрой! Ну а когда со всем этим покончено, двигай по домам. А стужу или в зной перетаптывайся на крыльце, пока кто-то смилуется и отворит дверь на твой звонок домофона.

Когда же она успела? Ведь наверняка брала не один участок для распространения. Даже если учесть, что городок невелик, для разности требуется по крайней мере три часа.

На этот раз он не решился отрывать Затопец от дел, а позвонил в пресс-центр. Нельзя сказать, чтобы в Зиначкином голосе прочитывалось воодушевление, когда она узнала об очередной версии коллеги, но холодного душа скепсиса он избежал. «Славная всё-таки баба эта Зиначка!»

Однако уже спустя минуту Вилен Владимирович вынужден будет признать: он возлагал на Сыропятову слишком большие надежды. Зина, вникнув в суть поручения, его выполнять откажется. «Пустая трата времени!»

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

О СОН! ТЫ ЖИЗНЬ ИЛЬ СМЕРТЬ?

Глава 1

Девушка-статуя

В школе ты проходишь уроки выживания. Даже если это очень хорошая школа. даже если название у неё- гимназия. В Мирном такая одна. Понятное дело, что попасть туда можно лишь после прохождения всяких тестов и собеседований. Тем не менее Мирру Потешкину приняли. Авторитет ещё не успел изгладиться из памяти. Да и Мирра в дурочках не числилась.

Первый класс прошла без проблем, хотя таких умниц и умников, как Мирра, набралось, подавляющее большинство. Второй класс. Если бы девочке тогда предложили раскраску на тему «Мои одноклассники», все ребята были бы окрашены радужной палитрой. Детки-ангелы. Куда они деваются потом?

Как-то в середине учебного года перед уроком русского Мирра Потешкина намеревается сесть за свой стол, как вдруг со всего размаху грохается на пол. Копчик пострадал не в той степени, как Миррина гордость. Но она не стала жаловаться бабушке. А зря. Недруги это не оценили.

Со временем милые детские прозвища типа «потешка» превратилось в нищобродку. А что скрывать? Бабуленцияуже тогда отличалась скупостью и под разными предлогами увиливала от всех положенных родителям взносов типа «на подарки учителям», «на шторы», «в школьный фонд» и так далее.

Наличностью Мирра тоже не могла похвалиться. «Тебя же кормят в школе! К чему тогда карманные деньги? Это баловство». Но хуже всего то, что у Мирры Потешкиной, единственной в классе, не имелось мобильного. У Бабуленции его тоже не было.

«Город у нас с носовой платок. Все мы — на расстоянии протянутой руки от друг дружки. Сотовый тебе без надобности. К тому же, он всякие излучения даёт. Ещё рак себе заработаешь. А уж если приспичило по телефону брякнуть, спустись на вахту. Там тебе Ульянка всегда добро на звонок даст».

В седьмом-восьмом классах в период полового созревания всё обострилось многократно. Однажды самый долговязый пацан в классе, видимо, вдохновившись крутившимся на дискотеке хитом «Чем выше любовь, тем ниже поцелуи», затащил Мирру в мужской туалет и продемонстрировал свой «краник».

Но самое неприятное случилось под конец. Учился в их классе паренёк по имени Вовик. Тоже из нищобродов. Одно время они даже сидели за одной партой и приятельствовали. Но потом Вовик из шкурных интересов переметнулся во вражеский лагерь и стал девочку демонстративно задирать. А Мирра — к тому времени уже барышня с накачанными от долбёжки льда мышцами (Бабуленция тогда и дворником подрабатывала) — сдала обидчику сдачи. Вовик опрокинулся. Да неловко. Как мешок с картошкой. Что вызвало гул одобрения вперемешку со смешками. Но все умолкли при виде крови. «Убийца!» — завопили девчонки.

Мирра хотела было бежать, но не могла двинуть ни рукой, ни ногой. Застыла, как Обступившие её одноклассники принялись щипать и толкать её. «А у неё всё, как у манекена!» Пришедшая учительница поначалу расценила всё, как шалость. И даже потребовала у Мирры дневник. Но затем заподозрила неладное и позвала школьного медика. Та вызвала «Скорую».

«Кататония»- сказали бабушке в больнице. «Что?» «Помните историю девушки, пошедшей танцевать с иконой Николая Угодника в руках. Она ведь тоже окаменела».

«Но моя внучка никакого греха не совершала. Ей-то за что?» — «Это болезнь такая, — объяснил врач. — Чаще всего встречается именно в юношеском возрасте. А причины разные — стрессы, наследственность».

Потом была «Божья коровка».

МИРРА ИЗ ГОРОДА МИРНОГО

Сработало. А всё — в жирности и привлекательности наживки. Мелочиться не в моём характере. Но и тот, кто идёт за мной, шутить не намерен. Ольгу устранил. Как какую-нибудь кеглю в боулинге. (Я такой видела в Алькином доме.)

Не выходит из головы и тётка, которая стесняется своих ступней. Они вправду у неё какие-то мужицкие по размеру. Единственное, что профессии её соответствует. Ну и фамилия тоже. Закобец! Помереть можно с хохотунчика- покатунчика. Нет, кажется, всё-таки не Закобец, а Затопец. Всё равно жрачно. Если у неё все винтики с роликами работают, появится и желание задать пару вопросов гражданке Потешкиной. А со слов той сокамерницы-цыганочки тётка умеет выворачивать душу наизнанку. Её любимый приём — перебивать. Только начнёшь гладенько так высказываться, и тут же она встрянет с каким-нибудь замечанием. Так это бесит, что и сам не знаешь, как ляпнешь лишнее.

Так что беги, Мирра, беги! И самый чёткий вариант — в Москву. Там есть где затеряться. Особенно если денежки водятся.

В крайнем случае сгодится и «Божья коровка». При очередных приступах (Бабуленция называла их ласково — «прихваточками») там, ясно дело, помогут. Но защиту от тётки с мужицкими ступнями никто не гарантирует. Так что выбирай, Мирра!

А что на это скажет Бабуленция? — Молчит! Время твой вышло? Или вне зоны доступа?

И это правильно. Мёртвые должны действовать по-другому. Иными, так сказать, средствами. Ну там... веяньем ветерка, шелестеньем травы или топаньем ёжика по деревенскому крыльцу. Или даже пусть это будет азбука «морзе» какой-нибудь цикады по вечерам. У озера.

Глава 2

Лав-стори из Мирного

— Как ты себя чувствуешь? — доносится участливый голос Софии.

— Как использованный и выброшенный презерватив.

— Ну до самого дна, положим, ещё далеко.

«Они не щадят друг друга и не выбирают выражений. Прежде, то есть до их поездки на малую родину, такого за ними не водилось».

Отец и был вымотан своей спонтанной поездки «на родину», и хотя вернулся напару с матерью и силился выглядеть «огурцом», но от сына не укрылись тёмные круги под глазами и какие-то следы на шее. Но самая жесть — затравленный отцовский взгляд.

«Что-то случилось там — в этом их Мирном...»

Младшему Дамирову пришло сильное желание сменить обстановку. Настолько сильное, что в его херувимских щеках начали прорезаться скулы.

С каждым днём оно становилось всё более навязчивым и грозило уподобиться идее-фикс Мирриной подружке. Ну той, что стремится найти «Другое место».

Сбежать! Такие мысли посещают многих. Но не все включают их на полную громкость. Вот и Лука не станет это делать.

А тем временем в доме Дамировых поселилась тревога. Плохо различимая глазом из-за привычки родителей не подавать виду — в особенности в присутствии «ребёнка». София и Гумер не имели привычки обсуждать свои финансовые дела с родственниками и друзьями. Такая скрытность диктовалась прививкой, сделанной в 90-ые, а также характером обоих супругов. О подлинном положении дел ведали трое: Гумер, София и главный бухгалтер издательства «Библиофил». Все остальные от этого беременны были избавлены.

Тем не менее напряжение в доме ощущалось — лопатками. И как нечто плохо смываемое. Даже в бассейне — испытанном месте релакса. В придачу к этому из головы не уходило это чудило из Мирного. Попервости (кстати, её словечко) он ещё рассчитывал, что Мирра даст о себе знать на почту. Но вопреки его ожиданиям — ни ответа, ни привета, как выражается Нора. К тому же выяснилось, что их бывшая помощница по хозяйству — компьютерная девственница: в Сетях девушка отсутствовала. У него появился повод обсудить это с Алькой.

— Слушай, Лучок, ты случаем не того...

— Поясни, пожалуйста!

— Не запал на известную нам обоим особу.

— Ты что, с дуба рухнула?

В трубке яростно заклокотало.

— Чего ржёшь? — вышел из себя Лучок, обязанный этим именем детской непосредственности Алиной сестрёлки.

— Сорри! — пошла на попятную Алька. Но абонент уже ринулся в наступление:

— Никого не хочу обидеть, то создаётся впечатление, что ты меня немножко ревнуешь.

— Ты что сбрендил?

— Не лезь в бутылку, Апполинария! — (Это тебе за «Лучок»).

На что у обладательницы старинного русского имени не нашлось другого аргумента, как бросить трубку.

Да и хрен с ней! — Так выражался водитель Толик, когда работал на них.

В то время, как в «Красных кирпичиках» посчитывали убытки и прогнозировали сроки грядущего банкротства, в Мирном внезапно озаботились происхождением изначального капитала Дамировых. И кто бы сомневался, что интерес этот объяснялся не только избытком свободного времени.

Адаев, раскапывая историю Капитолины Кузюткиной, не мог не задаться вопросом: за что порешили её соседку? Не питая иллюзий насчёт человеческой природы, он считал, что людская кровь чаще всего проливается из-за банальной корысти. Из всех жильцов секции самой большой и при этом тайной скопидомкой оказалась Капитолина.

Первую круглую сумму она получила от продажи квартиры в доме с башней. Но имелась ещё типография. За неё можно было сорвать крупный куш. Но кто из земляков осилил бы подобную сделку? А если это иногородний? Скажем, столичный бизнесмен.

Журналист начал с местных. Перебирая одного толстосума за другим, он дошёл и до Дамировых. С одной стороны, люди здешнего замеса. Но поднялись уже в столице. Откуда деньги?

Городское предание гласило: изначальный капитал свалился на них подобно манне небесной. Нежданно-негаданно. А всё из-за лав-стори.

Дедом Софии по материнской линии был Эдвард Вестерблоу, британский подданный. По крайней мере таковым молодой человек являлся до той поры, пока не заболел идеей всеобщей справедливости и не отправился в СССР — оказывать помощь в индустриализации. Знания его как инженера очень там пригодились. Однако в конце концов иностранное происхождение сыграло с ним злую шутку. В 30-ые годы над ним нависла зловещая тень НКВД. Дабы избежать обвинения в шпионаже, он поменял Москву на провинцию, а к фамилии Вестерблоу присоединил окончание «ев».

Его технические таланты были по достоинству оценены на местной бумажной фабрике «Маяк», где в то время трудилась славная девушка Стеша, которая придерживалась строгих правил, а потому всякие «шуры-муры» до брака решительно отвергала. Эдвард Вестерблоу со своими манерами и внешностью мог бы вскружить голову дочери гробовщика. Но не выгорело у британца. Он даже поначалу несколько осерчал. Более того позволил себе дерзкий комментарий в отношении сложившейся на любовном фронте ситуации, где использовал имеющее до сих пор хождение слово «динамит». Да, Эдвард Вестерблоу, ставший к моменту знакомства со Стешей, Эдиком Вестерблоевым, изучил русский в совершенстве.

Шли недели, месяцы, и то ли совместная работа на фабрике, то ли сознание зрелого возраста, всё-таки сподвигли мужчину на отчаянный шаг. Сватовство! Он отправился на улицу Каштановую, в бывший купеческий дом, где в двух комнатах коммуналки проживал гробовщик с семьёй. К слову, его потомки до сей поры обитают здесь, занимая всё помещение, включая подвал с вывеской «Ритуальная компания „Харон“».

Случилось это накануне войны. Семью Вестерблоевых военное лихолетье поначалу щадило. Фабрика перепрофилировала своё производство с бумаги на порох. У Стешиного мужа имелась бронь. Но поскольку Красная армия несла гигантские потери в живой силе, призвали и Эдика. Ко времени их прощания Стена была на втором месяце беременности.

Знал ли её муж о рождении дочери? Здесь мнения рассказчиков расходились. Одни считали, что знал и даже сообщил родным в Англию. Другие уверяли, что нет. Ибо Элеонора родилась в апреле 1943 года, а отец её сгинул раньше. Писавший об этой истории Адаев,

придерживался первой версии. Ибо в противном случае, откуда взят наследству?

Эдвард, как оказалось, уцелел в адском пламени войны, сдавшись в плен. А потом оказался в зоне британского влияния в Германии и был репатриирован на историческую родину, что спасло его от советского лагеря. И вот тут исследователя привлёк один момент. Как советский гражданин Эдик Вестерблоев в нерзберихе той войны и при тех черепаших скоростях передачи информации, смог доказать: он самый что ни на есть англичанин Эдвард Вестерблоу? Такое чудо можно объяснить везением. Но ещё в большей степени — тем, что все эти десятилетия сей гражданин находился под присмотром, то есть в поле зрения британских спецслужб. Ибо... (здесь у исследователя даже дух захватывало от смелости собственных догадок) — был настоящим иностранным шпионом.

Однако какое отношение это имеет собственно к истории Капитолины Кузюткиной и её внучки? — Самое второстепенное. А точнее сказать, никакого. Вследствие чего шпионская версия была пущена по боку как негодная даже для газетной сенсации. Как ни радел редактор за читабельность издания, но портить отношения с российскими потомками иностранного разведчика не отважился бы. Как никак — земляки. А вот финансовая составляющая всей этой истории никак Вилена Владимировича не отпускала.

Не сбрасывая со счетов интуицию, он исходил из факта: на заре российского капитализма Вестерблоу-Дамировы обладали солидными средствами. Оценку их журналист оставил бы профессионалам. Но по его дилетанским прикидкам, полученных из туманного Альбиона фунтов стерлингов хватило бы на типографию, которая стала существенным звеном их книгоиздательской деятельности. Тем более что и невенчанная вдова Мякушева, стремясь спешно залечь на дно, особо не торговалась.

В точности выводов он решил свериться с надёжным источником. Домашний номер внештатного корреспондента его издания Норы Вестерблоу не менялся уже десятки лет. Адаев знал его наизусть.

Нора была локонична и темнить не стала: «Да, „Искра“ принадлежит её дочери и зятю. С какого года? С начала 21 века. А что касается продавца, то лучше спросить у них». Но газетчик не стал спрашивать. Он был удовлетворён.

МИРРА ИЗ ГОРОДА МИРНОГО

Запах земли. Он забивает ноздри. И вместе с судорожным вздохом и выбросом посторонних частиц из носа улетучивается и сон. Окружающие предметы вокруг обретают очертания.

Я больше не распятая божья коровка. Я Мирра из города Мирного. И у этой девушки есть руки и ноги. Сейчас я встану и уберусь из этого дурно пахнущего места. Однако кто-то опережает меня. Он хватается мою лодыжку и делает то, что делают с куриной ножкой-сворачивает в сторону. Хрясть! Мой вопль ударяется о стены и устремляется в мои же слуховые проходы.

Потом меня накрывает спасительное бесчувствие.

А время исчезает. В том смысле, какое мы привыкли вкладывать в это понятие. Теперь я ориентируюсь лишь по степени черноты бездны. На этот раз она вынуждена отступить из-за света лампочки. Он падает отвесно и, отражаясь от столешницы, выхватывает из темноты усатую морду.

Кошка!

— Тильда! — слышится знакомый голос. — Иди ко мне! Я тебе молочка налью!

Из сумерек возникает лицо.

У меня чувство, что меня бережно взяли на руки, а потом уронили.

Из-под короткой майки-алкоголички виден пупок. Он похож на глаз спящего. И он мне знаком.

— Поедем в город! — объявляет дядя Коля.

— Зачем?

— За тем! — отрезает дядя Коля, а потом добавляет: — Деньги нужны. Ты же не всё спустила? Верно?

Вот оно что. А я думала...

— Получается, это вы оставили след на полу?

— Какой ещё след?

— На слое пыли. Под диваном, где бабушка устроила тайник. Вы всё знали и...

— Хватит зубы заговаривать!

Он вскакивает, проскрежетав ножками табуретки по дощатому полу. Кошка Тильда шарахается в сторону.

— Собирайся! И чтоб никаких сюрпризов. Иначе... — Он со значением кивает на мою перебинтованную ступню. Воспоминание о том, что с ней произошло врывается в сознание шаровой молнией.

«Дыши глубже, Мирра!» — команду я себе. Так всегда советовал делать доктор Шехтман.

— И чего ты там телишься? — доносится голос из соседнего помещения.

Я осторожно ступаю на перебинтованную правую. Больно, но терпимо.

Дядя Коля берёт меня под руку.

— Запомни, я твой родич. Сопровождаю тебя, поскольку ты травмировалась. Уяснила?

Всю дорогу мой мозг мечется, выбирая безопасную линию поведения.

Перед тем как выйти из машины кладёт свою лапищу на моё колено. В этом жесте отчётливо прочитывается угроза. Приходит осознание: сопротивление бесполезно.

«Тем более что совсем недавно ты здорово переоценила свои возможности. Нет, не боец ты, Мирра. И родись ты мужиком, к тебе бы обязательно приклеилось прозвище — „пентюх“». — Нет, это не голос Бабуленции. Это я. Самой себе.

Народу в банке оказалось на удивление много, хотя срок оплаты ЖКУ истёк.

— За денежками народ потянулся! — выдаёт комментарий «родич». Известное дело, пуганая ворона и куста боится! А народ помнит всякие там дефолты и прочие непотребства власти. Вовремя мы с тобой причадили.

Я не совсем беру в толк, что к чему, но в ответ мямлю:

— Берите их все! Только отпустите!

— Будет сделано! — с дурашливой интонацией вдувают мне в ухо. И тут же кусают за мочку. Двусмысленность жеста вызывает у бабули в очереди изумление, сменяющееся неподдельным негодованием. Удивительное дело, какие они приметливые — эти пенсионерки, а ведь стоим мы в полутора метрах друг от друга. Да и физиономии наполовину зашгорены. Но всё видят, всё примечают эти божьи одуванчики. Только мне от этого никакого толку. Сейчас моё спасение — это внезапный и мощный приступ. Но по закону подлости мышцы расслаблены, во всём теле — ровная теплота. Только в лодыжке — некая пульсация. Похоже, что заканчивается действие влитых в меня обезболивающих.

Я пытаюсь поймать взгляд дяди Коли. Что заложникам делать не рекомендуется. Чтобы не провоцировать преступника. Но доктор Шехтман говорил, что в некоторых случаях подобный контакт может сработать в пользу жертвы. «При определённой степени внушаемости объекта. Или при повышенной энергии субъекта». Последнее непонятнее всего.

Сейчас же, заглянув в глаза дяди Коли... Короче, становится понятно: внутри «субъекта» — пустота. Гипнотизировать некого. Никого нет дома.

А сели взять да и сорваться с места? Далеко ли удастся убежать?

Пока я раздумываю, в зале появляются двое крепко сбитых дядек в бронежилетах и с мешками. Инкассаторы! А если...сию секунду и... Что-то острое втыкается мне меж рёбер. Похоже, дядя Коля предусмотрел и такой вариант событий, а потому и захватил с собой маленькое портновское шило.

У кассы всё проходит без сучка и задоринки.

— Пол-ляма есть! — удовлетворённо констатирует мой тюремщик.

Когда мы возвращаемся в деревню, он долго возится во дворе, а вернувшись моет руки, после чего кричит мне:

— Эй, иди чай пить! — Дядя Коля больше не называет меня по имени, видимо, дистанцируясь от той, прежней Мирры.

Я торопливо ковыляю на хозяйский зов.

— Пей!

Я делаю глоток. После элитных чаёв, которые я попробовала в доме Луки, про этот можно лишь сказать: «Мокро и горячо».

— Ты чем в Москве-то занималась? — интересуется хозяин.

— Клинингом.

— А без басурманских слов можно обойтись?

— Это на английском.

— Без разницы. Чем ты на жизнь зарабатывала?

— Чистоту наводила!

— Так бы сразу и сказала — трудилась полумойкой, а то клининг какой-то придумала...

Договорить ему мешает кошачья морда, нарисованная по ту сторону кухонного окна.

— Брысь! — вскидывается мужик, и кот, не ожидая ничего хорошего, исчезает.

— Дружок там у тебя завёлся?

— В каком смысле?

— Чего придуриваешься-то? — щерится дядя Коля.

А мне просто требуется время, чтобы сообразить. Потому что такие вопросы просто так не озвучивают. Мужик прощупывает почву. Страхуется?

— Он сын хозяев того дома, где я убиралась.

— Значит, прислугу могут себе позволить? А как ты с ним снюхалась?

— Я рассказывала ему истории!

Лицо напротив кривится, напоминая игрушки, которые были у меня в детстве: при каждом нажатии их резиновые лица меняли своё выражение.

— Гы-гы-гы! — заходится он в смехе. — Да вы оба трёхнутые на полную голову. — Отсмеявшись, он серьёзнее: — Вот что, сиди здесь тихо, как мышка. Окно не открывать ни под каким видом. Усекла? А мне надо покумекать. — И адресуя каким своим соображениям декламирует: — Души в тебе не чаю, но денег не обещаю.

Если дядя Коля глаголет в рифму, значит, повышенное настроение. Только как обратить это себе на пользу пленнице?

Когда он отправляется по своим делам, я перемываю посуду остатками кипятка и тащусь на отведённое мне место — печную лежанку. По пути извлекаю из вороха газет для растопки, старый толстый журнал. Надо чем-то отвлечься. Но строчки издевательски скачут, и спасаясь от их мельтешенья, воображение переносит меня в мансарду Луки. Сейчас я завидую самой чёрной завистью даже...компьютерному его столу. В том доме он был свой. Он был надолго. Как, впрочем, и стул, который Лука имеет привычку осёдлывать, то есть ставить гнутой резной спинкой вперёд и садиться, положив на неё подбородок.

«Нет, не о том ты, Мирра, думаешь!» — одёргиваю я себя и снова пытаюсь читать. Но прежде надо найти текст по моим нынешним мозгам, которые сейчас думают в разные стороны.

Снова порхают пожелтевшие страницы. И вот наконец-то глаза фиксируют большие белые прогалы. Но это не журнальная страница. Это вложенная в них страничка из тетрадки в линейку. Строчки отпечатаны на машинке. Такая имелась у Бабуленции, и я играла с ней в детстве.

Строчки, хоть и порядком выцветшие, но не мельтешат, а стоят смирно, как солдаты на параде. И мои зрачки принимаются втягивать их в себя:

— *Хоть и тесен порой этот глобус,*

Есть убежище среди одеял.

Мои окна выходят на бездну:

В паре метров — конец бытия.

Время бьётся, как горная речка,

Превращая поверженных в илак.

Я гляжу уже, кажется, вечность —

И всё ближе ко мне этот мрак.

Мне себя, будто хлама, не жалко.

Кто я есть — маргинал, импотент...

Здесь мои глаза спотыкаются о зачёркивание: импотент заменён на инвалид- и продолжают далее.

— Предо мною гигантская свалка

Всех карьер, всех богатств и детей.

И пред нею я чувствую робость,

Хоть судьба всех вещей мне ясна.

Мои окна выходят на бездну.

Как и ваши. Покойного сна!

— Чё делаешь? — грозная тень нависает над лежанкой.

— Это ваши стихи? — в моём лепете — смесь изумления и страха.

— Баловался в молодости. — Дядя Коля сцапывает листок, рвёт на мелкие кусочки, приговаривая нараспев:

— Мои окна выходят на пропасть.

Как и ваши. Покойного сна!

Прозвучало как отбой. И я прикорнула на своём ложе. А давний кошмар — воспоминание выползло из мрачных глубин памяти. Сначала скрежетом железа. Потом...

Потом меня с силой бросило вперёд, а затем назад, отчего шейные позвонки готовы были разлететься, но чудом сохранили изначально установленный ряд.

Боль обрушивается на меня подобно душителю, набрасывающему подушку на лицо жертвы.

Силуэты людей в салоне начинают кружиться с бешеной скоростью, превращаясь в воронку. Она втягивает меня внутрь.

А потом чья-то рука поднимает краешек этой воронки. И сквозь щёлочку виднеется нечто. Оно похоже на человека. Только вместо головы — большой орех. Мне ещё неизвестно его название. Много позже я увижу его на рынке и узнаю содержимое скорлупки, похожую на человеческий мозг. Так вот в том автомобиле моё зрение сообщило мне, что голова-орех расколота надвое.

Это воспоминание преследовало меня долгое время, и психотерапевт сказал Бабуленции, что причина кроется в отрицании. В ответ на её скептический взгляд до принял вид абсолютной невозмутимости и пояснил, обращаясь ко мне:

— Как бы ты не старалась не думать об... ну скажем, о зелёной обезьяне, именно её ты и будешь представлять себе. — Далее последовал шлепок рукой с безупречно обработанными ногтями по столешнице. — Но у тебя есть выход. Знаешь, какой?

Я покачала головой.

— Думать не о зелёной обезьяне. А о другом.

— О чём? — напустила я на себя заинтересованный вид.

— О хорошем, о приятном. Не сомневаюсь, такое же случалось, а?

Я не стала отнекиваться.

Рекомендация была замечательная. Но как быть, если расколотые головы-орехи живут у тебя прямо под веками?

Глава 4

«Во всём мне хочется дойти до самой сути!»

От бывлой кошачьей шерсти остались грива и три пушистых шарика- один на кончике хвоста и два промеж лап. На материнское замечание «Это уж перебор» последовал ответ: «Зато оригинально!»

Дочь, не блиставшая школьными успехами, обожала живность. Мать надеялась, что девушка выучится на ветеринара. Но Айгуль, побывав в гостях у московских родственников, объявила: «Буду парикмахером. Собачьим!»

В качестве первого клиенте выбор пал на Мурзика, переименованного вскоре в Лёву. Надо отдать должное старанию начинающего парикмахера: котейка действительно напоминал теперь царя зверей. Правда, старший брат, расстроенный результатом эксперимента, утверждал: Мурзик напоминает сейчас пуделя, а вовсе не льва. сказала ли смена образа на поведение — трудно сказать, но после переезда на дачу, у домашнего любимца появилась возможность — гулять самому по себе. Честно говоря, братья Дамировы и сами бы не отказались от подобных прогулок.

Но пока распоряжении Рауля и Рауфа имелась лишь поляна. Правда, с игрушечным королевством. В центре на садовом кресле восседал огромный, некогда белый медведь. По правую лапу от него расположился линялый розовый заяц, а по левую- скаливший зубы тигр. Ну и далее — вся остальная свита: собачки, поросята, коты. Несколько обезьян висели на изгороди, зацепившись лапами за отверстия в рабице.

К огорчению взрослых, братьев тянуло сюда всё меньше. Теперь их больше интересовал мир по ту сторону ограждения. Мать догадывалась об этом, а потому время от времени отрывалась от изготовления медицинских масок и прислушивалась...

Голоса сыновей, вернее, их перекличка свидетельствовали о том, что пацаны играют во дворе. Ей и в голову не могло прийти, что на самом деле диалог ведёт младшенький, имитируя старшего:

— Эй, давай! — Чё, слабо? — А вот и нет! — Держись крепче, а то шваркнешься! — Е общем, полная звуковая картина напряжённых физических упражнений, столь полезных в их возрасте.

Пока Рауф разыгрывал этот спектакль для материнских ушей, Рауль приближался к объекту жгучего пацанского интереса.

Дом у оврага.

Он единственный, который братья не успели исследовать. Причины на то имелись две: удалённость и укрытость посредством бурно разросшейся растительности. Но самое большое любопытство возбуждали разные штуковины, привольно расположившиеся на участке. Среди малоинтересных обломков мебели, здесь нашли приют остовы велосипедов, мотоциклов, мопедов и даже прицеп. И этот остров сокровищ был обнесён хлипкими досками, при чём одна и вовсе отодвигалась без какого-либо усилия. В общем, Дамировы обнаружили здесь настоящий мальчишечий рай. Огорчало лишь одно: они были здесь не единственными. Какой-то дядька в очках периодически навещался сюда и звал писклявым голосом:

— Тильда! Тильда! Марш домой, гулёна!

Рауль посчитал, что ни дядька, ни его Тильда неприятностей им не доставят. А потому

воспользовавшись отлучкой хозяина, пацаны для начала покатались на калитке, извлекая из неё душераздирающие скрипы. Предпринято это было с целью разведки. Если в доме оставался кто-то из обитателей, он бы пресёк баловство гневным окриком. Однако кроме птичьих трелей, в воздухе ничего не звучало.

Мальчишки решили, что час их пробил. Оставив многострадальную калитку распахнутой на случай бегства, они взошли на крыльцо. Тем временем на уличный электропровод приземлилась птаха с раздвоенным хвостом и завела: ку-ку-ку. Братья задрали головы. Птица умолкла. Но ей ответила другая, обосновавшаяся на липе во дворе.

— Они пара, — пояснил Рауль. Но младший его не слышал, привлечённый каким-то пятном в окне:

— Там кто-то есть!

— Бежим! — быстро сориентировался старший.

— Стойте! — неслось им вслед. — Послушайте меня!

Но пацаны во весь дух уже неслись к дому.

Остановившись у самого крыльца и отдышавшись, они обменялись вопросительными взглядами:

— Ты видел её? — первым задал вопрос младший.

— Кого?

— Тётку ту? Стра-а-ашная. Вся порезанная. А шея — чёрная.

— Врёшь!

— Сходи да сам посмотри.

— Вот и пойду! — захорохорился старший.

Но планам его помешала сестра, объявившая, что пора помогать матери по хозяйству.

Братья Дамировы до нынешней тревожной весны с домашними заботами не были знакомы. Но в Лопуховке им поневоле пришлось приобщиться к этому аспекту жизни, прежде целиком лежавших на женских плечах. Подметание пола теперь входило в их обязанности. А поскольку в доме нынче работала швейная мастерская, уборку приходилось делать несколько раз на дню.

Щётка на длинной ручке и совок. До пандемии эти предметы находились в ведении женщин. Но теперь всё переменялось. Женщины, занятые добыванием хлеба насущного, сочли возможным часть обязанностей переложить на подрастающих мужчин.

— Ты не думай, я не трус какой! — объявил старший младшему, когда они вошли в дом. — Я твои враки-то *опровергну*. — Здесь он ввернул словечко, которое частенько доносилось с телевизионного экрана. Младший хотел было спросить насчёт смысла этого последнего слова, но потом передумал.

Нет, не хочется выглядеть профаном. К тому же он и сам догадывается, что к чему.

А тётка в окне — просто жуть! И хотя насчёт шрамов от порезов, он, не исключается, и погорячился... Но во всём остальном... Нет, не пойдёт он больше к дому у оврага. И брата отговорит. Как? Да просто скажет, что ему со страху почудилось всё. И тётка была обычная. Просто хозяйке дома не понравилось, как они используют её калитку. *Не по назначению* используют. Он так и скажет Раулю. Он ведь хоть и младше, но тоже умные слова знает. Во как!

В то время, как младшие Дамировы, осваивали новые жизненные пространства в Лопуховке, Вилен Владимирович предпринимал героические попытки выжать из изоляции всё возможное.

«Каждый день этот разноглазый пёсик (один глаз-карий, другой-голубой) выскакивал из подъезда и нёсся по двору, прочитывая собачьи послания и оставляя свои».

Похоже, я начинаю выражаться в художественном стиле, — подумал Вилен Владимирович, перечитывая сделанную запись. Она касалась той самой собаки, которая не лаяла. Как говорится, лыко-мочало, начинай сначала.

Шла вторая неделя изоляции. А судьба Капы и её внучки по-прежнему оставалась предметом тяжких дум Адаева. Знай его жена об этом, непременно выдала бы диагноз: «Невроз навязчивых состояний». Но дело в том, что Веру Адаеву мобилизовали на борьбу с «коронай». Позвонили из здравотдела и сказали:

— Выручай, Вера Павловна, по старой дружбе!

Правда, послали её не в самое пекло. А в обычную больницу, где наметилась острая нехватка медсестёр.

Оставшись один, Адаев и вовсе затосковал. И как всегда в подобных случаях, попытался уйти с головой в работу. То есть снова и снова методично изучал материалы дела Греты Тунберг. К исходу трёх дней этих пустых хлопот, в голове его зародилось сомнение. Оно касалось мотива серии нападений.

Просто Капитолина Шульпякина и её гражданский муж Геннадий Мякушев с юности отличались прагматичностью и рациональностью мышления и ни о какой экологии не помышляли. С чего бы такой резкий разворот в личностной мотивации женщины?

Всю свою молодость Капля, которая точит камень, (она себя так сама называла) положила на предприятие, где идеи журналистов с бумаги переносились на металлические пластинки, а руки метранпажа, вооружённые шилом, укладывали в столбцы. Это по её инициативе типография «Искра» перешла на офсетный способ печати. Геннадий-тогда директор и Капитолина- его заместитель не пускали денежки на личные потребности, а умело инвестировали в полиграфический бизнес. Так что «Искра» с полным на то осваиванием могла быть переименована в «Пламя». И надо сказать, что горело оно мощно. Вплоть до той аварии на дороге, в результате которой Геннадий отправился к праотцам, а его спутница, соратница и подруга на больничную койку.

И тут в дело вступили местные воротилы Дамировы, эта парочка — София и Гумер, ухитрившиеся зацепиться в столице.

Ах, Москва златоглавая! Несбывшаяся мечта! — Вилен вздохнул и отогнал от себя это видение несбывшейся юношеской мечты, поспешив вернуться к Дамировым. Почему им удалось стать москвичами, при том весьма преуспевшими?

Похоже, что усталость взяла верх.

Мысль газетчика пошла юзом.

Что преобладало в задаваемых им самому себе вопросах. Зависть провинциала? Или кредо газетчика, выраженное словами Пастернака: «Во всём мне хочется дойти до самой сути..!»

Не разберёшь, не распутаешь этот клубок мотивов, побуждений и стремлений, ибо чужая душа- потёмки, а уж если она претендует на творческий подход, то вдвойне.

МИРРА ИЗ ГОРОДА МИРНОГО

Кавалер Тильды красивого песочного окраса. Но вид такой, будто только что вырвался из рук собачьего парикмахера. Кот-лев глазеет через замызанное окно и выводит любовные позывные: мырррр- мырррр.

Оконные створки закрыты на верхние и нижние шпингалеты. Пока я вожусь с ними, усатый ухажёр подаётся в сторону. А уж на мою протянутую руку и вовсе косится подозрительно. На шее у него- ошейник от блох. А что если... Словно уловив мою мысль, кошара спрыгивает на землю. А до моего бдящего слуха доносится звук двигателя. Я шкандыбаю к дивану и вжимаюсь в его коленкоровый угол.

Дядя Коля долго возится во дворе. Слышно, как вытаскивается из прицепа всякая рухлядь, при этом процесс сопровождается бодрой декламацией:

— Во дворе побольше дров- спи, сопи и будь здоров!

И тут до меня доходит: шпингалеты! Я забыла закрыть окно на шпингалеты!

Войдя в избу, он моет руки под умывальником, тщательно вытирая полотенцем каждый палец, после чего натягивает синие латексные перчатки. При этом он адресует свой взгляд зеркалу над умывальником, а отражение отвечает ему мрачной гримасой.

Когда направляется ко мне, в руках у него пакет, на котором изображён котёнок. Ну вылитый Тильдин ухажёр в детстве!

— Я тут тебе подарочек принёс.

— Спасибо.

Слышно, как прогибаются под ним половицы.

Он делает последний шаг и с размаху нахлобучивает пакет на мою голову.

Сияясь освободиться, чувствительно получаю по пальцам.

Целлофан липнет к лицу.

Я стараюсь дышать реже. Но воздуха внутри всё меньше.

Перед глазами кружится мошкара с разноцветными крылышками.

Воздуха!

Меня обдаёт прохладной волной. Пакет снят. И я делаю первый вдох. Даже пропитанный запахом сигарет и немытого тела, воздух прекрасен.

Я никак не могу надышаться.

— Это за то, что открывала окно, — говорит дядя Коля и уходит.

Дом с башенкой известен ещё и Шурочкиным огородом- самым гламурным в городе: грядки, засаженные садовой земляникой, овощами и зеленью, обрамлены бордюрами из стриженного самшита, а под ногами похрустывает серый гравий дорожек. Имеется и резная скамейка, по обеим сторонам которой возвышаются декоративные вазы.

В юности Шурочка слыла поклонницей Марины Цветаевой. (Давно уже замечено: жители Мирного тяготеют к поэзии). Кое-кто из горожан утверждает, что идя по улице по каким-то своим делам девушка декламировала её стихи. Нет, не во весь голос. А так чтобы соблюсти приличия. Одному из свидетелей Шурочкиной невинной слабости запомнились строчки:

— *Рябину рубили зорькою.*

Рябина — судьбина горькая.

Рябина — седыми спусками.

Рябина! Судьбина русская.

Другой источник информации утверждал, что старая дева предпочитала строчки о любви, типа:

— *Коли милым назову — не соскучишься.*

Превеликою сльву поцелуйщицей.

Коль по улице плыву — бабы морщатся.

Плясовицею сльву, да притворщицей.

Сама Шурочка ни в каких-то выдающихся танцах или поцелуях не была замечена, большую часть жизни проведя в приёмной директора местной бумажной фабрики.

«Скромные, невидные девушки старятся как-то незаметно», — такая мысль посещает многих, кто бросает взгляд поверх плетёного забора. Им-то посадки под окнами Шурочкиной квартиры на первом этаже отделены от остального двора. Положив под спину большую расшитую диковинным узором подушку, пенсионерка располагается на уже упомянутой скамье, чтобы полюбоваться природой.

Судя по птичьим трелям, доносящимся из трубки Вилена Владимировича, эта кованая скамья выполняет свою функцию и в период всеобщего бедствия.

Окажись журналист сейчас в палисаднике, женщина сначала приветственно помахала бы ручкой, а потом, блюдя социальную дистанцию, решительно указала бы на раскладной стульчик- в метре с половиной от себя.

— Как поживаешь, Шурочка? — Давнее знакомство позволяет журналисту подобное панибратство.

— *Хо-шо-шо...* Судя по голосу, на абоненте — маска. — А вы? — Шурочка по давней секретарской привычке соблюдает субординацию и на «ты» не переходит.

— Да грех жаловаться!

— Что в мире делается, Вилен Владимирович? — Голос зазвучал яснее, из чего следует: маска повисла на одном ухе, открыв рот.

— Мор! — мрачно выдавил Адаев и тут же устыдился своего пессимизма. Негоже взваливать дополнительный груз на человека и без того несущего бремя лет.

А Шурочка тем временем тему подхватывает:

— Один из сыновей Анастасии Цветаевой тоже умер от инфекции. Давно уже... В гражданскую войну.

«Сейчас оседлает своего любимого конька!»

— Потрясающая и во многом поучительная история сестёр Цветаевых! Две родные души- два полюса. Старшая — поэт- новатор, у младшей- пара забытых нынче книжек. У Марины, подпитывающейся энергией плотской любви, ранняя ужасная смерть. У Анастасии, добровольно вставшей в молодости на путь аскезы, долгая жизнь и мирная кончина.

— И кто прав? Кто ближе к истине?

— Не знаю! — доносится из трубки.

«Честный ответ!»

— Шурочка, я звоню по делу.

— Что ж, лестно слышать, что до меня, старухи, есть ещё кому-то дело!

Здесь бы мужчине вернуть что-то вроде того, что дам типа его собеседницы никто и никогда не запишет в старухи, но он резко меняет вектор разговора:

— А вы хорошо знали вашего соседа Геннадия Мякишева?

— Раскланивались по-соседски. — По сдержанности ответа понятно: Шурочка, ожидавшая заслуженного комплимента, несколько разочарована.

— А его гражданскую жену вы встречали? — Вилен Владимирович продолжает идти напролом, рискуя испортить окончательно репутацию человека старого воспитания. Ситуацию даже не спасает то, что вместо слова «сожительница» он употребляет расхожий эвфемизм. Скорее наоборот, это добавляет напряжённости в беседу.

— Да, его сожительница проживала здесь какое-то время.

Последовала пауза.

Воображение журналиста нарисовало Шурочкин лоб, который напряжился в стремлении вспомнить конкретные годы. Увы, знаменитая секретарская память дала сбой, и женщина ограничилась коротким уточнением:

— До его гибели.

До журналиста донеслись какие-то посторонние звуки. «Поправляет подушку за спиной».

— А потом начались хлопоты.

«Неодобрительное покачивание головкой с идеальной укладкой».

— Капитолина отсудила жильё у родственников в пользу своей дочери.

— Как это удалось?

— Геннадий- вот что значит любящий мужчина! — усыновил девочку.

— Но ведь дочь погибла в той же аварии, что и Геннадий. Или я не прав?

— После того несчастья у Капы внутри точно течь образовалась. Она стала худая и окаменевшая.

— И выбрала жизнь скромную, незаметную, на грани аскезы.

— Опасалась людской зависти!

— Что-то я не совсем понял вас, Шурочка! — От волнения Адаев переходит на «вы».-
Растолкуйте!

— Вы, допускаю, можете и не знать...Капа рано замуж вышла. Слишком рано. Как теперь говорят, по залёту. Девочка её всё у Капиной матери воспитывалась.

— А муж?

— Мужчина исключительного благородства! — Последовавшая пауза призвана придать

словам особый смысл. — Ребёнок не от него. Прикрыл, так сказать, чужой грех.

— Он жив?

— Разное про него говорили.

— Ну хоть что-то, Шурочка? Хоть намёк!

— Вроде как из интеллигентной семьи. По крайней мере, сестра подвизалась в мире искусства.

— А как ее имя?

— Ох, дай Бог памяти! — В трубке послышалось какая-то возня. Судя по всему, Шурочка меняла положение уже подъягодичных подушечек. — Такие имена нынче не в моде. А вот прежде. И ведь все его носительницы — женщины умные и с напором. Взять хотя бы ту же ведущую — Белову. Ну знаете, которая вместе с Норкиным...

— Ольга?

— Или с Поповым в «60 минутах».

— Премного благодарен, Шурочка!

Глава 7

Мала причина, да нас разлучила

Вилен набрал Сыропятову с намерением условиться о встрече. Но Зинаида твёрдо стояла на своём: в её служебном распорядке отсутствует даже самое маленькое окошко. При других обстоятельствах Вилен бы пустил в ход тяжёлую артиллерию в виде приглашения посидеть где-нибудь. Увы, все приятные местечки нынче на замке, так что приходится довольствоваться телефоном.

— Зиночка, дело не терпит отлагательств.

— Опять Грета Тунберг? Продолжение следует?

— Я всегда был уверен в высоте твоего «айкью».

— Не подлизывайся!

— От чистого сердца глаголют уста.

— Можно покороче? — взмолилась трубка.

— Если вкратце, то наметился истинный мотив этой цепи преступлений.

— И какой?

— Бабло!

— Ты не оригинален, Вильчик.

По тому, что Зиночка назвала его уменьшительным именем, Адаев заключил: абонент вот-вот положит конец их беседе, а потому прибавил темпа.

— Зиночка! — Здесь он едва удержался от искушения назвать её в отместку за «Вильчика» — «пупсиком», но сдержался. — Я не смею просить тебя лично вникать в детали. Но я настоятельно прошу тебя донести информацию до сведения несравненной Тамары Аркадьевны.

— А ещё короче? — женское терпение было явно на исходе.

— Всё строится на одной свае. Капиталы Капитолины Кузюткиной.

— Откуда у уборщицы средства, даже если у неё такое говорящее имя- Капитолина.

— Капитолина- это не от слова «Капитал», а от другого. Капитолий называется.

На том конце замечание проигнорировали, и Адаев продолжил:

— А правоохранительные органы даже не удосужились проверить её счета! — Он взял октавой выше. — Впрочем, замечу, что это мало что дало бы.

— Откуда такие выводы?

— Все свои накопления она завещала внучке. Вот почему та и оказалась под ударом. Последуй она за бабушкой, всё досталось бы мужу- этому пентюху Шульпякову.

— У неё что и законный супруг имелся?

— Представь себе! Капа по какой-то неясной лично мне причине с ним не разводилась.

— Пстой — пстой! Фамилия мужа — Шульпяков? И он скорее всего родом из Лопуховки. — Наконец-то в голосе собеседницы прорезались нотки заинтересованности. — А там сплошь Шульпяковы да Кузюткины. У меня матушка — родом оттуда. И кажется, я догадываюсь, почему эта самая Капитолина Капитоновна не спешила оформить развод. У неё ребёнок от ФУБХУХО.

— От моста что ли? — не удержался от смешка Адаев. Но Зиночка была настроена на серьёзный лад:

— Тебе напомнить? Мост носит имя Федерального управления безопасного хранения и

утилизации химического оружия. А само предприятие находится в Лопуховке. И строили его служащие стройбата. Юная Капля и влюбилась в одного такого солдата. Ну и понесла от него. А этот Шульпяков — то ли из любви к девушке, то ли по какой другой надобности — и женился на ней.

— Но мужик на поверку оказался не так прекрасодушен. Верно?

— А вот под это требуется доказательная база! — В Зиночке явно пробудился сотрудник управления внутренних дел.

— От тебя этого не требуется! — «Куриные твои мозги!» — Просто передай Затопец.

— Почему именно меня ты выбрал в качестве информатора?

— На меня можешь не ссылаться! — Продолжил газетчик, проигнорировав вопрос. — Скажешь, анонимный звонок. Я надеюсь на тебя. И вообще- свои люди-сочтёмся.

Здесь журналист отключился, решив про себя: «Баста!» Но справедливости ради, стоит заметить, в душе он ждал, что ему перезвонят. Или Зина, или сама капитан Затопец. Но время шло, а никто не звонил.

МИРРА ИЗ ГОРОДА МИРНОГО

Дядя Коля черпает ковшиком воду из ведра и шумно заливает внутрь. Увидев в моих руках журнал, замечает:

— В каждой книжке същутся мыслишки!

А раскладывая привезённые из города продукты, бросает из-за плеча:

— А ты и без грима неотразима!

Что бы это значило?

— Дядя Коля, а почему вы расстались с моей бабушкой? — пытаюсь я завязать разговор. На лицо мужчины набегают тень:

— Мала причина, да нас разлучила! — С этими словами он уходит на свою половину.

Я ковыляю к окну. Вот так удача! За ним — знакомая морда. Кавалер Тильды! Со всеми предосторожностями отворяю рамы и втаскиваю упирающегося кота. Потом быстро засовываю записку за ошейник и едва успеваю спровадить оробевшего кавалера, как раздаётся голос:

— И думают юнцы, что все вокруг — слепцы.

А уже через минуту сооружение из плёнки водружается на мою голову.

Глава 8

Да будет доволен ею Аллах!

Женщину разбудил шум на кухне. Это кот подавал сигнал о необходимости опорожнить кишечник. Подобное повторялось в любое время года, как в городе, так и в сельской местности. Ронять предметы и тем самым привлекать хозяйское внимание Лёва начал в период полового созревания и продолжал до сей поры.

Проигнорировать шум было бы опрометчиво: в конце концов животное перебудила бы всех! Румия спустила ноги с постели и нащупала тапочки. Халат лежал на табуретке в изножье кровати. Рука привычно потянулась в нужном направлении и в который раз ощутила его приятную пушистость. Подарок супруга во время их отдыха в Турции. При воспоминании о поездке теплота разлилась в груди, но вскоре к ней примешалась боль утраты. Стараясь на концентрироваться на ней, женщина двинулась на шум, на ходу завязывая кушак.

Слабый свет уже начал проникать через занавески, а на кухне он оказался даже сильнее, и хозяйка тот час отметила причину: кот порвал бечёвку, на которой держались куцые деревенские занавески. А где же он сам? Женщина подняла сброшенную со стола книжку Рауля, выполнявшего перед сном свою норму чтения, ручку и тетрадку Рауфа со вчерашним диктантом и подошла к оконной раме.

Бечёвка оказалась целой. Просто её правая петля была аккуратно снята с гвоздика. Если допустить, что... кот случайно поддел её когтём. Но как объяснить положение шпингалета на старой деревянной раме? Лёве явно было не по силам открыть его. Получается, что кто-то из сыновей успел выпустить питомца из дома. Она прошла в детскую. Оба мальчишки мирно спали, и ничего не говорило о том, что они поднимались с постели в последние десять минут. Может, это всё ей пригрезилось? Может, она пробудилась от шума, но опять задремала? И дети всё-таки выпустили кота?

Румия налила себе стакан воды. Медленно прихлёбывая, она старалась восстановить ход событий. Вот она просыпается. Спускает ноги на пол. Набрасывает халат. Стоп! Здесь её воображение рисует горящее табло электронных часов. Она отчётливо помнит, что на них высветили цифры: три и десять. А сколько времени сейчас? Она вернулась в спальню. Часы показывали три и пятнадцать! Нет, в минувшие пять минут она бы не успела погрузиться в сон. Получается, что кто-то выпустил кота извне! Но зачем постороннему человеку это делать? И ограничилось ли всё только этим?

Румия оглядела обстановку- всё на своих местах. Затем взяла сумочку с банковскими картами и кошельком. Нет, ничего не пропало. Если это и вернуло присутствие духа, то совсем чуть-чуть.

Женщина вновь взялась за старый стеклянный графин с гроздьями винограда на боках — изделие местного хрустального завода.

Вода вернула ясность мыслей. Она снова заглянула к детям и, убедившись, что те погружены в сладкий предрассветный сон, вернулась на место происшествия. Чтобы ждать, когда поднимется солнце. А заодно думать, что предпринять. «Да будет доволен ею Аллах!» При этом глаза её невольно всё время обращались к окну.

Дом казался ей поруганным этим вторжением.

Глава 9

Старуху с косой стоит поторопить!

В это время хозяин дома у оврага вглядывается в подрагиванье ткани на девичьей груди и заключает: «Нет, на свете долго не задержится!»

Он делает шаг к выходу и едва не теряет равновесие. Пошатывает его, однако. Как бы не свалиться!

«Где лучше рыть? Нет, подвал не самое лучшее место. Если только в огороде. Но там картошка. А если поближе к забору? К нему присоседился старый продавленный диван, некогда населённый клопами. Только вот день нынче заметно прибавился. А чтоб не нарваться на случайного прохожего, лучше дожидаться глухого ночного часа».

Дядя Коля наклоняется над неподвижным телом и брезгливо морщится. Воняет как залежавшаяся старушонка. Одно утешает: недолго уже ждать старухи с косой. Или кто там уполномочен...

Покопавшись в шкафу, он достаёт старое одеяло. Для савана сгодится. Нет, медлить нельзя. Сегодня же ночью следует покончить с этим делом.

В кухне его снова повело. Он уцепился о кончик стола, чтобы не брякнуться, и подумал: старуху с косой стоит поторопить. Или того, на кого возложена эта скорбная, но почётная обязанность. Короче, нынче заведёт он будильник этак на полтретьего ночи...

Когда хозяин дома у оврага ставит свой будильник, Мирра блуждает по лабиринту сна, снова и снова бормоча: «Кто меня услышит? Кто меня узнает?»

И словно расслышав этот зов, в спальне «Божьей коровки» открывает глаза Фёдор Селиванов. Стараясь не шуметь, маленький человек, не терпящий в свой адрес слова «лилипут», сползает со своего ложа и переваливаясь на коротких ножках идёт к окну. Отсюда виден торец соседнего корпуса, на котором мозаикой выложена божья коровка.

Мутно, беспокойно на душе маленького человека. А когда такое случается, Федя допускает по мнению опекающего инвалидов священника сущее кощунство. Он взывает: «Божья коровка, утоли мои печали!»

Однако в ту ночь Миррин брат по несчастью пребывает в уверенности: одними его стенаниями здесь не обойтись. Ведь в голове всё время слышится: «Кто меня услышит? Кто меня узнает?» И маленький человек принимает решение напомнить Луке про бывшую служанку.

Да вот только сделать это ему невозможно, ибо природа обидела его дважды. Обрубив не только тело, но и руки по самые плечи. Так что хотя идея была хорошая, воплотить её предстояло лишь утром. Когда проснётся Маринка. А пока, чтобы заглушить голос в голове, он идёт на пост дежурной медсестры и просит что-нибудь успокоительное.

В то время, когда Федя, проглотив таблетку, проваливается в спасительное бесчувствие, дядя Коля видит уже видит сон. Про зиму.

Эх, какие снежные зимы были в Мирном в прежние времена! Какие сугробы громоздились под окнами. Нырять в эти мягкие холодные перины — любимая забава Николеньки Шульпякова и Капы Кузюткиной. Прыгнуть в снег с крыши сарая и оказаться в его холодных мягких объятиях. Впечатляет не хуже, чем на этих самых... батутах. Но есть испытание и посерьёзнее обычного сугроба.

Он и Капа стоят на кромке крыши погреба, устроенного у реки, и примериваются к

посверкивающей внизу снежной пелене.

Ну давай! — в который раз велит Капля. Вместе давай! Раз, два, три — пали! И они, оттолкнувшись от толя, которым покрыта крыша, делают шаг вперёд. Холод обжигает лицо. А ступни ищут и не находят опоры. Начинается полёт вниз — сквозь снежное колкое облако. Чуть ли не до самого берега.

Холод сковывает до костей. Что это за звук? Его зубы так клацают? И где Капля? Голоса её не слышать. Только тик-так, тик-так раздаётся. Будильник! Дядя Коля тянет руку к настольной лампе и зажмуривается. Ещё только час ночи. Он спускает ноги на прикроватный коврик и их обдаёт холодом. Дубак! Как зимой. Его сотрясает дрожь. Как в тот день зимних каникул, когда они прыгали в сугробы и провалились в заброшенный погреб.

Надо выпить чаю с малиной. Мать всегда лечила его таким способом. И помогало без всяких пилюль.

Тапок на привычном месте не оказывается, и босые ноги обжигает холодный пол. Уходит дом постепенно в землю! Надо бы поднять фундамент. Но здесь ему потребуется существенная подмога. Ну и соответственно финансы. Правда, здесь у него всё чики-чики. Есть всё-таки справедливость на земле! Расплатилась Капля за все его унижения. Пусть и с того света, но расплатилась по всем счетам!

Он силится подняться, но не удержав равновесия, шмякается на кровать. Панцирная сетка скрипит под его тяжестью. Он делает вторую попытку, подстраховавшись с помощью спинки с металлическими шариками. Один из них собственноручно откручен Николенькой и преподнесён Капле в знак особого расположения. «Ох, доведёт тебя эта девка до беды!» — доносится голос из прошлого. Он привычно отмахивается от него, и осторожно, по-стариковски ступая идёт в кухню. Там в подвесном шкафчике выстроились в ряд баночки с малиновым вареньем. Нет, не зря их переулоч называют Малиновым. Урожая хватает на целую зиму.

Прихлёбывая целебный напиток, он поглядывает на часовую стрелку. Время бежит. Главное, одолеть эту лихоманку-лихорадку.

Спустя некоторое время его бросает в жар. Но силы прибавляются и он решает покончить с делами до звонка будильника. Со всеми предосторожностями спустившись в подвал, он наклоняется над пленницей.

«Не жилец!» — заключает дядя Коля, глядя на прозрачные веки с фиолетовыми прожилками.

Но вот ведь какое диво-дивное. Пропал старушечий запах. Может, девушка пришла в себя и обтёрлась какими-то влажными салфетками. Но где она их раздобыла?

Дядя Коля шумно втягивает в себя воздух. Ничего! Вообще ничего! Что за напасть?

Прежней чистоте в доме, судя по всему, пришёл конец. Всякие разные предметы, включая обрезки ткани и ниток, валяются по всем комнатам.

Сегодня черёд мести пол Раулю. Пацан, следует признать, старается. Бумажка, забившаяся под кошачью переноску, где любит устраиваться Лёва, он замечает на совок вместе с куриным клювом — остатком кошачьей трапезы. Да, из соображений экономии кот вместо «вискаса» получает головы кур.

После клюва Рауль подцепляет луковую шелуху и длинный белый ус (Лёва линяет не только шерстью). Всё это он сыпает в пластиковое ведро, которое изнутри выстелено мусорным пакетом. Раулю пока не хватает сноровки: от недостаточно выверенного движения бумажка из-под кошачьей переноски летит мимо цели и некоторое время парит в воздухе, после чего приземляется на пол.

Предположив, что эта бумажка из тех ярлычков, на которых написано «Немедицинское изделие» и которые они по маминому поручению раскладывают в пакетики с масками, Рауль поднимает находку. Нет, это не ярлычок. Кстати, почему всё-таки «Немедицинское изделие», если пошиваемые в их доме маски должны защитить от болезни? Мама от вопроса отмахнулась, ограничившись репликой: «Так надо!»

Будучи по натуре педантом, Рауль находку изучил. Нет, спорная надпись отсутствовала. Зато имелся рисунок. Поначалу мальчик даже не понял, что означала длинная линия, кончавшаяся двумя окружностями- побольше и поменьше. От нижней отходила ещё одна линия- потолще, а на ней этакий помпон. Ну как на шапке у сестры. Мальчик взгляделся пристальнее. Да не помпон это вовсе. А хвост с кусочком шерсти. Да это Лёва! Но что с ним? Он висит на этой линии- верёвке! Ему же больно!

Послышались шаги на лестнице.

— Что это у тебя? — Мамино лицо-усталое, отчего она кажется сердитой.

— Бумажка!

— Так выброси её немедленно.

— Будет сделано, — вымученно улыбается сын. А мамины глаза затуманиваются. «Будет сделано!» — это папино выражение. Так Карим Ахмедович приучал сыновей отвечать на просьбы взрослых.

Мать поворачивается и выходит во двор. Мальчик, прицелившись, бросает бумажку с котом- висельником в пакет для мусора.

Нет, он не будет гадать, кто так жестоко подшутил над их семьёй, а продолжит уборку. А потом организует спасательную операцию Лёвы. Не посвящая в детали операции женщин.

Спустя час братья тщательно, таким мелким гребнем прочесали двор, садик и огород. Тщетно! Младший уже проявлял все признаки нетерпения и даже дезертирства, так что старшему пришлось волей-неволей рассказать и о зловещем рисунке, и о своих опасениях.

— Это всё та тётка! — прошептал Рауф, у которого от страха перехватило горло. — Я же говорил тебе, а ты...

— Выдвигаемся туда! — скомандовал Рауль после непродолжительной заминки. Младшему, наделённого живым воображением, было боязно идти к дому у оврага, но слово «выдвигаемся» звучало так по-взрослому, что он, лишь отпросившись у брата на минутку в

туалет, вскоре предстал в полной боевой готовности, то есть с игрушечным пистолетом и в армейской пилотке, доставшейся им в наследство от отца.

— Вы куда это лыжи наострили? — слышался насмешливый девичий голос из открытого окошка. Это Айгуль, накормив братьев завтраком, наслаждалась *кофе-брейком*.

— Никуда! — отчеканил старший, бросив грозный предупреждающий взгляд на младшего. — Мы просто в войнушку играем.

— Сегодня у нас гости будут! — торжественно объявила сестрица. — Из Москвы! Братья переглянулись. Приезд москвичей обещал массу приятных моментов. Они поспешили забросать сестру вопросами, и мало-помалу судьба Лёвы отошла на задний план.

Однако сполна насладиться предвкушением перемен им не позволил резкий выворачивающий душу сигнал, который часто звучал в последнее время на местных дорогах. «Скорая», мягко переваливаясь, вкатилась в Малиновый переулочек.

— Стой здесь! — повеление прозвучало сколь безоговорочно, столь скоропалительно. Младший и глазом моргнуть не успел, как старший сорвался с места и только спустя пару секунд откуда-то издали слышалось: — Ты на посту-у-у! Не покидать его ни в коем разе.

— Пристрели меня, если это случится, — шепчет брат в догонку реплику из боевика и берёт под козырёк. Глаза его с грустью глядят на две грязные колеи, по которым тащится «Скорая», и ветки кустов шаркают по её бокам.

И вот она у цели.

Появление следом ребячёнка замечено лишь стайкой воробьёв.

Не успевает он сообразить, что к чему, как открывается дверца и из салона выскальзывают две фигуры устрашающего вида. С какими-то громоздкими чемоданами они направляются к крыльцу.

Пока Рауль мается дилеммой- дождаться развязки или двинуть домой, люди в голубых одеяниях минуют калитку и исчезают за палисадником.

Густо заросший плющом остов беседки чем-то напоминает макет советского бомбоубежища. Не догадываясь об этом, пацан, тем не менее, по достоинству оценивает его возможности как наблюдательного пункта. Судя по остаткам демаркационной линии в виде ржавой проволоки, она принадлежит соседней пустующей халабуде. Так у местных зовётся хижина с провалившейся крышей, которая притулилась к интересующему пацана объекту.

Время тянется. Ну совсем как размоченная во рту жвачка. Терпение разведчика на исходе. А тут ещё его слуха достигает фортиссимо братца:

— Дом-о-о-й!

Следуя этому сигналу тревоги, Рауль уже собирается дать стрекача, как на крыльце снова возникают голубые комбезы. За ними тащится краснолицый дядька с всклокоченными волосами, в пузырящихся на коленках трениках. Но здесь мальчишка проявляет благоразумие и отказывается досмотреть сцену водворения краснолицего в «Скорую».

Успевает он вовремя. Мать, стоя на крыльце, приветствует гостя.

Глава 11

Эй, возьми меня с собой!

Когда настал черёд Раулю поздороваться с великовозрастным племянником, мальчишечья дыхалка уже пришла в норму. Так что его отлучка из дома осталась их секретом.

А спустя некоторое время *мелкие* и вовсе исчезли с домашних радаров, ибо женщины принялись хлопотать вокруг гостя. Приличия ради мальчишки немного понаблюдали за тем, как их руки порхают вокруг родственника, что казалось: их не две, а больше. Как у божества, который они видели в книжке индийских сказок. Осознав, что на них свалилась вожденная свобода, братья вознамерились использовать её на благо семьи, а именно: отыскать сгинувшего кота.

Стоит ли удивляться, что зона поисков распространилась до дома у оврага?

Первым делом они провели ревизию хозяйской коллекции металлолома. Не обнаружив новинок, они двинулись к дому. Здесь их ожидало открытие: раскиданные «шабалы». Так местные именуют вещи различного назначения, но по преимуществу носильные. Взгляд старшего зацепился за длинную ночную сорочку в цветочек. «Выходит, в доме и правда есть женщина». Развить эту мысль ему помешал оклик брата, привлечённого картиной в крайнем оконце. Там на задних лапах стоял Мурзик, он же Лёва, и отчаянно бил по стеклу передними.

Теперь у братьев появилась уважительная причина для проникновения внутрь этого жилища. Спецопрацию по вызволению кота они начали без подготовки, просто толкнув входную дверь. Она поддалась...

В этот волнующий для родственников миг их гость осматривал новое обиталище. Довольно вместительная комната, куда вела крайне ненадёжная лестница без перил. Напротив- спальня его юных дядьёв. Под женскую половину отводилась комната на первом этаже, где в закутке уютилась кухня. Конечно, не хоромы, но для данной местности годится. Распаковав дорожную сумку, Лука прилёг на кровать и прислушался. Его слуха коснулись голоса дома. Шуршанье неведомых тварей на чердаке. Потрескиванье отклеивающихся обоев. Позвякиванье банок с соленьями в подвале.

Веки отяжелели. Лука редко спал днём, но поездка изрядно его утомила. Из-за нынешнего отсутствия в их жизни водителя Толи пришлось добираться до Мирного поездом. Он и не представлял, как назойлива и бесцеремонна может быть так называемая «живая жизнь». Нет уж, увольте. Он предпочитает своё уединение на мансарде. Пусть она и покажется кое-кому обитанием в башне из слоновой кости, где нельзя написать ничего стоящего. Но у Луки имеется на это контраргумент, а именно: Марсель Пруст. Этот француз писал в комнате, чьи стены были обиты специальным материалом. Для звукоизоляции. Вспомнив прустовскую манеру изложения, молодой человек окончательно впал в спячку.

Из тягостной безысходности его вывели детские голоса. Его юные дядья горячо что-то обсуждали под окнами. Вслушавшись, он догадался, он понял: речь идёт о каких-то ползающих тварях.

Сбросив остатки дрёмы усилием воли, он поднялся со своего ложа и подошёл к окну, над которым висел осколок неба с белым крыломоблака. Братья продолжали переговариваться.

«Какие шустрые. Как кролики из рекламы „Дюоррасел“. Правда, хвала небесам, эти в барабан не лупят!»

Он вернулся на кровать и распаковал свой ноутбук, взятый больше для видимости планирующейся работы. На самом деле писать охоты не было. Да и о чём? Всё давно уже описано. И вообще в этой стране число писателей заметно превышает количество читателей. Грядущий крах родительского «Библиофила»- лишнее тому доказательство.

Тем не менее он включил ноут и проверил почту. *Крэйзи!* Он что, надеется, что Мирра ему начирикает на ящик? Уничижительные мысли на этот счёт прервались каким-то поскрёбыванием по двери. До гостя даже не с первого раза дошло, что ребятня таким образом заявляет о своём присутствии.

— Войдите!

Дверная ручка двинулась и её примеру последовало дверное полотно. В проёме нарисовались две вихрастые головы- одна пшенично-золотистая, почти пуховая, другая- потемнее и пожёстче. «Родные братья, а такие разные. Впрочем, сейчас у них абсолютно одинаковые вытянутые физиономии».

— Лука, мы нашли... — приглушённым голосом начал светленький с ещё детской округлостью щёк. Рауль?

— Мы нашли мертвяка! — подхватил тёмненький с вздёрнутыми бровками. Рауф?

— Заходите! Быстро! — скомандовал племян, отзеркалив выражение, с каким пассажиры смотрят на стюардессу, когда что-то на борту идёт не так.

МИРРА ИЗ ГОРОДА МИРНОГО

От меня осталась одна голова. Как у того профессора. Как его там? Доуль? Впрочем, неважно.

Голова моя пока выполняет свои функции. А вот всё остальное... Где оно?

Вместо ответа- на тёмном фоне возникает зелёное пятнышко.

Спустя некоторое время оно даёт потомство.

Похоже на ряску- там, на нашем озере.

Но вот пошли волны. Ряска моя заколебалась. А потом стала исчезать-пятнышко за пятнышком!

Эй, возьми меня с собой!

Глава 12

Белый мишка пришёл!

Итак, имелась криминальная колода. А в ней — джокер. Иначе откуда бы взялась маска с лицом скандальной шведки?

Вилен снова и снова просматривает публикации дела «Русская Грета Тунберг». Так окрестила серию нападений пресса. Как всегда не до конца точно, но в память врезается. Вообще-то Адаев чуждается всякого рода желтизны, хотя и мог бы погреть на ней руки. Но брезгует. Советское воспитание не позволяет. Этакая метка.

Он делает усилие и прерывает поток размышлений, чтобы выглянуть в окно. А там очередная картинка с натуры. К мусорным контейнерам приближается молодой очкарик. Да не один, а со свитой из десятка собак разных размера и масти. Первым делом молодой человек роется в мусоре в поисках угощения для животных. Затем запускает руку в ящик с макулатурой. Выловив оттуда газету или журнал, погружается в чтение. Стая устраивается неподалёку. При виде этого зрелища мысли журналиста обращаются к его собственному псу. Который не лаял.

Верный дружок ЗОЖа подвергался постоянным нападкам Капитолины, ибо то ли по возрасту, то ли по вздорности не дотягивал до кустиков. А его хозяин ещё не усвоил правила европейских собачников и спецпакет с совочком с собой не носил. В итоге отношения между разноглазой псиной и дворничихой (Капа впрягалась тогда в любую работу) сложились натянутые. Каждая встреча сопровождалась оглушительным тьяканьем. — С обеих сторон. Но в тот вечер, когда нападению подверглась девушка, расстреливавшая озеро пластиковыми бутылками, заклятые враги никакой реакции не выдали. Со стороны преступницы это понятно: маска мешала. Но почему не лаяла псина? И как перестать думать про это?

Участникам эксперимента в США поставили цель — всячески избегать воспоминаний о белом медведе. Но как не старались, ничего не вышло. Для Вилена Владимировича таким «белым медведем» стала смерть Капитолины. Пришлось прибегнуть к собственному методу избавления: он сконцентрировался на запретной мысли, чтобы, по его собственному выражению, израсходовать горючее в баках. А там было, что сжигать.

Он мысленно перенёсся к началу своей журналистской карьеры. К школе юного корреспондента при газете «Вести Мирного».

В те времена газеты делались старым дедовским способом, а потому существовала такая профессия как метранпаж. Капитолина была метранпажем. Не частый для женщины профессиональный выбор. Юный Вильчик во время ознакомительной экскурсии в типографию первым делом увидел почти детские пухлые пальчики, покрытые какой-то отвратительной черной смазкой. Как они ловко орудовали инструментом! По виду — большое шило. А на самом деле? Нет, не вспомнить. Так вот этим шилом они расставляли в столбики металлические пластины с выбитыми на них словами.

Могли ли эти ручки взять и замахнуться приспособлением для отбивания мяса?

Нет, никак в это не верилось.

Не делала этого Капа. Потому и разноглазый пёсик не подавал голоса.

Маска скрывала другого человека. Того самого-джокера! Почему следователи его не вычислили? Даже в затылках на сей счёт не почесали. Да потому что изначально повелись

на убедительно выстроенную версию.

Русская Грета Тунберг. Громкое дело раскрыто в кратчайшие сроки!

Адаев перевёл взгляд в окно. Предводитель собачьей стаи, что-то жуя, по-прежнему читал прессу.

«Вот она сила печатного слова!» — не без самодовольства подумал Вилен Владимирович.

Глава 13

, судьба-проруха!!

«Молчаливый, сонный, пугливо глазающий окнами домишко». Такое описание выдал бы литературно одарённый наблюдатель. Но Лука обошёлся без комментариев.

Он прислушался- ни включённого телевизора, ни звяканья посуды, ни шагов. От этого дом казался ещё мрачнее. Мальчишки тянули его за рукава толстовки и при этом переминались с ноги на ногу, точно им срочно требовалось в туалет. А потом все трое вступили на крыльцо, сквозь прогнившие доски которого проглядывала молодая травка.

Входная дверь больше соответствовала бы сараю. Раньше она запиралась, но сейчас нужда в этом отпала. Лука перешагнул порог и оказался в помещении, где имелась лестница. Её перила из стальных тросов походили на леера. А может такими, снятыми с какого-нибудь судна, и являлись. Ступеньки вели на чердак. Но туда им было не нужно.

Внезапно спохватившись, что вторгаются в чужую собственность, Лука постучал в следующую дверь. Никто не отозвался. выждав некоторое время, он с силой нажал на дверное полотно. В образовавшемся проёме возникло трюмо с зеркалом. Мазнув взглядом по своему отражению в мутном стекле и не заметив в нём ничего кардинально нового, молодой человек перешагнул через следующий более высокий порожек.

Вся здешняя обстановка — это стол с тремя табуретками, буфет с куда-то подевавшимися дверцами и диван с вытертой до дыр обивкой.

Внутри ещё витает запах лекарств, что подтверждает шприц на столе и валяющаяся на полу ватка с красной точкой. Бросив взгляд на брошенное у дивана одеяло, Лука бросает взгляд в закуток, судя по всему выполняющий функцию кухни. Здесь его ожидает натюрморт в духе «Memento mori»: давно уже мёртвая селёдка, надкусанный ломоть хлеба, яичная скорлупа.

«Но где труп обвитый червями?» — Он бросает вопрошающий взгляд на братьев, гуськом, по старшинству следующих за родичем. Те синхронно тыкают указательными пальцами в пол, покрытый домотканой полосатой дорожкой, и шёпотом, словно их могут услышать, выдыхают:

— Та-а-ам!

— Где?

Одарив столичного родственника снисходительными взглядами, Рауль и Рауф вцепились в его рукава-один справа, другой слева- и потащили в пристройку.

К одной из половиц там приделано колечко.

— Тяни! — повелел Рауль. Лука повиновался, отметив про себя, что дядя у него не робкого десятка.

Крышка подполья откинулась со звуком, прозвучавшим, как выстрел, что заставило жавшуюся к сундуку рыжую кошку ретироваться.

Вниз вела лестница, всем своим видом внушавшая опасение сверзиться в темень при первом же шаге.

Призвав на помощь всю свою решительность, Лука осторожно поставил ступню на верхнюю ступеньку. Она не издала ни звука и вообще оказалась довольно устойчивой. Второй шаг дался легче.

Преодолев ещё две ступеньки, молодой человек осторожно впустил в себя воздух.

Тянуло сырой землёй, овощной гнильцой и канализацией.

— Держи! — К нему потянулась рука с фонариком. Успевшие вспотеть пальцы взрослого с трудом нащупали кнопку включения. — Луч метнулся по стенам.

Судя по кирпичной кладке, к подвалу у строителей изначально были высокие требования. А жильцы захламили его донельзя. Какие-то металлические шуковины неизвестного назначения, разобранная мебель, оконные рамы- всем тем, что в преизбытке наполняло двор. Однако было кое-что и новенькое: кучи старой одежды. Лука снова опасно втянул в себя воздух, отчего его тонко вырезанные ноздри нервно затрепетали.

Луч фонарика продолжил исследовать внутренности помещения. И троица последовала за ним.

Стало заметно светлее. Здесь имелось оконце- мутное, подёрнутое паутиной с остовами насекомых, но это было окно, говорившее в пользу цокольного этажа, а не подвала. Замаячила надежда, что пацанам померещилось, привиделось, почудилось. — Всё то, что взбадривает взрослых, когда они оказываются в подобных ситуациях.

— Дальше! — срывающийся голос принадлежал, видимо, старшему.

Лука повиновался ему. И там луч выхватил из сумерек силуэт.

Тело лежало на боку. Нечто подобное он видел в итальянском музее под открытым небом, где были представлены жертвы вулкана Везувия. Но в отличие от людей, погребённых под толщей пепла и лавы и не подвергшихся тлению, этот человек, на взгляд взрослого, уже включился в пищевую цепочку простейших организмов. По его рукам и ногам расползлись длиннющие черви.

«Братья ничего не придумали», — это была последняя мысль племянника. — Перед тем, как последний приём пищи низвергнулся из его желудка.

МИРРА ИЗ ГОРОДА МИРНОГО

В Бога не верю. Потому что эволюция подарила нам мозг. Так говорила учительница биологии. И этот кусок мяса создаёт сознание. А чтобы погасить его, надо добраться до черепушки.

Зеркальный шар крутится на потолке. Или это моя голова? Потом шар почему-то гаснет. Начинают крутиться потолок и стены. Ужасно, потому что не за что зацепиться глазами. На белой поверхности стен и потолка нет ни одной картинки, лампы, гвоздя — ни какого-то другого цветового пятна. Поэтому самое большое развлечение — сны. Моя подружка Алька вообще считала их чем-то настоящим. Фантазёрка! Она даже уверяла, что во сне можно воздействовать на реальность. Надо только... Нет, здесь её всегда прерывали смешками. Так что обитатели «Божьей коровки», точнее, та их часть, которая способна была следить за ходом её умственных построений, так и не узнали всех Алькиных секретов. А зря. Мне бы пригодилось.

От досады я кусаю губы, и боль напоминает мне, что я ещё живая. И с этим надо что-то делать. Но ничего не остаётся, как просто дрыхнуть. Ведь время остановилось для меня. Как для насекомого, увязнувшего в янтаре. Такой сувенир имеется в доме у Дамировых. Я с него пыль стирала. Как бы я хотела вернуться в то время и в тот дом. Хотя бы в качестве застывшей в янтаре мошки. А впрочем, согласна я и на простое воспоминание. Дескать, жила — была в городе Мирном девочка Мирра. Но судьба-проруха! Или я всё-таки не верю в неё?

Когда ты моложе остальных... Когда представляешь научный интерес... Тогда тебя изо всех медицинских сил тянут на эту сторону.

В палате интенсивной терапии — особое освещение. Свет направлен лишь на столики медсестёр. Понятия не имею, откуда мне это известно. Как и то, что мониторы приборов поблёскивают то красным, то зелёным. Может, я стала такой же всезнающей сущностью, как Бабуленция. Но одновременно я не лишилась плоти. Правда, сейчас она представляется мне типа человеческих фигур из анатомических атласов. То есть без кожи.

Сегодня вокруг меня- слишком многолюдно. Когда же они сочтут, что пришла моя очередь освобождать койко-место? Должна же пандемия как-то повлиять на скорость принятия этого решения. Судя по всему, сегодня как раз такой день. По крайней мере, об этом свидетельствует щекотанье в груди. Кхы-кхы. Это что, Мирра издаёт этот звук? Если так, её отключили от аппарата искусственной вентиляции лёгких.

Надо мной склоняется лицо. Из-за масок я перестала различать медсестёр. Но судя по запаху изо рта, она использует зубную пасту с эффектом отбеливания. Нет, названия не помню. В голове осталась лишь картинка телерекламы: чернокожий парень и его ослепительный оскал. Сестра принимается заворачивать меня в одеяло. Эй, я же не младенец! Ей на подмогу приближается другая, и они сноровисто переносят меня на более жёсткое ложе. Каталка?

Надо мной скользит потолок-изученный мной досконально. Он не сплошь белый, а в трещинах, пятнах и разводах. Больница-то старая. Продолжительное перемещение в пространстве производит на меня слишком сильное впечатление, делая мои веки неподъёмными.

Глава 14

Снова в «Красные кирпичики»

Немного существовало в мире вещей, способных выбить Алькиного отца из колеи. И пандемия уж точно не в этом списке. Он встретил её с поднятым забралом. Метафорически, разумеется. А потом, когда всё пошло по нарастающей, когда стали вдруг возвращаться знакомые, обосновавшиеся за границей, и лечиться здесь, стали посещать мужика всякие негативные мысли. А ведь человек был не робкого десятка, заложивший фундамент семейного благосостояния в 90-ые. Да и сейчас производил впечатление человека основательного. Мощная шея, для которой тесен ворот сорочки, а потому даже на работе в предпочтении — футболка с круглым вырезом. Но и такие личности, как оказывается, имеют свои уязвимые места.

А добил его участковый терапевт, вызванный к старшему сыну. «Понаехали тут!» — разоткровенничался он за чашкой кофе. В доме Бондалетовых он позволял себе некоторую дерзость в речах. На скорую руку, но расслаблялся, потому как Бондалетовы — народ надёжный. И главное — никогда не важничают. — «Понаехали со всех концов Земли. На мою голову! И всем срочно КТ делай. На каждый их чих. А у нас очередь — до лета. При этих словах что-то дрогнуло в Петре Михайловиче. А если конкретно, то скорее всего привычная картина мира и дала трещину.

Не полагаясь на заклятье „чур три раза — не моя зараза!“ Бондалетов раздобыл где-то аппарат для индивидуальной вентиляции лёгких и поставил в подвал. Однако привычная картина мира от этого не возвращалась. Что выразилось в многократном навязчивом мытье рук. Далее обильному орошению стали подвергаться и ноздри, уши, глаза и другие естественные отверстия. При чём с завидной регулярностью.

В свою очередь, это пошатнуло ПКМ его второй половины. Та настояла на „удалёнке“. Пётр Михайлович пошёл навстречу супруге, но при этом сделал вид, что делает это скрепя сердце, что было лучше для обеих сторон.

Домашнее уединение и в самом деле принесло облегчение: нестерпимые позывы к мытью сократились. Но тут с эффектом разорвавшегося снаряда „Красные кирпичики“ накрыла новостная волна: один из первых поселенцев — господин Г. — пустил пулю в лоб.

Добровольный уход из жизни ближайшего соседа вверх Бондалетова если не в депрессию, то в меланхоличное размышление — точно. А это было не свойственно Петру Михайловичу. По крайней мере, в последнюю четверть века.

Господин Г. в рейтинге личных состояний занимал в посёлке первое место, и уже длительное время никто не мог его оттуда потеснить. Да и не пытался. Потому как недра земли российской, освоение которых покойный прозорливо перехватил у обессилившего СССР, принесли ему несметные богатства. Алькиному отцу до них было далеко. „Как дс китайской пасхи!“ — признавал он сам. Так что никаких видимых причин пускать пулю в лоб у господина Г. не было. По крайней мере, в логике рассуждений его соседей. Однако ж...

Соседский отпрыск Лука постучал в кабинет Петра Михайловича как раз в момент таких рассуждений и с весьма конкретной просьбой. Давать деньги на нужды болящих было Бондалетовы не впервой. А здесь и вовсе речь зашла об особе, которую Пётр Михайлович если не знал, то, по крайней мере, одно время замечал её присутствие в доме. И Бондалетов,

сам того не ожидая от себя, не стал распорядиться выделить денежные средства со специального счёта, из специально заложенной в бюджет компании для благотворительных целей суммы, а направил стопы напрямик к предмету, резко выбивающемуся из элегантного ряда кабинетной обстановки. Это был громоздкий выкрашенный в грязновато-голубой цвет металлический шкаф, исполнявший, как ни трудно было догадаться, роль сейфа.

„Самое первое хранилище бабла“, сделал вывод посетитель. — А оно, как первый секс, исключительно памятно».

Подобный монстр имелся и у Дамировых — громоздкий пластмассовый кейс с хитроумным замком. К чему последний, если кейс можно было сокрушить одним ударом об асфальт? История об этом умалчивает, ибо использовался кейс на самой заре первоначального накопления капитала.

Итак, господин Бондалетов отворил дверцу мастодонта, весившего не одну сотню килограммов. (Мечта любого «металлиста»-бродяги!). Дверца издала лязгающий звук. Когда хозяйские руки, напоминавшие шпатели, погрузились во внутренности, молодой человек деликатно отвёл глаза. А когда счёл возможным поднять их, Бондалетов уже сноровисто, словно карточный игрок, раскладывал банкноты.

Но тут волна великодушия, накрывшая благодетеля с головой, откатила- порханье денежных знаков замедлилось, а затем и вовсе прекратилось. Последовал заключительный «шлёп». За ним дрызганье резинки на оставшейся пачке, всё ещё сохранявшей пухлость.

— Пересчитай.

Первым побуждением Луки было воспротивиться повелению, однако взгляд Петра Михайловича пресёк это на корню. Что оставалось делать? — Собрать долларовой пасьянс. Видимо, медлительность непривычных к таким манипуляциям юношеских рук хозяина утомила. Он сгрёб бумажки с ликами великих американцев в кучку, скомпоновал и протянул гостю:

— Двигай, пока не передумал.

Лука промямлил в ответ слова благодарности, на которые хозяйская голова нетерпеливо дёрнулась. Это придало ускорения конечностям молодого человека.

Глава 15

Сновидец ищет путь

Я иду по знакомой дороге.

Долго.

На самом деле это не такая уж длинная улица. Называется «Коллективная». У нас в Мирном все названия такие, потому что всё сделано ещё в СССР.

Я сворачиваю налево. Там должен стоять интересующий меня дом.

Есть!

Его серая коробка вырастает среди так называемого частного сектора.

Я подхожу к крыльцу. Затем поднимаю голову и нахожу окно нашей секции. Там темно. Почему никто не зажигает свет?

Я обхожу вокруг коробки, пытаюсь увидеть хоть один огонёк.

Темно. «Как в заднем проходе!» — прибавила бы Бабуленция.

Тут что-то ударяет меня по голове. Я вздрагиваю, как от удара током. И просыпаюсь.

Не тот сон! Первая мысль, которая посещает мою голову. Потому что не я там рулила. Не знаю — кто, но в точности не я. Выходит, сон *не целевой*. Стоп! Откуда это слово в моей голове? Не помню.

Одно утешает: я добралась до «Голубятни».

Кажется, Алька говорила, что сновидцу важно определить именно место назначения.

Что ж, для первой попытки неплохо. А в следующий раз я должна попасть внутрь.

Глаза слипаются.

«Попади внутрь!» — успеваю сказать я себе.

Надо мной — кирпичная стена.

Окна. Темно.

Всё повторяется.

На этот раз Мирре нельзя промахнуться.

Выщербленный ступени крыльца. Домофон. Жму на «8». Где-то внутри коробки воздух протяжно нудно вибрирует. Но ответа нет. Жму на цифру «9». Тишина. Пробую все мыслимые сочетания цифр. В этой общаге по пять секций на этаж. Но сколько комнат в каждой? Не помню.

Тоска разрывает мне горло.

Пробуждение. И снова я не я, а голова профессора Доуоля.

Обнадёживает одно: сон повторяется.

«Голубятня». Вот как называется общежитие. Вспоминаю название исключительно потому, что в моём сне ступени крыльца были щедро помечены голубиными какашками. Бабуленцию этот факт, понятное дело, нервировал. Но не высказывалась, держа эмоции при себе: «Божьи твари!» Так-то оно так, но можно было и к ответу призвать ту девицу с третьего этажа. Ведь не обязательно кормить птиц у крыльца.

Мысли, мысли! Настоящая кутерьма из мыслей. Они уведут меня от цели. Бабуленция называла их думами. У неё даже подушечка имелась — «думка». У меня тоже ничего не осталось, кроме них. Голова профессора Доуоля. Или Доуэля? Из какой книжки этот персонаж?

— Доброе утро! — Надо мной склоняется существо в белом одеянии. Из-за маски

виднеются только глаза. Медсестра?

Я пытаюсь сфокусировать на ней взгляд.

Концентрация. Слово сначала порхает в воздухе неуловимым мотыльком. Потом садится мне на макушку. А я его — хлоп! Всей пятернёй. Хотя гуманнее использовать сачок.

Но мне сейчас не до гуманизма. Мне надо приучить мысль.

Короче, концентрация.

Получится? — Покажет сон.

Глава 16

Искушение для бывших

Когда он пересекал холл на первом этаже, откуда-то вынырнула голова в шлеме танкиста и двинулась следом. Оказавшись за входной дверью, голова, казавшаяся в сумерках черепом инопланетянина, дружески боднула Луку в ухо и ощерилась в ухмылке:

— И много батька отвалил?

Лука неопределённо повёл плечами, что было расценено на свой лад. Ибо молодого человека подхватили под локоток и повлекли по выложенной плитками дорожке.

Стали слышны звуки льющейся воды. Фонтан? Нет, пергола.

Зажглись выстроившиеся вдоль дорожки фонарики и представили возможность полюбоваться на отливающую золотистым львиною пасть, изрыгавшую водную струю.

Алька потянула гостя к парочке плетёных из ротанги кресел и мягким, но повелительным движением усадила перед выполненным из того же материала столиком.

— Считай!

— Зачем?

Алька до комментариев не снизошла, а только адресовала взгляд. В эту секунду она стала копией отца — тот же круглый череп, те же стальные с нависшими веками глаза.

Лука разжал пальцы. Скрученные в трубочку банкноты утратили величие пасьянса. Молодой человек, напялив на себя маску человека, которому всё нипочём, принялся пересчитывать деньги, невольно подражая движениям Бондалетова.

Не набиралось и трети требуемой суммы.

— Что будешь делать? спросила Алька, едва мазнув взглядом по лицу бывшего.

— Попробую бросить ключ через Сети! — Бывший никак не хотел расставаться с личиной бодрячка.

— На это уйдёт время, — меланхолично заметила девушка.

— А у нас есть другие варианты? — Лука глянул на тень на выложенной плитками площадке. И тень согласно кивнула.

— Моё приданое.

— Ого, а я и не знал, что у тебя...

— Жди здесь! — Она легко, как птичка, снялась с места, и тени деревьев поглотили её.

Лука собрал банкноты и распихал по карманам, затем прошёлся по периметру площадки. Потянуло запахом сирени. В следующий раз надо принести её Мирре. Если, конечно, у неё ещё есть эта способность — ощущать ароматы.

До него донёсся какой-то звук. Потом лицо обдала воздушная волна, а прямо по курсу нарисовался летучий объект. От неожиданности Лука замахал руками. Покрытый перьями шар неодобрительно зыркнул и выбрал для посадки ветку поодаль.

От самой густой тени отделился другой шар — без перьев.

— Это папин любимец, — кивнул он в сторону вертевшейся вокруг своей оси головы. — Эй, Виконт!

Но сова оставила зов без внимания, продемонстрировав свой затылок, в светлых перьях которого отражались лучи садового фонаря.

— Ты как нежить! — воскликнул молодой человек. — То исчезаешь, то возникаешь опять.

— Обходной маневр. Чтобы не засекли. — Она сняла с плеча торбу и шмякнула на столик. Внутри звякнуло. — Держи.

— Что там? — Вопрос напрашивался сам собой.

— Так...золотишко кое-какое. — В ответе прочитывалось столько напускного равнодушия, что его уловила даже сама девушка, а потому добавила уже другим тоном: — Коллекция монет.

— Не знал, что ты нумизматикой увлечена.

— Да ничем таким я не увлекаюсь, — неясно по какой причине вспыхнула Алька, а ей в ответ на руке Луки блеснули часы дайверов «Панерай». — Первую монету отец подарил моей маме на моё рождение. А потом одаривал на каждый день рождения уже меня.

Луке было известно: после развода Алькина мать предпочла исчезнуть со всех радаров. Как-то в порыве откровенности дочь показала потенциальному жениху наследство матери-художницы. Оно занимало в доме отдельное помещение и представляло собой собрание картин, иллюстрировавших древние санскритские тексты — Веды.

В памяти запечатлелось большое, во всю стену полотно: чтобы проверить, не ел ли малыш глину, мать Яшода заглядывает Кришне в рот, а видит там Вселенную и саму себя.

Алька тогда задержалась у скромной по размеру картины, где господь Кришна и его вечная супруга Радхарани качаются на качелях.

— Глянь на их ноги. Маме всегда удавались стопы.

Луку больше занимал задний план изображения. Роскошный сад. Судя по всему, он был списан с местного из «Красных кирпичиков». Вот и мощное дерево имеется. Дуб? Ясень? С надёжной веткой, на которую нестрашно повесить качели.

При этих некстати нахлынувших воспоминаниях молодого человека внезапно посетила крамольная мысль: а если дать заднюю? И не менять Алькино придание на хрустящие банкноты? Потому что ещё неизвестно, насколько эффективным окажется лекарство, которое они приобретут на эту баснословную сумму. Вот и доктор Шехтман говорит, что это не стопроцентно.

А пауза тем временем затягивалась и грозила вылиться в нечто большее.

По тому, как его бывшая избегала смотреть ему в глаза, Лука догадался: искушение посетило и ту сторону.

— Лучок, тебе не кажется, что ты тормозишь, как... модем выпуска 99-го года.

Неожиданное заявление для человека, бесконечно далёкого от современных информационных технологий и потевшего сейчас в специальном шлеме-щитке от электромагнитных излучений. Лука предположил, что слова заимствованы из отцовского лексикона, но предпочёл заметить только «Лучок»:

— Ты права, Апполинария! Время выдвигаться!

Однако оба продолжали сидеть, словно вросли в скамью. А на них сверху понимающе взирал Виконт. Мудрая птица- сова!

Глава 17

Заказ на собственную смерть

Предо мной металлическая дверь. На ней следы подошв. Кто-то дубасил ногами.

Снова цифра «8» на панели домофона.

И опять нет ответа. Всё повторяется.

Я тупо смотрю на белые начертания цифр.

Скоро возвращаться в своё расчленённое тело. Голова — отдельно. Руки и ноги где-то рядом.

В отчаянии беру пример с хозяина кроссовок, чьи следы отпечатались на дверной поверхности. Но бью руками. Затем в отчаянии хватаюсь за железную скобу ручки. — Дверь поддаётся! Её нижняя кромка ударяет по большому пальцу ноги. Боль! Это конец. Потому что во сне не бывает больно.

Возвращение белого потолка. И что-то новенькое! Трещинка. Взгляд цепляется за неё и скользит дальше. К тому, что идеально ровное и светлое.

Окно?

Очередная отключка.

Я снова вижу дверной проём. Что-то выскользывает из него. Я ощущаю его по колебанию воздуха. Какая-то тень тени. Изо всех сил хватаюсь за скобу. Она впивается мне в кожу — и просыпаюсь!

Медсестра тычет мне иглой в палец. Анализ крови? Затем начинается забор крови из вены. И почему раньше боялась уколов? Сейчас это ни с чем не сравнимое удовольствие. Всё просто. Физическая боль уравнивает душевную.

Отключаюсь.

Запах краски перебивает все другие — кошек, подвала и старости. Значит, за время моего отсутствия сделали ремонт. Опять мысли! Они могут увести в сторону. Концентрация! Но как собрать себя в кучку, если...

Шаг по лестнице вверх. Забытое ощущение твёрдости.

Встаю на цыпочки. Потом плотно прижимаю руки к туловищу. Зачем? Нет ответа. Кажется, тело само знает, как ему поступать. Не помешать бы!

Делаю глубокий вдох. Внутри — в тёмном межрёберном пространстве начинается вибрация. Пятки напряжиниваются и отталкиваются от бетонки. Я парю.

А потом моя макушка пробивает лестничный пролёт.

Боли нет!

Порядок! Только во сне нет боли. — Физической.

Душевная остаётся. От неё может избавить только смерть мозга. Так полагают учёные.

Полёт заканчивается перед нашей секцией. Её я узнаю по светло-коричневой обшарпанной двери. Но негоже врываться внутрь, паря в воздухе. Дядя Коля — сволочь, но пугать его заранее не стоит. Я осторожно касаюсь дверной ручки. Заперто! Ну, разумеется! Наш сосед мог запомнить про необходимость закрывать дверь в секцию, но собственное пространство он никогда не оставлял нараспашку.

И как его взломать?

Постучаться! Я робко касаюсь коричневой филёнки, выкрашенной в коричневый цвет. (Цвет кала!) Опять отвлекаюсь. Кон-цент-ра-ция, Мирра! — слышен голос Бабуленции.

Похоже, Мирра- или то, что отделилось от её кожаного мешка с костями и кишками, окрику вяло и повторило:

— Тук-тук-тук!

Никто не подал голоса.

Она приникла ухом к щели между дверной коробкой и дверным полотном. Мерное похрапыванье. Он здесь!

Зачем-то Мирра направляется к соседним дверям. На них — клейкие ленты. Запечатано? Нет, это называется опечатано. Мирра, хватил разводиться болтологию! — «Это мысль, а не болтология!» — не остаётся в долгу Мирра, но послушно возвращается в исходную точку.

Однако какой толк стоять столбом перед запертой дверью? От кого из двух «Я» исходит вопрос. Выяснить нет времени.

Ночь на исходе. Скоро рассвет, и под крышей соседней с «Голубятней» сараюхи подаст голос горластый петух.

«Утренняя побудка грядёт! — напоминает голос Бабуленции. — Делай что-нибудь, Мирра! Шевели мозгами, конечностями и чем там ещё!»

Призыв воспринят не сразу. Мой астральный двойник медлит ещё пару минут, после чего покидает секцию.

Куда ты? Нет, он не мастер прямых ответов. Ну судя по его действиям, решение принято. Открыть раму и лезть через окно.

Эй, что ты делаешь? Если вознамерилась свести счёты с жизнью, то просчиталась. Все сне умирают лишь сердечники, а твой мотор работает исправно. Слышала это от врачей собственными ушами. Ноль реакции в ответ. Тогда в ход идёт тяжёлая артиллерия. Мирра, твой астральный двойник не может умереть! Он бессмертен.

Без комментариев.

Она вылезает на карниз, потом... Нет, не видать.

Чтобы продлить это расщепление на «Я» и «Оно», следует...

Нет, нет, постой петушок! Не кукарекай.

Я крепко зажмуриваюсь. Как будто этим можно удержать сновидение. Но оказывается, можно.

Теперь я внутри комнаты. Судя по звуку с дивана, хозяин мне отлично знаком.

Я стою совсем близко к столу. Последний барьер между мной и моим потенциальным убийцей.

Что дальше? Разбудить? Как вообще отдать человеку приказ, если он дрыхнет?

Где-то за окном горланит петух.

«Приди и убей меня!» — кричу я в отчаянии.

Петуху вторит следующий.

Плохи дела!

Глава 18

Про палату смертников и лягушечью серенаду

Палата № 3 примечательна двумя обстоятельствами. Во-первых, наличие пустой детской кровати. Накануне на ней отошла в лучший мир трёхлетняя Вика с тяжёлой патологией мозга. Плюс присутствием взрослой пациентки, для которой сюда доставили дополнительную койку.

Рядом кровать мальчика Павлика с детским церебральным параличом, от которого мать отказалась ещё в роддоме. А вот следующая пациентка семилетняя Анита раньше жила дома и ничем от своих сверстников не отличалась. В три года жарким весенним днём у неё начались судороги, которые родные списали на жару. Однако приступ повторился и холодной осенью. Сначала поставили диагноз — эпилепсия, а после генетического анализа последовал вердикт — болезнь Баттена. Его годичное лечение обходится в 60 миллионов в год. Пока эту сумму собрать не удаётся, и слепая обездвиженная девочка находится в медицинском учреждении.

Напротив входа — окно, а около него в нарушение всех правил прежней жизни- койка со взрослой безымянной пациенткой, чей едва прочерченный силуэт под тонким больничным одеялом напоминает... Ну несложно догадаться, что именно.

Вере неловко, что она не запомнила имя несчастной. Впрочем в её состоянии это уже неважно. Девушка безнадёжна. И самое гуманное в таких случаях — оставить всё на Божье милосердие. Конечно, вслух ничего такого в этих стенах не говорится. Но...

Здесь Веру отвлекает нечто чужеродное для данного учреждения.

Кваканье лягушек! Её ушные мембраны отчётливо улавливают протяжные голоса этих земноводных. Разумеется, этому есть логическое объяснение. Близость пруда. Но дотошная медичка обнаруживает и другое: распахнутое окно. И это в столь неурочное время! Внутри женщины загорается сигнал тревоги, многократно ускоряющий её движения.

Визуальный осмотр Павлика с ДЦП показывает: ребёнок погружён в нормальный сон. Насколько это реально при его диагнозе.

Следующий шаг — к Аните. Её веки плотно прикрыты. Девочка — под действием прописанных доктором лекарств. Здесь всё тоже в относительном порядке. Да смилуется Боженька над ребёнком! Если, он есть...

Третья кровать — в отдалении. И уже на подходе к ней медсестра осознаёт: привычное положение вещей нарушено. Самым кощунственным образом! Ибо голова пациентки находится внутри предмета, который не имеет никакого отношения к этому учреждению.

Здесь в женщина включается медик. С его скоростью решений и, главное, хваткой.

Сорвать этот прозрачный пакет! И начать делать искусственное дыхание.

Прозрачный пакет летит, некоторое время планируя в между койками, подобно воздушному змею. А спустя мгновения приземляется. Потом и вовсе расплывается на полу. И по нему топчутся ноги вызванных на подмогу специалистов.

МИРРА ИЗ ГОРОДА МИРНОГО

Откуда-то — из головы? туловища? а может, космоса — идут сигналы. Чувствую их, но не понимаю.

Это какое-то тайное знание. И мне надо его сформулировать про себя, а потом озвучить. Вот оно уже готово сорваться с языка.

Я что-то лепечу. Но оно исчезает. Как какая-то летучая субстанция.

А потом вдруг появляются куры.

Но если это куры, то почему они курлыкают? Ведь курицы на самом деле кудахчут.

Впрочем, какая разница?

Очень чешется ниже спины. Но руки туда не достают.

Куры покончили с курлыканьем и хором затаили:

— А-а-а-а! О-о-о-о!

Они что — распеваются? Так делала тётя Оля перед спектаклем, где ей предстояло петь.

Опс! Да это не курочки. Это люди в белых халатах. И среди них — Митя Хошабо. Говорят, он теперь женатик. А жена его работает в полиции. Чуть ли не главным следователем.

— Привет, Митя!

Да, я имею право так его называть. Он тоже жил в «Голубятне». Пусть временно, пусть только снимал угол. Но зато каждое утро подтягивался на турнике под нашими окнами. Его мускулистый, но безволосый торс блестел от пота.

— Хватит тарашиться! — рявкала Бабуленция. — Жених никудышный. Калека.

Но потом, когда Митя выучился на доктора, потащила меня к нему. О том, что мне его иголки помогают, я врала. На самом деле мне просто доставляло удовольствие, когда Митя брал мою ладонь в свою и начинал лечение, то есть попросту втыкал иголки в разные точки.

Об истинном положении вещей Бабуленция догадалась. И мы перестали ходить к Мите.

Меня спровадили в «Божью коровку».

Ох, как нестерпимо зудит кожа. Но не станешь же чесаться на глазах у посторонних. Похоже, что вокруг меня собрался консилиум. Или это студенты-практиканты?

Скорее бы все убрались отсюда! Тогда уж дам волю ногтям!

А пока остаётся закрыть глаза и напрягать шею. Чтобы сдвинуть с места тяжеленную свою башку. Никакого результата. А я без сил.

Найти бы хоть какое-нибудь цветное пятно. Отчаянно вращаю глазами яблоками. Вправо — влево. Судя по распределению света, в правой стороне — окно. «Давай, девка!» — обращаюсь я к себе на манер Бабуленции. Мышцы затылка напрягаются вместе с шейными позвонками — голова сдвигается с мёртвой точки. Самую малость. Тем не менее угол зрения теперь другой.

Я вижу нежно-слинянистое окно. А на этом фоне — лицо. Лука? Его губы вытягиваются в трубочку. Опять? Поцелуй через стекло? От него в носу становится щёкотно. Как от пузырьков газа в напитке... Как же его называют? Ну не важно. Мне сейчас главное — прекратить это щекотанье. Пузырьки из носа проникают в рот. А потом во все имеющиеся в теле отверстия. Кр-р-р! Кр-р-р! Нет, это не ворона за окном каркает. Этс Мирра из города Мирного.

— Это пройдёт! — уверяет фигура в маске. — Просто в результате реанимационных мероприятий у тебя задеты голосовые связки.

Мои губы пытаются вылепить что-то в ответ. Но вместо слов получается лишь одно: буль-буль-буль!

Вокруг — гигантский аквариум. Там в прозрачной, но тягучей жидкости плавают человеческие головы. Они по-рыбьи открывают рты.

В дальнем углу — тоже аквариум. К его стеклу прижаты чьи-то носы. Среди них-

знакомое лицо. Оно потеряло округлость. Более того — на нём впервые прорезались скулы. Это снова Лука. Его губы прижимаются к стеклу аквариума. Поцелуй через стекло.

Надо полагать, что мой ответный поцелуй смотрится как попытка плевка. Всухую.

Глава 19

И наступил день шофёра

В обязанности Зинаиды Сыропятовой входило не только сотрудничество с прессой, но и обратная связь: на стол сотрудников управления еженедельно ложились справки об отражении работы полиции в СМИ. Тем не менее ввести следователя Затопец в курс выкладок замаявшегося на карантине газетчика... Это выходило за рамки её службы.

Однако в Сыропятовой, помимо журналиста, дремал ещё и сыщик. При чём совестливый. К слову, Адаев этим умело пользовался. После покушения на внучку осуждённой Кузюткиной, он вновь напомнил о себе и своей версии пресс-центру УВД.

Выслушав его, Сыропятова убедила — прежде всего себя- что это повод переговорить со следователем Затопец лично.

Тамара Аркадьевна, вопреки Зиночкиным ожиданиям, на встречу согласилась сразу. Во-первых была пятница. Срочные дела были закончены, а уходить со службы рановато. Иными словами, стоило размять затёкшие ноги и дойти до пресс-центра, чтобы поговорить с коллегой. Но не о своём, о девичьем, а по делу. Пусть и списанному в архив.

— Итак, не подлежит сомнению, что денежки у Кузюткиной водились. — вынесла вердикт Тамара Аркадьевна, выслушав Сыропятову. — Что дальше?

— Но это почему-то держалось в секрете! — Зинино замечание прозвучало невпопад, но она готова была выглядеть профаном в глазах старшего по званию, лишь бы получить хоть какой-то отклик.

— Последствие смуты 90-ых? Или по какой-то другой причине... Сейчас это уже неважно. А вот насчёт их источника стоит поразмышлять, — слова прозвучали походя, но Зиночка сжала кулачки. На удачу!

А Тамара Аркадьевна сделала глоток приготовленного Зиночкой кофе и продолжала:

— Разносчица газет Кузюткина — финансовый гений? Сомневаюсь.

— Вилен Владимирович считает, что деньги имеют длинную историю.

— И он поделился ею с тобой? — По лицу следовательши промелькнуло что-то вроде снисхождения. Скорее всего оно адресовалось журналисту. Впрочем, Зиночке в тот момент это было без разницы. Она изо всех сил поддерживала интерес в собеседнице, выискивая в памяти стоящие факты.

— А начинается история в пролетарском прошлом Капитолины, а точнее, в типографии. В бытность свою ответственным секретарём редакции Адаев протопал по ней сотни километров.

— Не могу о том судить. Меня не было в Мирном, — прервала рассказчицу Затопец. Но та, и бровью не повела, а только прибавила скорости собственному звукоизвлечению.

— После приватизации предприятие модернизируется. Заказы стабильны и прибыльны. Но по городу ходят слухи: мелких акционеров — печатников принуждают продавать акции. Кузюткина, ставшая заместителем директора, лично вызывает их в свой рабочий кабинет и грозит увольнением.

— Ты это ведёшь к тому, что спустя годы объявились народные мстители? — снова прервала Затопец.

— Возмездие настигло раньше. В виде аварии.

— Подстроена?

— Доказать не удалось! — Зиночка набрала в лёгкие побольше воздуха и продолжила:— Но после неё всё у Капы идёт по наклонной. В городе появляются другие типографии, и у них более низкие расценки. Заказы— в том числе от администрации города— перенаправляются туда. Кузюткиной ничего не остаётся, как продать бизнес. Бывшая капиталистка уходит в осадок, ведя неприметную жизнь сначала уборщицы, потом разносчицы газет. Однако об её кубышке помнят. Кто именно? Не исключено, что обиженные акционеры. А это мотив.

— Согласна. Но...

Но тут в кармане с силой вибрирует сотовый.

«Этак и все швы в кителе разойдутся!» — такая мысль посещает его владелицу, но уже в следующую секунду она забывает и про мощностъ виброразговора, и про дело Греты Тунберг. Затопец встаёт и ковыляет к выходу: у неё затекла нога. А ещё резко испортилось настроение. Вот тебе и пятница!

Капитана Затопец вызвали на улицу Центральную. Там потребовался специалист для переговоров с некой блогершей. Одуревшая от домашнего заточения, она вела прямую трансляцию он-лайн подготовки прыжка с четвёртого этажа. У распахнутого окна стоял табурет, а женщина взяла в правую руку трёхлетнюю дочь, а в левую годовалого сына. Но блогерша, видимо, не рассчитала крепость конструкции табуретки, и на глазах тысяч зрителей прямого эфира пошатнулась и грохнулась оземь. Вместе с ребятишками.

Вызванные полицейские устремляются с соседнего балкона в квартиру горе-мамаши. Они успевают вовремя, ибо малышка разбила бровь. Мальчик отделался ушибами. Хотя операция в целом завершилась без жертв, Тамаре Аркадьевне устроили разнос: почему женщину не остановили вовремя?

Этот инцидент и последующий разбор полётов занял достаточно много времени, так что наступила вполне законная пора вспомнить и о утехах дня шофёра. И первым в списке числилась баня. На даче в Лопуховке супруг Тамары Аркадьевны уже всё подготовил для совместного омовения.

А в это же самое время Лука навещает Мирру по новому месту лечения — в неврологическом отделении местной больницы. Одноместную палату ей оплатят из привезённых Лукой денег.

Помещение не отличается большими размерами, и консилиум (так Лука обозначает для себя группу людей в белых халатах) едва уместается в ней. Может быть, оттого дверь остаётся приоткрытой, и до слуха молодого человека долетают слова: шкала Глазго, речевая и двигательная реакция, открывание глаз. А он уже в курсе: шкалой врачи пользуются для оценки тяжести комы. Остальное — показатели нарушения сознания.

Сегодня Лука намерен вернуться в Москву, а потому ожидает завершения обсуждения. Тогда он сможет попрощаться с Миррой без свидетелей. Однако медики задерживаются у постели больной. Впрочем, на самом деле Лука не знает, сколько должен длиться данное мероприятие. Ему это ожидание под дверью кажется бесконечным.

Наконец, они выходят всей гурьбой, и Лука не без опаски отворяет дверь, чья белизна внушает уныние. «Недаром же на Востоке это цвет траура».

Мирра лежит на спине с вытянутыми по швам руками. На руках — что-то вроде полотняных рукавичек. Такие он видел у первенца деда, когда семья ездила поздравлять его с рождением сына. Вошедшая следом медсестра поясняет:

— Чтобы не расчёсывала себя.

— Она что, шевелится?

Сестра в ответ лишь пожала плечами.

Лука берёт стул, но к постели больной не придвигает, а просто стоит в замешательстве. Времени в обрез. Обратный билет уже уютно уместился в его барсетке.

В последний раз поездка в поезде по степени негатива не напоминала путь его героя Харта на станцию «Конечная». Хотя в вагоне ехали вахтовики и, понятное дело, досуг заполняли не тихими настольными играми, но Луке не мешали. А даже наоборот, создав бодрый шумовой фон, навели на некоторые мысли. Про жизнь.

А потом он задремал. И под стук колёс и раскатистые мужские голоса ему привиделось, что он заглядывает через больничное окно. За которым — Мирра. И тут он делает совершенно невообразимую вещь. Нет, не воздушный поцелуй. А самый настоящий. Пусть и через стекло.

От этого воспоминания сейчас как-то неловко. Хотя это всего лишь сон. А что это такое на самом деле никто толком не знает. И зачем он нужен тоже. Ну кроме того, чтобы называться сном.

Признаться, он всё-таки кое-что почитал из специальной литературы. И доходчивее всего по этой части изъясняется Джеффри Армстронг в своей «Восточной мудрости для нового века». По мнению этого чувака, у человека три тела: духовное, которое подобно ядру внутри скорлупки — физического тела, ментальное(его ещё называют телом сновидения) и материальное. По мнению этого самого Армстронга, сны — это разновидность внетелесного опыта. Ну и далее — всё в том же духе.

До конца книжку Лука не осилил, хотя благодаря Альке, вернее картинам её матери, Востоком заинтересовался. Пожалуй, по возвращении в Москву стоит вернуться к этой теме.

Пока медсестра смачивала губы пациентке, Лука прислушался к доносившимся откуда-то из коридорам голосам. «Как будто из другой вселенной».

Когда медсестра, закончив с манипуляциями, двинулась к выходу, Лука поймал себя на мысли, что не хочет оставаться здесь в одиночестве.

«Как будто я здесь живой один!»

Да идите вы в баню, товарищ майор!

Вдали маячили корпуса предприятия по утилизации химического оружия. Мрачные, обезличенные коробки. Тамара Аркадьевна, притормозив на развилке, некоторое время смотрела прямо перед собой. Пока не послышался рёв мотоцикла: это гнал на дачу её коллега, получивший прозвище «Чингачгук». За папу-латиноамериканца. Ну и унаследованные соответственно черты лица.

Когда-то именно с ним у Тамары Аркадьевны случился роман, который прошёлся по ней таким асфальтовым катком. И если б не доктор Хошабо...

Одно дело видеться с бывшим любовником в официальной обстановке. Но тэт-а-тэт! Да ещё на развилке. И Затопец резко повернула налево — напрямик в переулок Малиновый.

Мотоциклист не отставал. Что оставалось делать? Сделать вид, что ты при исполнении. Благо, здесь, если ей не изменяла профессиональная память, проживал бывший муж главного фигуранта закрытого, но памятного дела. Ох, никак не хотела её отпускать эта Грета Тунберг!

Дворик был так захламлён, что чёрт ногу сломит. И Затопец извлекла из сумочки очки. Хозяин дома у оврага при виде визитёрши не высказал ни грамма удивления.

«Так хорошо владеет собой?»

Узнав о цели визита, широко распахнул дверь. Тамара Аркадьевна его приглашение приняла. Её женская, да и профессиональная интуиция, никаких сигналов не посылали.

Они прошли в комнату, именуемую «залой». Старый телевизор, накрытый вязаной салфеткой, на стене — ковёр с оленями на фоне изумрудного леса, круглый стол, покрытый давно забывшей свой изначальный цвет скатертью. За ним и устроились. Друг против друга.

У хозяина довольно густые бакенбарды. Во времена его молодости они были на пике моды и придавали их обладателю шарм. Видимо, за это он и прихватил их в зрелую пору жизни.

Тамара Аркадьевна сняла очки и положила их рядом со своей папочкой. Без своих окуляров она выглядела усталой и более уязвимой. Видимо, прочитав это в глазах своего визави, женщина снова надела их.

— И с чем вы ко мне, уважаемая, конкретно пожаловали?

«Уважаемая» обошлась без предисловий:

— Что вам известно о покушении на вашу внучку?

— Внучка? Никакая она мне не внучка! Это пункт один. А что касается остального, так девка сама напросилась.

От изумления гостя даже подалась вперёд:

— Как вас понимать?

— А так и понимать! — Пальцы мужчины касаются правого бакенбарда, словно проверяя — на месте ли. — Пожаловала ко мне и попросила: «Убери меня с этой земли!»

— Гражданка Потешкина, как явствует из материалов дела, уже продолжительное время находится в беспомощном состоянии и явиться к вам с визитом не в состоянии. — Здесь с противоположного конца стола последовал взгляд, каким умудрённые жизнью люди смотрят на юнцов и юниц.

— А сон на что?

— Вы хотите сказать, что гражданка Потешкина передвигается в сонном состоянии? Как лунатик?

— Ну в точности-то не могу сказать, только видел её — как вас сейчас.

— И где же это произошло? — Женский голос уже не маскировал иронии.

— В общаге. Я тогда приболел. Меня даже «Скорая» забирала. Чуть не окочурился.

В двери показалась рыжая кошка, но смерив гостью недовольным взглядом, удалилась.

— Вы утверждаете, что это был ваш личный сон? — Теперь в голосе прочитывалось явное нетерпение.

А чей же? Я один живу.

— И вы откликнулись на просьбу и отправились в больницу с намерением... — Последовала пауза.

— Пакет прихватил. Чтоб без шума и пыли.

— Поясните.

— Неужто не знаете, товарищ милиционер? Называется метод — «кошачьи ушки».

Икроножные мышцы следователя при этих словах напряглись. А хозяин продолжал бубнить:

— У Мирки и бабка умела сниться. А то бы разве я на ней- беременной, женился? Да ни в жизнь!

Здесь Тамара Аркадьевна оперлась обеими ладонями о стол, давая знак: «С меня довольно!» Но сигнал проигнорировали:

— У лопуховских баб такой дар имеется — сниться и рулить. А всё потому, что радиация... А может, химия. В точности неизвестно. Но одно ясно — хрень!

Тамара Аркадьевна вскочила, ударившись о крестовину, поддерживавшую столешницу. Мужик явно бредил. Но здесь она была бессильна. Не её компетенция. А потому с чувством выполненного долга покинула дом у оврага. Села в своё авто и обмерла: в глаза ударил свет фар. Мотоцикл Чингачгука, которого на самом деле звали Ромеро Тальякагуа. Вот он спешил и зашагал к ней:

— Ты какими судьбами здесь? — по обыкновению своему без церемоний осведомился майор.

— По делу. — Она пыталась вложить в интонацию как можно больше официоза, но вышло неубедительно.

— Пустишь? — Он кивнул на салон.

Она молча открыла дверцу.

Перед тем как подсесть к ней, он снял шлем, и чёрные, прямые волос (ну вылитый индеец) упали на виски и лоб. У неё перехватило дыхание. Вот так бы и сидеть рядышком всю ночь напролёт! И вдыхать запах его кожаной куртки! Но, похоже, Чингачгуку этого было недостаточно. Его ладонь легла на её колено. И Тома подумала о том, что у неё на ногах старые разношенные кроссовки. А ещё форма с капитанскими звёздочками.

А рука, тем временем, двигалась к заветной цели.

— Никуда не денешься, если разденешься! — Голос вошёл в её уши таким сверлом. Периферическое зрение успело отметить пышные бакенбарды в боковом зеркале.

— Прошу прощения! — выпалила она, не глядя на своего пассажира. — Но идите-ка вы в баню, товарищ майор!

Он вернулся взглядом к распростёртому на кровати телу.

«Никаких проводков, никаких датчиков». — Уже в который по счёту раз констатировал ум, подтверждая прежние выводы и укрепляя в решении уехать. Да, он сегодня же покинет этот город. А дальше ему придётся жить с этими воспоминаниями. Но потом память смилостивится — и всё пережитое станет мало-помалу терять остроту. А чтобы ускорить процесс, он должен излить свою душу на бумаге. Да, это, пожалуй, лучший выход. Написать историю. Наконец-то стоящую. И родители будут довольны.

Его взгляд остановился на руках умирающей. Полотняные рукавички как-то зловеще обрубали поросль, струившуюся по девичьим рукам. На фоне белой кожи татуировка выглядит ярче, подумал он и устыдился собственной мысли. А потому поспешно перевёл взгляд за окно — на цветущую сирень. «На бордовых соцветьях пятна тлена будут смотреться не так удручающе, как на белых». Его мозг, похоже, метался, ища способа заякориться. «А это ещё что за странное словечко всплыло в памяти?»

Вот сейчас он встанет и скажет прощальные слова. Какие положены в подобных случаях.

— Кхе- кхе!

Он инстинктивно повёл шеей на этот звук. Палата была пуста. Ну если не считать... Он сделал над собой усилие и повернулся всем корпусом. Да нет же! Это результат напряжения последних месяцев. Да и перенесённую инфекцию не следует сбрасывать со счетов.

Молодой человек двинулся к выходу и уже взялся за дверную ручку, когда его настигло чувство стыда. Чего он испугался? Сейчас он попросится и навсегда покинет это место. Нет, он не будет дарить ей прощальный поцелуй. Это не соответствует санитарным нормам. Если только через стекло защитного экрана, которым он заблаговременно обзавёлся.

В горле стал набухать ком. Он вынужден был откашляться. Звук, столкнувшись с потолком, рикошетом ударил по собственным слуховым проходам. Что несколько привело его в чувство. Он задрал манжет толстовки и глянул на часы. Отведённое на прощание время истекло.

— Прощай Мирра из города Мирного! — произнёс он.

Осталось развернуться и...

Воспитание сделало своё дело: молодой человек, чтобы не поворачиваться к даме спиной, сделал два шага назад. А чтобы не споткнуться, чуть повернул шею.

Предупредить ли персонал, что он... ну что это его последний визит? Или вообще уйти не прощаясь? Разрешить эту дилемму он не успел. Его отвлёл низкий, почти утробный голос:

— А что там было?

— Где? — прошептал Лука, повинувшись привычке воспитанного человека давать ответ на поставленный вопрос.

— На станции «Конечная», — прохрипели в ответ.

Глава 22

Где муж?

Неладное она ощутила уже во дворе. В воздухе отсутствовал запах характерного дыма из трубы натопленной баньки.

При входе не раздались характерные для больного ДЦП шаркающие шаги.

— Митя, ты где?

Она прошлась по всем комнатам, теряясь в догадках: что за неотложность помешала молодому мужу заключить её в объятия? И здесь, следует заметить, что при своём недуге доктор Хошабо отличался завидной фигурой. «Этакий кентавр! — первое, что подумала о нём Тамара Аркадьевна при знакомстве. — Только вот ноги подкачали».

Нет, это не было страстью с первого взгляда. Скорее способом убежать от болезненных отношений с майором Тальякагуа. И она ещё ни разу не пожалела о своём выборе.

Это было первое огорчение её брака. Мужа не оказалось дома. И это в пятницу. Когда планировалось столько всего приятного.

Раздосадованная женщина прошла в кухню, чтобы выпить чего-нибудь освежающего. По всем признакам, уход мужчины был спонтанным. Готовое мясо в духовке, выставленная бутылка вина.

А если Митя, готовя ей сюрприз, решил встретить её не дома, а уже при подъезде в деревню? Но тогда он должен был проследовать за нею и в дом у оврага. А там... Там был его старый соперник на мотоцикле.

Тамара Аркадьевна сглотнула. Надо промочить пересохшее горло. Она налила себе минералки. А мысли продолжали крутиться, как бельё в стиралке.

Если муж, ничем не выдавая себя, следил за ней? Но что он мог видеть? Ну положил ей мужик ладонь на колено. Ну потянулся и дальше. Но тут ведь возник тот безумец... Что признался в проникновении в палату невролого-психиатрический диспансер и покушении на убийство посредством удушения.

Здесь взгляд Тамары Аркадьевны заметался по помещению, пока не наткнулся на скромный листочек, пришитый к стеночке над плитой.

«Томочка, ужинай без меня. Срочный вызов. Безнадёжная пациентка пришла в себя».

«Но не отдала же концы, а наоборот. К чему же вся ажитация!»

Последнее слово не было характерно для лексикона капитана Затопец, что говорило о том, что она по-настоящему расстроена. А лучший способ вернуть душевный баланс — это разобрать служебные бумаги, до которых ещё не дошли руки. Им отводилась специальная папочка. без названия. И Тамара Аркадьевна, предварительно перекусив, взялась за папку без названия, где лежала докладная записка от лейтенанта Сыропятовой. Да, Зиночка и здесь не сплеховала: мало того, что лично с Затопец переговорила, ещё и докладную по всем правилам всучила.

Как сообщил редактор газеты «Вести Мирного» В.В. Адаев, проживающий по адресу г. Мирный, улица Колхозная д. 17, кв.21, у него появились дополнительные сведения, способные пролить свет на покушение на убийство пациентки психо-неврологического диспансера Потешкиной М.А., зарегистрированной по адресу г. Мирный, переулок Озёрный, д. 4 секция 19, комната 3.

Как следует из его сообщения, упомянутая выше гражданка Потешкина приходится

внучкой гражданину Шульпякину Н.Г., проживающему в той же секции, в комнате № 2.

Да не приходится она ему внучкой! — пробормотала Тамара Аркадьевна. — Сведения, не нашедшие своего подтверждения.

Ей пришлось призвать на помощь всё своё терпение, чтобы не вернуть лист в папку без названия.

Гражданин Шульпяков являлся законным супругом бывшей владелице типографии «Искра», позднее проданной бизнесменам Дамировым.

Бывшая разносчица газет Кузюткина К.К., осуждённая за нанесение тяжких телесных повреждений, повлёкших за собой смерть человека, являлась владелицей крупной суммы.

После такого чтения кого хочешь потянет на боковую!

Нет, не надо подвергать женщину остракизму. Ведь дело было в пятницу!

МИРРА ИЗ ГОРОДА МИРНОГО

И опять это кудаханье.

Может, вместо людского, попала в птичий рай? А потому его обитатели разглядывают меня как неведомо откуда взявшуюся диковинку. А если это карма? За то, что ела курятину.

Зрение фокусируется.

Нет, это не курочки. Это люди в масках.

Слышится голос доктора Шехтмана. Кажется, он доволен мной. Выходит, и я могу быть источником позитива?

Интересно, будут ли эти люди расспрашивать, что я видела за чертой? О всяких там туннелях? О встречах с умершими. Никого я там не видела. Курицы не в счёт.

Их лица скрыты под масками. Но я различаю их по глазам. У Бориса Львовича они цвета зрелых желудей, у Мити — как озёрная вода в пасмурный день.

Теперь в их курлыканье различаются слова. А вот со смыслом... Наверное, медицинские термины.

Доктор Шехтман хлопает по Митиному плечу и уходит. А Митя склоняется надо мной:

— Привет, Мирра! — Моё имя он произносит с осторожностью, словно боится навредить.

В ответ пытаюсь разомкнуть губы и вылепить ими хоть словечко. Видя тщетность моих усилий, Митя достаёт что-то белое и проводит по моему рту. Влага проникает на язык. Как вкусно!

— Мы думали, что ты уже наострила лыжи.

— К-к-у-уд...? — из горла вырывается звук, похожий на воронье карканье. Но похоже, что оно приводит Митю в полный восторг: блаженная улыбка расплывается по его лицу.

— В лучший мир, — поясняет он. И тут же поправляется: — Но ведь тебе и здесь должно быть неплохо. Или я не прав?

Чтобы не огорчать его, я протяжно мычу. Это должно означать согласие. Но сомнения не оставляют меня.

Глава 23

Понедельник — день тяжёлый

Нет, не в правилах Тамары Аркадьевны было полагаться на чьё-то мнение. Требовалось документальное подтверждение наличия у Кузюткиной банковского счёта. А для этого, в свою очередь, необходимо было обоснование нарушения тайны вклада. Иными словами, Тамаре Аркадьевне предстояла бумажная рутина.

Понедельник, как известно, день тяжёлый. Особенно, если накануне — празднование бумажной свадьбы. На торжестве в узком семейном кругу поднимался тост и за профессиональные успехи доктора Хошабо, в числе которых выведение из комы последней тяжёлой пациентки. Здесь то ли на Митеньку сошло вдохновение, то ли алкоголь так подействовал, но остаток вечера, к досаде новобрачной, прошёл под знаком Мирры.

С неё же, вернее с её покойной бабки, начался и первый рабочий день недели у капитана Затопец. А поскольку никому не доставляет радости признание своих ошибок, к обеду Тамара Аркадьевна чувствовала себя как выжатый лимон. Да и ноги её, закинутые одна на другую (здесь супруг-доктор крайне неодобрительно покачал бы своей мощной головой кентавра) отяжелели и отекли без движения. В общем, Тамара Аркадьевна решила совершить небольшую вылазку. Ей всегда хорошо думалось во время ходьбы.

Удалившись от служебного кабинета на достаточно большое расстояние, Затопец вспомнила, что забыла про медицинскую маску. На её счастье в тот день она облачилась в гражданскую одежду, а потому могла вполне сойти за рядовую не слишком дисциплинированную гражданку. Переходя по мосту имени ФУБХУХО, она дала себе передышку и полубовалась утками, деловито скользившими по водной поверхности. Отчего её тонус поднялся на пару делений. А потом, не слишком отдавая себе отчёт, она свернула на улицу под названием Коллективная.

На пиликанье домофона ответил женский голос. Если это была соседка Шульпякова по секции, то привычка задавать вопросы гостям у неё отсутствовала. Поскольку с разрешением подняться не заставило себя ждать.

А вот капитан Затопец несколько тормознула. Из-за непривычного расположения секций. Прежде не доводилось бывать в общаге. На труп режиссёра народного театра выезжали другие сотрудники.

Наконец, она добралась до цели. Но перед тем как постучать, помедлила. Чтобы дыхание выровнялось.

— Как вы узнали? — С порога спросила открывшая женщина.

На ней было какое-то несуразное платье. Оно сидело так, как будто пуговицы застегнули неправильно. Этот факт мимо Затопец не прошёл. Ибо она сама только недавно утвердилась во мнении: одежда — это не просто некая упаковка. Это всегда про желания. Или их отсутствие.

Однако следующие шаги принудили все эти соображения отойти на второй план. Ибо уже с порога она заметила, что интересующий её человек погружён в сон. И как она заподозрила, на этот раз в вечный.

— Да он меня сам вчера пригласил.

— Старшая по дому! — объявила женщина.

— Вы провели здесь ночь?

— На что вы намекаете? — оскорблённо поджала остатки съеденных губ Ульяна.

— А кто ему книжицу в руки вложил?

— Это не книжица, а Псалтирь. — Тонем взрослого объясняющего ребёнку прописные истины произнесла женщина. — Коля ещё не успел затвердеть, когда я... ну понимаете. Вот я и решила, что если исповедоваться бедолаге не пришлось, то хотя бы. ну понимаете.

Затопец ничего не поняла, но кивнула.

— Почему вы не вызвали «Скорую»?

— Коля не велел!

— Он объяснил причину?

— Его уже забирала «Скорая».

Смысл высказывания остался неясен, но Затопец решила не заикливаться и пошла в наступление:

— Но вы должны были предугадать последствия!

— Коля не любил, чтобы слабость его видели. Всё в себе держал. Если только в стихах отдушину находил. А тут ещё эта зараза... Перед самой кончиной всё кричал: «Капля!»

Да это и понятно. Вирус-то ему в капле передался. Так сказать воздушно-капельным путём.

На этот счёт у Тамара Аркадьевны были свои соображения, но она их не озвучила. К тому же и женские губы напротив скорбно сомкнулись. Как створки раковины. Никаким лезвием не разжать.

«Да, и подобные мужские особи кому-то желанны!» — мелькнула мысль, но Тамара Аркадьевна отогнала её. Как не имеющую прямого отношения к сути вопроса.

Она обещала своему «кентавру», что непременно вернётся к ужину. А потому проследив, чтобы вызвали труповозку, отбыла в Лопуховку.

Они уселись перед телевизором со всем комфортом. Первым делом принесли второе кресло для Вилена, который будучи зрителем только программы «Время», прежде довольствовался стулом. Затем Вера поставила на журнальный столик фисташки, которые были призваны заменить шоколадные конфеты, ибо на семейном совете приняли единодушное решение отказаться от вредностей, портящих фигуру.

Анонсированное ток-шоу посвящалось делу Греты Тунберг, и, как водится, в первую минуту ведущий Арсений Алянский с неизменным блокнотом-шпиргалкой освежил зрительскую память посредством фрагментов прошлых передач. На экране возникло лицо Капитолины Кузюткиной, после чего на неё с помощью фотомонтажа напялили маску юной скандинавки. И понеслось!

— Но как так случилось, что... э-э-э... по сути дела был осуждён-э-э-э- невинный? — В голосе ведущего звучало неподдельное возмущение, которое было единодушно разделено по эту сторону экрана.

Оба супруга чуть подались вперёд. Ведь вопрос адресовался присутствовавшей в студии капитану Затопец. Женщина, одетая в брюки и жакет-френч болотного цвета, мгновенно оценённый зрительницами, тяжеловатой поступью последовала к указанному месту на гостевых диванах.

— В ходе следствия были приняты все имеющиеся в нашем распоряжении средства... — начала Тамара Аркадьевна своим профессионально поставленным голосом, который заполнял эфир положенные 15 секунд. В течение них Вера озадачилась вопросом, почему френч вздулся в области бюста, а её супруг и вовсе переключил внимание на извлечение ядрышек из скорлупок. Он успел завершить процесс, когда до него донеслось:

— Осуждённая Капитолина Кузюткина намеренно ввела следствие в заблуждение, взяв вину на себя.

— И какую же цель она...э-э-э преследовала?

— Отвести подозрение от внучки. — На экране возникло лицо Мирры.

— Но откуда ей были известны детали преступления? — подал голос мужчина простецкого вида, который совершенно не стыковался с указанными в титрах регалиями. — Ведь чтобы убедить следствие, нужно обладать фактами. В связи с чем хотел бы задать вопрос: проводился ли следственный эксперимент?

— Следственный эксперимент был осуществлён, — отвечала Затопец невозмутимым тоном. — Кузюткина в деталях поведала о своих действиях.

— Значит, кто-то её проинформировал, что говорить! — настаивал бывший следователь, а ныне пенсионер, и рубанул воздух ребром ладони.

«Такой же фирменный жест отличал метранпажа Петровича, когда он высказывался о политике», припомнилось Адаеву.

— Дело в том, что за Кузюткиной стоял вполне информированный гражданин. — Голос Затопец не поднялся ни на октаву.

На экране возникла фигура ведущего, объявившая:

— А кто этот джокер в данной криминальной колоде мы узнаем после рекламы. Не переключайтесь! Мурашки на подходе!

Вилен Владимирович призыву не внял, а, взяв пульт, прошёлся по другим каналам. Вера отправилась заваривать чай.

Следующая часть началась всё с того же: Капитолинино лицо, маска Греты. Правда, градус несколько повысился благодаря картинке с тоннелем, где и разворачивалась драма. Потом перешли к старушке-живодёрке. Её портрета почему-то не нашлось. Его заменил мусорный контейнер, где были погребены несчастные котята. После чего камера вернулась к крупному плану Затопец, и стало ясно, что в перерыве женщина додумалась расстегнуть пару пуговиц на френче.

Дальнейшее действие показало: представительница от Мирного сделала выводы не только по поводу своего «лука», но и стоимости эфирного времени. Речь Затопец значительно прибавила в темпе:

— За всем этим стоял сосед Кузюткиной и по совместительству бывший муж, некий Николай Шульпяков.

— Но как вам удалось разгадать преступный замысел? — взял инициативу в свои руки ведущий.

— Дело в том, что Шульпяков пошёл на убийство собственной сестры, известного в городе представителя культуры.

— Получается, что если бы он не совершил нового преступления, всё осталось шито-крыто? — спросила девушка-блогер, известная своим голосом, напоминающим скрежет острого предмета по стеклу.

На лице Тамары Аркадьевны отразилась досада: нет, не привыкла она к подобной беспардонности. А потому ещё прибавила скорости в высказываниях:

— Предположительно, эта женщина, осведомлённая о преступных замыслах брата, а на мой взгляд, и на каком-то этапе его поддерживавшая, что называется, пошла на попятную. То ли совесть заговорила, то ли по каким другим соображениям, нам не известным...

— Получается, всё это время невинный человек сидел в тюрьме! — рявкнул микрофон в руках сериального актёра.

«Видимо, и его вирус достал, коли по ток-шоу двинул,»-подумалось Адаеву, отчего на сердце потеплело: не один он со своими «Вестями» пострадал!

— Самое главное, что нам удалось изобличить истинного убийцу! — Затопец, судя по всему, вникла в законы жанра, а потому принялась прерывать сама.

— Он взят под арест? — включился Алянский, до того не поднимавший глаз от блокнота-шпаргалки.

— К сожалению, Шульпякову удалось избежать правосудия, — начала Затопец. Но тут оператор взял крупный план ведущего, который известил о новой порции рекламы.

Супруги Адаевы занялись чаем.

— А я так думаю, Виль, не будь тебя, эта дама ещё долго бы за убийцей гонялась. Ты ведь ещё когда усомнился..! Можно сказать, сразу.

— Да нет, Верочка, далеко не сразу. А поначалу даже поверил, что это Капелька... ну, то есть Капитолина. Но не было счастья, да не счастье помогло. Раскопал на карантине старые записи, вспомнил про пса, который не лаял. Ну и пошло-поехало.

— Да, помню. Честно говоря, мне тогда подумалось... — Здесь Верочка взяла паузу, чтобы подобрать нужные слова.

— Блажью? — пришёл ей на помощь супруг.

— Что-то в этом роде.

Реклама завершилась, и Адаевы снова прильнули к экрану. Однако последующая часть оказалась более вялой. Как ни старался ведущий. Возможно, из-за того, что речь в ней зашла о мотивах, а они оказались довольно банальные: деньги. Да и эксперты не блистали оригинальностью, ополчившись на Капитолину за то, что та не смогла ни толком распорядиться финансами, ни найти надёжное убежище для себя и внучки. Но тут за неё неожиданно вступилась Тамара Аркадьевна, вдруг сбросившая привычную маску законника.

— Вы тут сидите — все такие пронизательные, задним умом сильные, а того не разумеете, что провинция совсем по другим правилам живёт... И куда бы бедная женщина побежала? Как говорится, куда бедному крестьянину податься, если Мирный- родной для неё город, где и могилы близких, и родня какая-никакая.

— Правильно говорит! — поддержала Вера. Но московская студия с ней не согласилась.

— Да кто вы такая? — зашлась в крике девушка-блогер. — Кто вы, чтобы выносить оценки?

— Кто я? — Казалось, что с лица капитана Затопец разом сошли все краски, а с ними и профессиональное самообладание. — Скажу вам страшную тайну. Я часть той аморфной массы, что вы называете народонаселением. Я из тех, кто безропотно принял решение элиты о развале великой страны, а также о переименовании милиции в полицию. Я из тех, кто исправно платит налоги из своих не самых великих доходов. А ещё кто хранит кое — что от так называемых традиций.

Потоку второстепенных откровений положил конец ведущий:

— Получается, что на самом деле маньяком был первый муж Кузюткиной?

— Он и его сестрица-подельница только играют в маньяка. И это срабатывает! — врывается в эфир Затопец. — Они убеждают бабушку Капу, что её внучка и есть преступница.

— Как можно быть такой наивной? — вставляет свои три копейки девушка-блогер. Но Затопец уже не сбить с панталыку:

— Капитолина, чтобы спасти внучку, инсценирует нападение на сотрудника управляющей компании. — Здесь она набирает воздуха в лёгкие, а воспользовавшись этим, девушка-блогер выпаливает:

— И ясное дело, попадается!

Затопец, игнорируя её, продолжает:

— Несовершеннолетняя внучка остаётся на попечении соседей-родственников. Думаю, что вскоре у них и созрел план по устранению законной наследницы. Действуют брат и сестра по старому шаблону — засадить девушку по обвинению в нанесении тяжких телесных повреждений. Но кто будет мнимой жертвой? Полагаю, что выбор пал на Ольгу. Но женщина отказалась от опасной инсценировки.

— Но почему брат убил сестру? — Камера фиксирует лицо ведущего.

— В ходе ссоры. Женщина упала и ударилась о порог.

Вилен согласно качнул подбородком. Признаться, он впервые стал свидетелем того, как Тамара Аркадьевна заговорила на языке простого межличностного общения.

Просмотр ток-шоу у обоих вызвал двойственные чувства. С одной стороны, восторжествовала справедливость, а с другой... Эта Затопец ни словечком не обмолвилась о нём, журналисте Адаеве.

Ну да Бог с ней!

Вопрос «А что будет дальше?» отступил. Да и нет у них ответа на него.

Девушка кайфует от свободного тока воздуха в лёгких.

«На смену фламинго пришёл новорожденный жеребёнок».

Лука не отрывает взгляда от Мирры, пытающейся совладать с дрожью в коленках. Вспомнив об опорной ноге, девушка с силой нажимает на правую ступню. Главное, не завалиться на бок. Грохнуть лицом в асфальт тоже нежелательно. Что касается тыла, его подстраховывает Лука, везя за Миррой инвалидную коляску.

«Как это вышло, что эти ноги-тростинки вытеснили куда-то на периферию сознания его обитель — мансарду и всё его размеренное существование под бдительным родительским оком. Не была ли его жизнь неким суррогатом? Чем-то вроде поцелуя через стекло».

Но одно было подлинным. И оно заслонило всё. Это маслянистая гладь озера, лягушачий хор, который заглушал трели солиста-соловья.

— Писатели коллекционируют истории, из которых кроют и сшивают собственные тексты, чтобы выставить на продажу, — сообщил он остановившейся для передышки Мирре, продолжив начатый разговор о родительском бизнесе.

— Ты хочешь пустить в дело и... — Она хотела сказать «нашу», но передумала:—...эту историю?

Он коснулся веточки фосфоресцирующего в лунном свете жасмина.

— Не рви! — предостерегла Мирра, и он отдёргнул руку. А прозвучавший вопрос так и остался без ответа.

Они продолжили движение вдоль озера, глубоко вдыхая воздух. Воздух, обещавший вечную весну.

— Ты не думай, что это из-за снов. Ну ты понимаешь, о чём я... — пробормотал Лука. — Наяву не я... Ты поняла, надеюсь.

— Ты это про что? — Она приняла вид недоумевающей невинности.

— Про поцелуй... через стекло.

— А-а-а, — протянула она, пряча усмешку.

— И не из жалости! — Лука определённо вознамерился додавить тему.

— А из-за чего же? — С её стороны это было избыточно. Стоит ли удивляться последовавшему ответу:

— Да хрен его знает!

Резкость выражения, в общем-то несвойственная отпрыску Дамировых, подействовала на девушку умиротворяюще. Она фыркнула, подавляя смешок. На самом деле ответ пришёлся ей по нраву. «По чесноку. И без розовых слюней!»

— Но ты так и не ответил на один вопрос, — она сделала паузу, то ли размышляя над уместностью темы, то ли собираясь придать ей дополнительную значимость. — Что там всё-таки было? На станции «Конечная».

— Спроси лучше у автора.

— Но ты...

— Станцию «Конечная» написал Серёга Марин из Пензы. А я дал родителям почитать... Как собственный текст. Очень они меня затромбовали тогда. Всё писателя

хотели сделать.

— А ты на самом деле не из них?

— Слова, слова, слова! — декламаторским голосом процитировал он Шекспира, а потом буднично, от себя присовокупил: — Они врут!

У девушки не нашлось что сказать на это. И она снова с силой нажимает на правую ступню. Шаг... Второй, третий.

Когда последовала очередная передышка, и она оглянулась, на неё в упор смотрел тёмный квадрат.

— Что ты задумал?

Квадрат двинулся вниз. А вынырнувший из-за него пухлый рот херувима объявил:

— А вот картинка не врёт. За ней будущее.

— Ты хочешь сказать...

— Я не буду излагать твою историю на бумаге. Потому что... — Здесь он замялся, подбирая слова.

— Ты снимал меня, — пришла ему на помощь Мирра. — Всё это время...

— Тебе потребуется реабилитация.

— А я — то, наивная, никак не могла взять в толк, о какой звезде интернета талдычат Фёдор с Маринкой.

— Почти миллион просмотров!

«Всюду деньги, деньги, деньги!

Всюду деньги, господа!

А без денег жизнь плохая.

Не годится никуда!»

Этот романс Бабуленция напевала в дни получения зарплаты.

Они замолчали. И похоже, это было обоим в тягость.

Перед тем как покинуть берег молодой человек помог девушке сесть в инвалидную коляску. А потом присел у её ног. И заговорил с осторожностью. Словно разматывал засохшие бинты с раны.

— Ты должна знать главное. Это классно, что ты снова вернулась. Что ты опять здесь. С нами..

Это был повод нырнуть под тёплую волну чувств. Но Мирра только обронила:

— Ладно, поехали уже...

И они поехали.

Спустя пару минут пара покинула берег, оставив его во владение двум псам. Но те тоже вскоре ушли. А с ними и та дивная и жуткая весна, столь много изменившая в жизни Мирры из города Мирного и Луки из «Красных кирпичиков».

Да и нас с вами.

Больше книг на сайте - Knigoed.net